

ISSN 0868-5169

Р 2(110)' 2021 ЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации
промышленного производства (ИЭОПП)
Сибирского отделения
Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН,
ИЭОПП СО РАН,
Исполнительный комитет Межрегиональной
ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова (заместитель главного редактора), В.И. Сулов (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Е. Баньски (Польша), Б. Батбуян (Монголия), Дж. Батчлер (Великобритания), Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), В.М. Геец (Украина), Б.С. Жихаревич, Е.А. Коломак, Н.А. Кравченко, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, И. Пальне-Ковач (Венгрия), А.Н. Пилясов, Б.Н. Порфирьев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, Ш. Табата (Япония), Г.А. Унтура, О.П. Фадеева

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

**Региональная политика
и экономические проблемы федерализма**

Казанцев С.В. Жизнеспособность субъектов Российской Федерации 3

**Экономические проблемы
развития регионов**

Дугаржапова Д.Б., Пискунов Е.Ю. Изменение уровня жизни населения
Республики Бурятия сквозь призму структуры денежных расходов 25

Кравцова М.В. Качество государственных медицинских закупок
в конкурентных процедурах 53

Кравченко Н.А., Иванова А.И. Распространение коронавируса в России:
региональные особенности 78

**Социальные проблемы
регионального развития**

Лексин В.Н. Системные основания и последствия территориально
опосредованной депопуляции 101

Кадоп Н.Ф. Опыт развития социального предпринимательства
в странах Евразийского экономического союза 135

Кондратьев М.В., Фадеева О.П. Практики участия населения в местном
самоуправлении: кейсы сибирских сел 162

**Трансграничные взаимодействия
в Северной и Северо-Восточной Азии**

Кулекеев Ж.А., Пак Е.А. Проблемы экономических взаимодействий Казахстана
и России в рамках Евразийского экономического союза 184

Ли Юнцзянь Совместная реализация инициативы «Один пояс – один путь»
в контексте стыковки стратегий экономического развития Китая и России 211

**Проблемы местного самоуправления
и муниципального развития**

Новоселов А.С., Ковалев А.Е., Гайдук Е.А. Совершенствование муниципального
управления на основе моделирования социально-экономических процессов 236

Тимушев Е.Н. Налоговая децентрализация муниципалитетов:
как можно использовать неявное межрегиональное взаимодействие 267

Научная жизнь

Научно-практический семинар «Инновационные экосистемы как формы
интеграции науки, образования и бизнеса» (*А.Т. Юсупова, Н.А. Кравченко*) 296

Regional Policy and Economic Issues of Federalism

- Kazantsev, S.V.* Viability of the Constituent Entities of the Russian Federation 3

**Economic Issues
of Regional Development**

- Dugarzhapova, D.B. and E.Yu. Piskunov.* Changes in the Standard of Living
in the Republic of Buryatia Through the Prism of the Monetary Expenditure Patterns . . . 25
- Kravtsova, M.V.* The Quality of Public Medical Procurement in Competitive Procedures 53
- Kravchenko, N.A. and A.I. Ivanova.* The Spread of Coronavirus in Russia:
Regional Peculiarities 78

**Social Issues
of Regional Development**

- Leksin, V.N.* Systemic Causes and Consequences of Spatially Mediated Depopulation 101
- Kadol, N.F.* Social Entrepreneurship Development Processes in the Countries
of the Eurasian Economic Union 135
- Kondratyev, M.V. and O.P. Fadeeva.* Practices of Public Participation
in Local Self-Governance: Case Studies of Siberian Villages 162

**Cross-Border Interactions
in North and North-East Asia**

- Kulekeev, Zh.A. and Ye.A. Pak.* The Issues of Economic Interaction Between Kazakhstan
and Russia Within the Eurasian Economic Union 184
- Li Yongquan.* Joint Work on the Belt and Road Initiative Within
the Strategic Conjugation of China's and Russia's Economic Strategies 211

**Issues of Local Self-Government
and Municipal Development**

- Novoselov, A.S., A.E. Kovalev and E.A. Gaiduk.* Improving Municipal Management Based
on Socio-Economic Modeling 236
- Timushev, E.N.* Tax Decentralization of Municipalities: How Could Implicit
Interregional Interaction Be Used? 267

News Notes

- Research to Practice Seminar "Innovation Ecosystems As Forms of Science, Education
and Business Integration" (*Yusupova, A.T. and N.A. Kravchenko*) 296

УДК 330.34.014.+332.055.2

Регион: экономика и социология, 2021, № 2 (110), с. 3–24

С.В. Казанцев

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Способность живого, развивающегося организма приспосабливаться к условиям внешней среды, менять их, находить средства и методы защиты и сохранять себя называют жизнестойкостью и жизнеспособностью. Жизнеспособность живых организмов и самовоспроизводящихся систем в целом и ее отдельные аспекты изучают многие науки. Цель данной работы – количественная оценка жизнеспособности субъектов Российской Федерации. Она выполнена на основе предложенного автором коэффициента жизнеспособности, в расчете которого в этой работе участвуют 15 показателей Федеральной службы государственной статистики РФ за 2000–2018 гг. Данный коэффициент показывает изменение жизнеспособности, а не ее абсолютный уровень. Анализ рассчитанных коэффициентов жизнеспособности 79 субъектов РФ показал, что в рассматриваемый период их динамика имела колебательный характер, при этом падения совпадали с периодами мировых финансово-экономических кризисов и неблагоприятными для России геополитическими событиями. Амплитуда колебаний уменьшалась, величины коэффициентов стремились к единице, что указывает на замедление и прекращение роста жизнеспособности. Полученные результаты могут оказаться полезными при исследовании состояния национальной безопасности России и ее административно-территориальных образований и при выработке политики социально-экономического и демографического развития субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: жизнеспособность; субъекты Российской Федерации; количественная оценка

Для цитирования: Казанцев С.В. Жизнеспособность субъектов Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 3–24. DOI: 10.15372/REG20210201.

ВВЕДЕНИЕ

Преследуя собственные политические, экономические, финансовые и идеологические цели, многие государства и хозяйствующие субъекты давно и открыто, и тайно конкурируют друг с другом, лишают соперников ресурсов развития, подрывают жизнеспособность врагов, противников, конкурентов. По отношению к современной России это отчетливо проявилось с введением 44-м президентом США Б. Обамой и Европейским союзом в марте 2014 г. так называемых антироссийских санкций. Сорок пятый президент США Д. Трамп не только продолжил антироссийский курс своего предшественника, но и активно подрывал экономическую безопасность Китайской Народной Республики, Исламской Республики Иран и ряда других стран, включая так называемых союзников Соединенных Штатов Америки¹.

Таящиеся в таких действиях опасности и возникающие угрозы исследуют специалисты в области национальной, социально-экономической, экологической, информационной, энергетической безопасности, безопасности регионов и объектов. Основное внимание они обычно сосредотачивают на выяснении смысла понятий «безопасность», «угроза», «риск», «защищенность», на выявлении и оценке угроз стране (см., например, [1; 9; 12]), ее административно-территориальным образованиям и хозяйствующим субъектам (см., например, [10; 11; 13]), на определении показателей безопасности и их критических (пороговых) значений, на разработке мер и способов защиты от угроз и их купирования (см., например, [6; 7]). При этом, к сожалению, без должного внимания остается жизнестойкость самого объекта (субъекта), о безопасности которого заботятся, его способность сопротивляться, отражать враждебные действия, устранять

¹ По данным Министерства финансов США, при президенте Д. Трампе оно ввело около 2800 санкций в отношении физических и юридических лиц, судов и самолетов [16].

причиненный ущерб, существовать и развиваться в неблагоприятных условиях.

Много лет занимаясь вопросами национальной и экономической безопасности, автор сосредоточился на изучении разных аспектов защищенности изучаемых объектов². Логика исследований состояния и защищенности объекта и повышения уровня последней закономерно привела к поиску факторов защищенности и определению состояния объекта, в котором он способен сохраняться и прогрессировать, несмотря на причиняемый ему ущерб, т.е. быть жизнестойким. Во многом этому помогло знакомство с работой А.И. Селиванова³ «Развитие объектов. Наука управления будущим» [8], в которой обстоятельно и комплексно описаны ресурсы развития общества. Предложенный в 2007 г. сотрудниками Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (г. Москва) для оценки динамики населения страны коэффициент витальности [3; 4] послужил импульсом к разработке представленного в данной статье коэффициента жизнеспособности и его апробации на статистике Российской Федерации. Ниже оценивается жизнеспособность сообществ, проживающих на территории субъектов Российской Федерации. В дальнейшем для краткости будем называть это оценкой жизнеспособности субъектов РФ.

ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ

Жизнеспособностью называют «способность к жизни во всех ее проявлениях, способность не только существовать, адаптироваться к условиям жизни, но и развиваться» [5, с. 5].

² См., например: *Казанцев С.В.* Экономическая безопасность и оценка экономической защищенности территории // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 40–56; *Казанцев С.В.* Модели расчета показателей защищенности страны и ее регионов // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 2 (94). – С. 32–51.

³ К сожалению, жизнь А.И. Селиванова в 2020 г. оборвал коронавирус SARS-CoV.

Для оценки динамики изменения уровня жизнеспособности субъектов Российской Федерации используем коэффициент жизнеспособности $V(t)$ ⁴:

$$V(t) = \frac{\sqrt[n]{\prod_i^n G(i, t)}}{\sqrt[m]{\prod_j^m Q(j, t)}}. \quad (*)$$

Здесь $t = 1, 2, \dots, T$ – индекс отрезков времени; $i = 1, 2, \dots, n$ – индекс факторов группы G ; $j = 1, 2, \dots, m$ – индекс факторов группы Q ; $G(i, t) = g(i, t) / g(i, t-1)$ – скорость изменения фактора i из группы G в отрезок времени t ; $Q(j, t) = q(j, t) / q(j, t-1)$ – скорость изменения фактора j из группы Q в отрезок времени t ; $g(i, t) > 0$ – значение фактора i из группы G в отрезок времени t ; $q(j, t) > 0$ – значение фактора j из группы Q в отрезок времени t .

В расчете коэффициента $V(t)$ участвуют две группы показателей. В числитель выражения (*) входят показатели, увеличение которых повышает жизнестойкость объекта. Термин «объект» в данной работе употребляется для обозначения того, что изучается, оценивается, познается, а не как противопоставление неодушевленного одушевленному (субъекту), не отождествляется только с физическим предметом, процессом, явлением. При таком понимании объект может быть как одушевленным (субъектом), так и неодушевленным.

К помещаемым в числитель выражения (*) ингредиентам относят, например, показатели численности населения и объема производственных инвестиций. Эта группа названа группой G .

В знаменателе выражения (*) стоят значения факторов, рост которых отрицательно влияет на жизнеспособность. Таковыми выступают, например, ухудшение условий жизни, ослабление суверенитета страны, устаревание производственных фондов. Отрицательно воздействующие на жизнеспособность объекта показатели объединены в группу Q .

⁴ Впервые предложен в работе: *Казанцев С.В.* Жизнестойкость общества: показатели и оценка динамики // *Экономическая безопасность*. – 2020. – № 3. – URL: <https://1economic.ru/lib/110838>.

Число показателей в каждой группе зависит от объекта исследования, решения исследователя и возможностей статистики. Количество показателей в группах в общем случае разное.

Ингредиентами соотношения (*) являются скорости роста, поэтому каждый участвующий в расчете показатель $g(i,t)$ и $q(j,t)$ должен быть отличен от нуля и не бесконечно близок к нему⁵. Так, равным нулю может быть, например, объем экспорта и (или) импорта субъекта Российской Федерации. Используемый в расчете показатель не должен менять знак на протяжении рассматриваемого отрезка времени. Меняющими знак являются, например, показатели сальдо федерального бюджета и бюджетов административно-территориальных образований, консолидированного бюджета страны и субъекта РФ⁶, сальдо их внешней торговли. Сформулированные требования позволяют рассчитывать темпы роста включаемых в выражение (*) показателей.

При формировании набора показателей использован еще один принцип их отбора: показатели не должны выражаться друг через друга. В противном случае при их умножении или делении можно получить показатель, не имеющий содержательного смысла. Например, валовой внутренний продукт в квадрате, деленный на объем инвестиций. При этом нет запрета на использование показателей, между которыми существует линейная или ранговая корреляционная связь.

Набор ингредиентов предлагаемого индекса $V(t)$ может содержать только социально-экономические показатели, удовлетворяющие сформулированным условиям.

Предложенный коэффициент жизнеспособности выражен в долях единицы, он больше нуля. Величина $V(t)$ показывает скорость изме-

⁵ На последнее в ходе работы круглого стола по проблемам современной экономики, проведенного 8 октября 2020 г. в рамках VIII Международной конференции «Экономическая безопасность: проблемы и перспективы» в г. Нижнем Новгороде, обратил внимание д. ф.-м. н., профессор С.Н. Митяков.

⁶ Эту трудность можно обойти, используя показатель отношения доходов бюджета к его расходам (см. далее табл. 2), а не сальдо бюджета.

нения жизнеспособности, ее увеличение или снижение и не является мерой достигнутого или желаемого уровня жизнеспособности⁷.

Равенство коэффициента жизнеспособности единице ($V(t) = 1$) означает, что за отрезок времени t жизнеспособность оцениваемого объекта не изменилась и осталась на уровне, на котором находилась в предыдущий отрезок времени $t - 1$.

Значение коэффициента, большее единицы ($V(t) > 1$), указывает на рост жизнеспособности, а меньшее единицы ($V(t) < 1$) – на ее снижение. Другими словами, равенство рассматриваемого коэффициента единице означает остановку движения, превышение единицы – ускорение динамики жизнеспособности, а величина меньше единицы – ее замедление.

Понятно, что как набор, так и число учтенных в выражении (*) показателей, используемых для оценки динамики исследуемого процесса (в нашем случае – изменения жизнеспособности), можно менять. Для учета важности (значимости) участвующих в расчете коэффициента $V(t)$ показателей им можно приписывать некоторые веса.

При выборе факторов жизнеспособности для расчетов по формуле (*) за основу были взяты те показатели Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 684), Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208) и Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (подписан 21.07.2020), по которым для субъектов РФ есть данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Учитывались также ограничения, накладываемые используемым методом оценки изменения жизнестойкости с помощью выражения (*), и высказываемое рядом исследователей мнение о том, что изучаемых показателей не должно быть много.

⁷ В этом аспекте он сходен с используемым Стокгольмским международным институтом исследований проблем мира (SIPRI) показателем TIV (Trend Indicator Values – значения индикаторов тренда), применяемым для оценки динамики военных расходов, экспорта и импорта обычных вооружений.

Таблица 1

**Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты,
млн куб. м**

Субъект РФ	2008	2009	2010	2011
Рязанская обл.	18	18	89	84
Московская обл.	588	565	1309	1220
г. Москва	1684	1595	909	908
Удмуртская Республика	25	23	105	127

Источник: составлено автором по данным Росстата (см.: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 370–371; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 483–484).*

Известно, что число данных, публикуемых Росстатом, и методики их расчета меняются во времени. Это также ограничивало возможности выбора отвечающих характеру объекта исследования и цели его изучения показателей, поскольку не позволяло построить динамические ряды индикаторов⁸. Часть показателей пришлось исключить из рассмотрения, так как в их динамике встречались необъяснимые скачки. Примером служит ряд данных Росстата «Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты» (табл. 1). Это один из показателей, характеризующих экологическую безопасность.

Не удалось включить в рассмотрение такие показатели зависимости экономики субъекта РФ от внешней торговли (т.е. учесть влияние внешней зависимости на жизнеспособность), как объемы экспорта, импорта и внешнеторгового сальдо. Первые два показателя у части регионов время от времени равны нулю (или весьма близки к нему), а величина сальдо внешней торговли еще и меняет знак, что не позволяет рассчитать темпы ее роста.

⁸ С 2014 г. Росстат прекратил публиковать данные о численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. В настоящей работе для проведения расчетов жизнестойкости этих субъектов Федерации используются рассчитанные автором показатели численности такого персонала за 2014–2018 гг.

Таблица 2

**Исходные показатели, выбранные для расчета коэффициента
жизнеспособности субъектов РФ**

Исходный показатель	Обозначение показателя
<i>Характеризуют: сохранение и воспроизводство населения</i>	
Численность населения	<i>G1</i>
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	<i>G2</i>
Число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни	<i>Q1</i>
<i>Характеризует: обеспечение территориальной целостности</i>	
Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	<i>G3</i>
<i>Характеризуют: экономическую независимость</i>	
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	<i>G4</i>
Объем инвестиций в основной капитал	<i>G5</i>
Объем промышленного производства	<i>G6</i>
Объем производства продукции сельского хозяйства	<i>G7</i>
<i>Характеризуют: повышение благосостояния населения</i>	
Реальные располагаемые денежные доходы населения	<i>G8</i>
Среднегодовая численность занятых в экономике	<i>G9</i>
<i>Характеризуют: защищенность</i>	
Население в трудоспособном возрасте	<i>G10</i>
Валовой региональный продукт	<i>G11</i>
Отношение доходов консолидированного бюджета к его расходам	<i>G12</i>
Степень износа основных фондов	<i>Q2</i>
<i>Характеризует: обеспечение экологической безопасности</i>	
Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников	<i>Q3</i>

Источник: составлено автором.

Выбранные для оценки жизнеспособности субъектов Российской Федерации исходные показатели представлены в табл. 2⁹. Все стоимостные индикаторы берутся в сопоставимых ценах.

Любой конечный набор показателей (а работать с бесконечным числом индикаторов не имеет смысла) не полностью отражает сущность и характер человеческого общества. Более того, количественные индикаторы далеко не всегда показывают качественное состояние объекта. Например, представленные в табл. 2 показатели ни все вместе, ни по отдельности не помогут характеризовать отличие общества Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (идеологию, мировоззрение, цели, культуру, качество управления и т.д.) в 1945–1980 гг. от общества Российской Федерации в 1992–2021 гг. Уже поэтому сравнение их уровней жизнеспособности будет неизбежно неполным. Однако можно сравнивать динамики изменения этих уровней во времени, не соизмеряя сами уровни.

Отметим также, что при рассмотрении отдельных аспектов жизнеспособности и при изучении конкретных объектов (в нашем случае – субъектов РФ) набор и число показателей могут меняться. Например, при расчете коэффициента жизнестойкости Российской Федерации была возможность использовать 15 показателей группы G и шесть показателей группы Q ¹⁰.

ОЦЕНКА ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ

Расчеты жизнеспособности субъектов Российской Федерации проведены на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ за период 2000–2018 гг. для 79 административно-территориальных образований. В связи с недостатком статистических данных не оценивалась жизнеспособность Республики Крым, г. Сева-

⁹ К сожалению, не удалось найти количественные показатели, характеризующие качество управления рассматриваемыми сообществами, а оно – важнейший фактор жизнеспособности социума (см. [3]).

¹⁰ См.: Казанцев С.В. Жизнестойкость общества: показатели и оценка динамики.

Таблица 3

Число и доля субъектов РФ, у которых темпы роста величины коэффициента жизнестойкости в 2000–2018 гг. находились в заданном интервале

Показатель	Интервал темпов роста значения коэффициента жизнестойкости, %				
	(0–100)	[100–125)	[125–150)	[150–200)	200
Число, ед.	3	16	30	24	6
Доля, %	3,8	20,2	38,0	30,4	7,6

Примечание: квадратная скобка означает закрытый, а круглая – открытый интервал.
Источник: составлено автором.

стополя, Чеченской Республики и взятых отдельно Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В субъект РФ Архангельская область включены Архангельская область вместе с Ненецким АО, а в субъект РФ Тюменская область – Тюменская область вместе с Ханты-Мансийским АО и Ямало-Ненецким АО.

У большинства рассматриваемых субъектов Российской Федерации показатель жизнестойкости в исследуемый период вырос (табл. 3), и лишь у трех (Псковская область, Краснодарский край и Республика Марий Эл) он уменьшился.

Динамики изменений максимальных и минимальных значений коэффициента жизнеспособности субъектов РФ в 2000–2018 гг. приведены на рис. 1. Статистическая проверка показала отсутствие линейной корреляционной связи между представленными на этом рисунке кривыми. На рисунке 1 можно видеть, что: а) в каждом году рассматриваемого периода был хотя бы один субъект Федерации, жизнеспособность которого, оцениваемая по представленным в табл. 2 показателям, снижалась; б) изменение рассчитанных коэффициентов было неравномерным, в нем наблюдались как взлеты, так и падения.

Анализ показал, что в 2000–2018 гг. наименьшее число субъектов РФ с растущей жизнеспособностью ($V(t) > 1$) было в 2002, 2009 и 2016 гг. (рис. 2). Думается, главным образом это обусловлено высокой степенью зависимости экономики Российской Федерации от

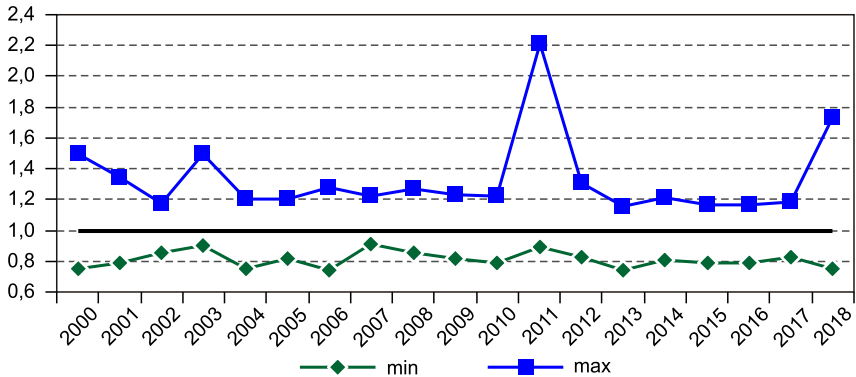

Рис. 1. Максимальные и минимальные значения коэффициента жизнеспособности субъектов РФ в 2000–2018 гг., ед.

Источник: построено автором

состояния мировых товарных и финансовых рынков, от геоэкономической и геополитической ситуации. При такой зависимости колебания (скачки) коэффициента жизнеспособности связаны со значительными (резкими) изменениями мировой конъюнктуры, геополитического и геоэкономического положения России.

В рассматриваемый период было три таких глубоких, резких и масштабных изменения. В 2002 г. экономика Российской Федера-

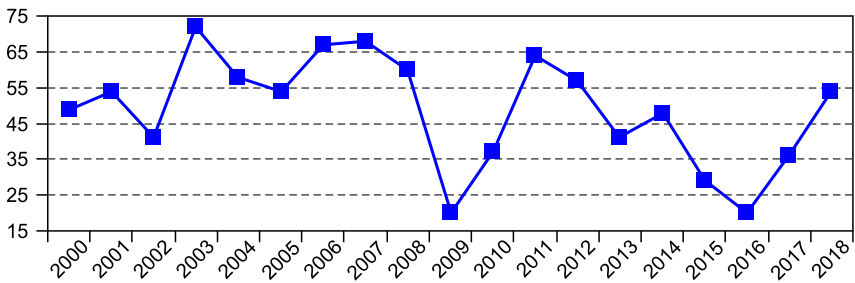

Рис. 2. Число субъектов РФ, у которых коэффициент жизнеспособности в соответствующем году был больше единицы, ед.

Источник: построено автором

ции ощутила последствие кризиса доткомов¹¹ (2000–2001 гг.); 2009 г. был годом наиболее сильного воздействия на экономику европейских стран и России мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.¹² В 2012 г. начавшийся в США в сфере недвижимости и финансово-кредитной системе кризис, усиленный последствиями урагана «Сэнди», распространился по миру. В том же году в государствах еврозоны пошла вторая волна мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. [14; 15]. Наибольший ущерб от него экономика Российской Федерации понесла в 2009 г. С 2014 г. экономика России находится под давлением антироссийских санкций, самые тяжелые последствия которых в период 2014–2018 гг., по нашей оценке, наблюдались в 2016 г.

С учетом названных кризисов и антироссийских санкций рис. 2 можно преобразовать в рис. 3.

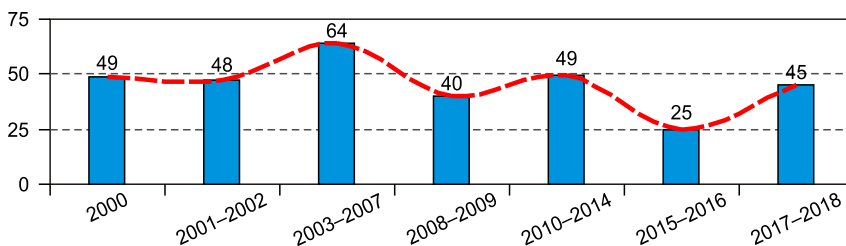

Рис. 3. Среднее число субъектов РФ, у которых коэффициент жизнеспособности в соответствующий период был больше единицы, ед.

Источник: построено автором

¹¹ «Дотком – термин, применяющийся по отношению к компаниям, чья бизнес-модель целиком основывается на работе в рамках сети Интернет. Термин произошел от английского dot-com («точка-ком») – домена верхнего уровня .com, в котором зарегистрированы преимущественно сайты коммерческих организаций» (URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/9131).

¹² «2009-й год стал самым тяжелым для экономики ЕС со времен Великой депрессии. Совокупный ВВП упал на 4%, инвестиции сократились на 13%, безработица выросла с 7,1 млн до 9,0 млн человек. Бюджетный дефицит в среднем по Евросоюзу составил 6%, а по зоне евро – 7%. Только за 2009 г. совокупный государственный долг стран ЕС вырос с 62% почти до 75%. В Греции он приблизился к 130%, а в Италии – к 120% ВВП» [2, с. 100].

ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТОВ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ НЕКОТОРЫХ СУБЪЕКТОВ РФ

Неравномерность изменения коэффициентов жизнеспособности рассмотрим на примере нескольких субъектов Российской Федерации.

Наибольшие колебания показателя жизнеспособности среди исследуемых 79 субъектов РФ в 2000–2018 гг. были у Республики Ингушетии (коэффициент вариации: $= 29,9$) и Республики Калмыкии ($= 17,2$)¹³. При этом у Калмыкии наблюдалась отличная от основной массы субъектов РФ, нетипичная динамика коэффициента жизнеспособности: он повышался и в кризисные 2008–2009 гг., и в трудные в связи с воздействием антироссийских санкций 2015–2016 гг. А в 2017–2018 гг. этот коэффициент, наоборот, снизился (рис. 4).

В кризисный 2002 г. жизнеспособность, по нашей оценке, по сравнению с 2000 г. повысили 35 из 79 субъектов Российской Федерации (среднегодовые темпы роста коэффициента жизнеспособности в 2001–2002 гг. были больше, чем в 2000 г.), в кризисные 2008–2009 гг. – восемь субъектов. В период наиболее сильного влияния на экономику страны антироссийских санкций – 2015–2016 гг. – среднегодовые

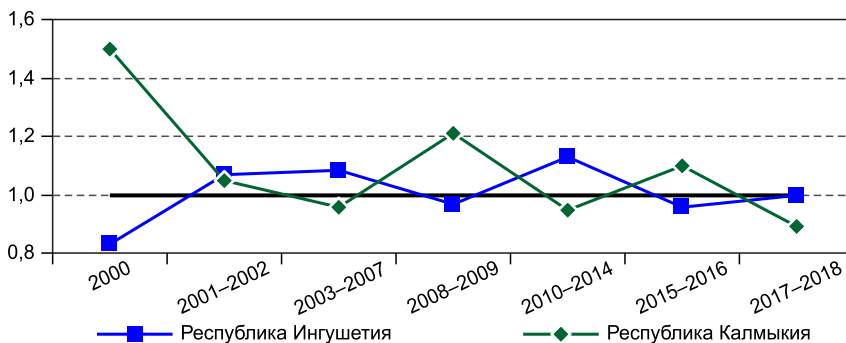

Рис. 4. Среднегодовые величины коэффициентов жизнестойкости Республики Ингушетии и Республики Калмыкии в 2000–2018 гг., ед.

Источник: построено автором

¹³ Статистическая проверка отвергла гипотезу о наличии линейной корреляционной связи динамических рядов значений $V(t)$ этих субъектов РФ.

темпы роста коэффициента жизнеспособности были больше, чем в 2010–2014 гг., у 13 субъектов РФ, а в 2017–2018 гг., в период после наиболее значительного ущерба от антироссийских санкций, среднегодовые темпы роста коэффициента $V(t)$ оказались ниже, чем в 2015–2016 гг., у 19 субъектов.

Самым маленьким в рассматриваемый период был размах колебаний показателя жизнеспособности у Красноярского края ($\sigma = 2,6$) и Республики Башкортостан ($\sigma = 3,0$)¹⁴ (рис. 5).

Среди рассчитанных динамических рядов коэффициентов жизнеспособности есть ряды, между которыми существует положительная линейная корреляционная связь, отрицательная линейная корреляционная связь, и ряды, между которыми нет линейной корреляционной связи. Это указывает на то, что среди исследуемых субъектов Федерации есть субъекты со схожей, несхожей и противоположной динамикой изменения жизнеспособности.

Так, положительная корреляция установлена у рядов $V(t)$ Нижегородской и Новосибирской областей: $R^2 = 0,8532$, значим с двусторонним уровнем существенности $\alpha = 0,01$. Динамика изменения коэф-

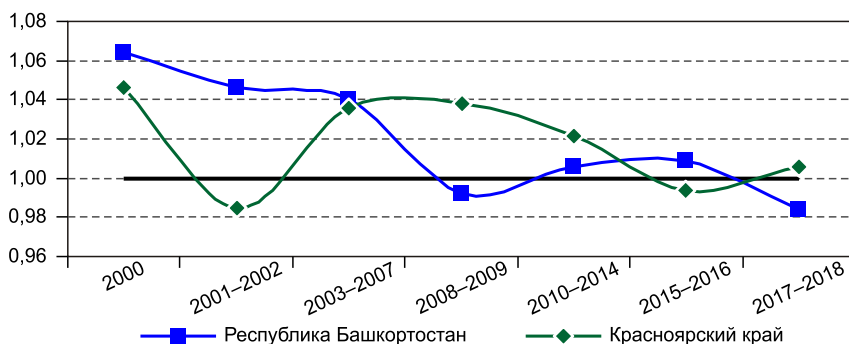

Рис. 5. Среднегодовые величины коэффициентов жизнестойкости Республики Башкортостан и Красноярского края в 2000–2018 гг., ед.

Источник: построено автором

¹⁴ Статистическая проверка отвергла гипотезу о наличии линейной корреляционной связи динамических рядов значений $V(t)$ также и этих двух субъектов РФ.

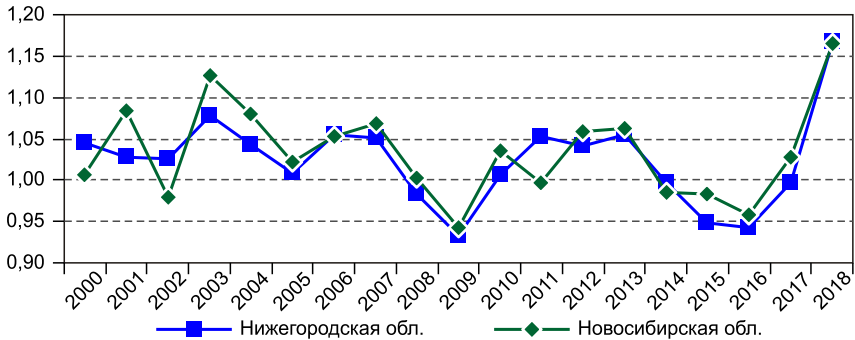

Рис. 6. Значения коэффициентов жизнестойкости Нижегородской и Новосибирской областей в 2000–2018 гг., ед.

Источник: построено автором

фициентов жизнестойкости этих субъектов показана на рис. 6. Отрицательно коррелированы ряды $V(t)$, например, Пермского края и Саратовской области: $R^2 = -0,8040$, значим с двусторонним уровнем существенности $= 0,01$ (рис. 7). Субъекты РФ с несхожей динамикой изменения жизнеспособности (у которых отсутствует линейная корреляционная связь) показаны на рис. 4 и 5.

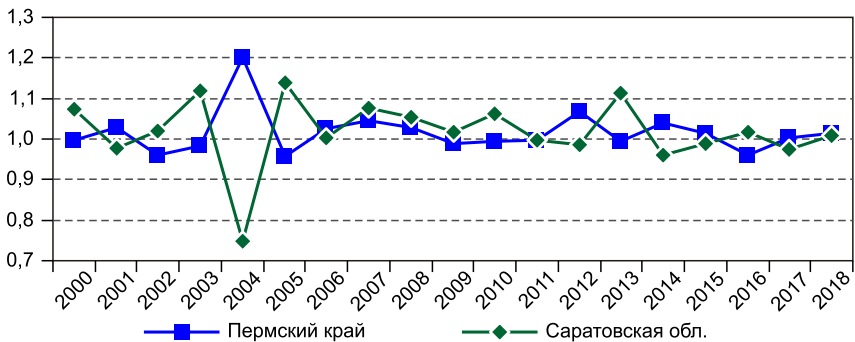

Рис. 7. Значения коэффициентов жизнестойкости Пермского края и Саратовской области в 2000–2018 гг., ед.

Источник: построено автором

Представленные на рис. 4–7 субъекты Российской Федерации различны по географическому положению, природно-климатическим условиям, структуре экономики. Это означает, что повышать жизнеспособность можно в разных условиях и ситуациях. Важную роль в этом, полагаем, играет качество организации социума и управления его развитием. Отметим, что основные нефте- и газодобывающие субъекты РФ (Тюменская область с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Пермский край, Оренбургская область, Самарская область, Архангельская область с Ненецким автономным округом, Республика Коми, Сахалинская область, Удмуртская Республика, Томская область, Иркутская область) оказались за пределами первых 20 субъектов по росту коэффициента жизнеспособности¹⁵.

Анализ рисунков 4–7 показывает тенденцию, присущую практически всем рассматриваемым субъектам Российской Федерации в исследуемый период: уменьшение размаха колебаний коэффициента $V(t)$ и затухание повышения жизнеспособности субъектов РФ (равен-

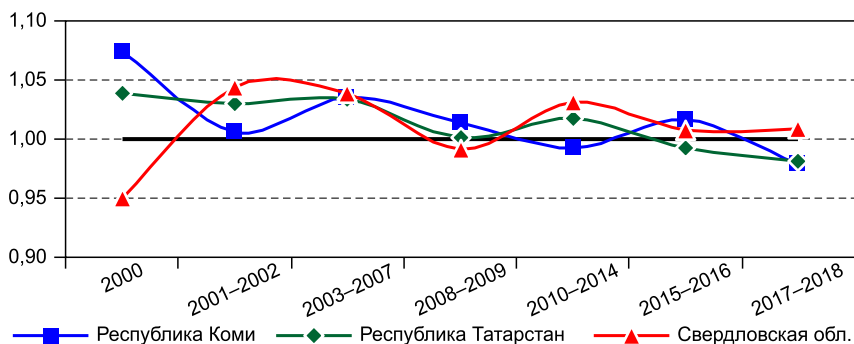

Рис. 8. Среднегодовые величины коэффициентов жизнестойкости Республики Коми, Республики Татарстан и Свердловской области в 2000–2018 гг., ед.

Источник: построено автором

¹⁵ Следует отметить, что значения коэффициентов $V(t)$ зависят от исходных величин участвующих в их расчете параметров. Это так называемый эффект базы: увеличение с единицы до двух означает рост на 100%, а со 100 до 120 – на 20%.

ство $V(t)$ единице означает прекращение роста жизнеспособности). Сказанное иллюстрирует, например, рис. 8.

Коэффициенты жизнестойкости представленных на рис. 8 субъектов Российской Федерации в 2000–2018 гг. линейно не коррелированы, в отдельные периоды меняются в разных направлениях (см. линии «Республика Коми» и «Свердловская область»), могут и почти не меняться (см. линию «Республика Татарстан» на отрезке 2001–2002 гг.). При всех этих несовпадениях и различиях амплитуда колебаний показанных на рис. 8 кривых уменьшается, а сами они приближаются к прямой линии $V(t) = 1$.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя полученные результаты, отметим следующее. С 2000 по 2018 г. оцениваемая по 15 выбранным показателям жизнеспособность 75 из 79 рассматриваемых субъектов Российской Федерации повысилась. Изменения предложенных коэффициентов жизнеспособности у всех 79 субъектов РФ в 2000–2018 гг. были неравномерными, со взлетами и падениями. За снижением коэффициента жизнеспособности следовал рост, за увеличением – понижение, т.е. динамика изменения жизнеспособности имела колебательный характер. Амплитуда колебаний во времени затухала, и величина коэффициента жизнеспособности все больше приближалась к единице. Равенство же данного показателя единице означает прекращение роста жизнеспособности, и это не может не вызывать беспокойства.

Такая динамика коэффициента жизнеспособности есть результат действия участвующих в его расчете факторов. При этом проведенные для Российской Федерации в целом вычисления с использованием 23 факторов показали, что колебания и их затухание сохранялись при исключении из расчетов отдельных показателей. Менялась лишь амплитуда колебаний.

Наиболее сильное падение у большинства субъектов РФ происходило в периоды мировых финансово-экономических кризисов и после введения антироссийских санкций. Это указывает на то, что при оцен-

ке экономической безопасности в экономических исследованиях и при планировании развития, по крайней мере на уровне страны, ее административно-территориальных образований, значимых для экономики хозяйствующих субъектов и тех из них, чья деятельность ориентирована на внешние рынки и зависит от них, следует учитывать геоэкономическую и геополитическую ситуацию.

Поскольку материальной основой колебательного изменения многих макроэкономических показателей, а также выхода из экономических кризисов и противодействия враждебным внешним воздействиям являются изменения в системе используемых технологий, в организации производства и управлении, именно на них следует обращать основное внимание в деятельности по сохранению и укреплению жизнеспособности общества.

Известно, что главные перемены в системе технологий и управления происходят в результате использования фундаментальных научно-технических открытий, изобретений, достижений и в периоды экономической стагнации, и в периоды оживления. Такие открытия и изобретения, в первую очередь в области здравоохранения, микробиологии, перемены в системе организации ряда видов человеческой деятельности мы наблюдаем в период пандемии COVID-19. Поэтому, а также экстраполируя наблюдаемую динамику коэффициента жизнеспособности, естественно ожидать, что после вызванного пандемией ослабления многих факторов жизнестойкости последуют их укрепление и рост жизнеспособности. И каждая страна, каждый субъект Российской Федерации с учетом собственного исторического развития, сложившейся ситуации и имеющихся ресурсов может вырабатывать собственную политику повышения жизнеспособности. Можно также заимствовать у других отдельные элементы и блоки такой политики. Главное и в том, и в другом подходе – следовать объективным законам развития.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 0260-2021-0008

Список источников

1. *Абалкин Л.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.
2. *Буторина О.* Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 98–115.
3. *Витальный* подход к сложным социальным системам: Материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2013. – Вып. 6. – 144 с.
4. *Государственная* политика вывода России из демографического кризиса / Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. – 2-е изд. – М.: Экономика. Научный эксперт, 2007. – 888 с.
5. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38, № 4. – С. 5–16.
6. *Методический* инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтнического региона. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. – 284 с.
7. *Митяков Е.С.* Прикладные модели исследования экономической безопасности: Учеб. пособие. – Н. Новгород: НГТУ им Р.Е. Алексеева, 2016. – 108 с.
8. *Селиванов А.* Развитие объектов: Наука управления будущим. – М.: Алгоритм, 2016. – 848 с.
9. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие (книга четвертая) / Ин-т экономики РАН. – М.: Финстатинформ, 2012. – 128 с.
10. *Теория* и практика оценки экономической безопасности (на примере Сибирского федерального округа). – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 146 с.
11. *Экономическая* безопасность регионов. – Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2014. – 254 с.
12. *Экономическая* безопасность России: Общий курс: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 815 с.
13. *Экономическая* безопасность России: Уроки кризиса и перспективы роста. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2012. – Т. 1. – 1312 с.
14. *European Economic Forecast. Autumn 2012* // *European Economy*. – 2012. – No. 7. – 179 p.
15. *Fiscal Sustainability Report* // *European Economy*. – 2012. – No. 8. – 204 p.
16. *Politi J.* Trump Administration Leans on Sanctions to Shape Foreign Policy. – URL: <https://www.ft.com/content/a85a4246-169a-11ea-b869-0971bfffac109> (дата обращения: 31.01.2020).

Информация об авторе

Казанцев Сергей Владимирович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: kzn-sv@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20210201

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 3–24

S.V. Kazantsev

VIABILITY OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The ability of all living and developing things to adapt to environmental conditions, change them, find means and ways to protect and preserve themselves is called resilience and viability. There are many sciences that study the viability of living organisms and self-replicating systems as a whole and its individual aspects. This work aims to quantify the viability of the constituent entities (regions) in the Russian Federation. To achieve this goal, we use the author's viability coefficient that shows the change in viability, not its absolute level; 15 indicators of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation for 2000–2018 were used to calculate the viability coefficient in this study. Having analyzed the viability coefficients calculated for 79 Russian regions, we see that their dynamics fluctuated during those years. The falls coincided with periods of global financial/economic crises and unfavorable geopolitical events for Russia. The oscillations amplitude decreased, and the coefficient values were approaching one, which indicates decelerated or ceased viability growth. The results obtained could prove to be useful in studying the state of national security in Russia and its administrative-territorial entities, as well as drafting regional socio-economic and demographic policies.

Keywords: resilience; constituent entities of the Russian Federation; quantitative estimation

For citation: *Kazantsev, S.V. (2021). Zhiznesposobnost subyektov Rossiyskoy Federatsii [Viability of the constituent entities of the Russian Federation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 3–24. DOI: 10.15372/REG20210201.*

The publication is prepared within the research plan of the IEIE SB RAS under the project “Methods and models for substantiating the strategy for the development of the Russian economy in the changing macroeconomic reality” No. 0260-2021-0008

References

1. *Abalkin, L. (1994). Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie [Economic security of Russia: threats and their reflection]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 12, 4–13.*
2. *Butorina, O. (2012). Prichiny i posledstviya krizisa v zone evro [Causes and consequences of the crisis in the Euro zone]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 12, 98–115.*
3. *Vitalnyy podkhod k slozhnym sotsialnym sistemam. Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 6 [Vital approach to complex social systems. Proc. sci. semin. Iss. 6]. (2013). Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 144.*
4. *Yakunin, V.I., S.S. Sulakshin, V.E. Bagdasaryan et al. (2007). Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa [State Policy of Russia’s Withdrawal from the Demographic Crisis]. 2nd ed. Moscow, Ekonomika Publ., Nauchnyy ekspert Publ., 888.*
5. *Makhnach, A.V. (2017). Zhiznesposobnost cheloveka kak predmet izucheniya v psikhologicheskoy nauke [Human resilience as research object in psychology]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal], Vol. 38, No. 4, 5–16.*
6. *Metodicheskii instrumentariy otsenki ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti politnicheskogo regiona [Methodological tools for assessing threats to the economic security of a multi-ethnic region]. (2020). Elista, Kalmyk State University Publ., 284.*
7. *Mityakov, E.S. (2016). Prikladnye modeli issledovaniya ekonomicheskoy bezopasnosti: ucheb. posobie [Applied Models for Economic Security Research: textbook]. Nizhny Novgorod, NNSTU n.a. R.E. Alekseev, 108.*
8. *Selivanov, A. (2016). Razvitie obyektoy: Nauka upravleniya budushchim [Development of Objects: Science of Future Management]. Moscow, LLC EV Algorithm, 848.*

9. *Senchagov, V.K.* (2012). *Ekonomicheskaya bezopasnost: geopolitika, globalizatsiya, samosokhranenie i razvitie (kniga chetvertaya)* [Economic security: Geopolitics, Globalization, Self-preservation and development (Book four)]. Institute of Economics RAS. Moscow, CJSC Finstatinform, 128.

10. *Teoriya i praktika otsenki ekonomicheskoy bezopasnosti (na primere Sibirskogo federalnogo okruga)* [Theory and Practice of Economic Security Assessment (on the Example of the Siberian Federal District)]. (2017). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 146.

11. *Ekonomicheskaya bezopasnost regionov* [Economic Security of the Regions]. (2014). Nizhny Novgorod, NSTU named after R.E. Alekseev, 254.

12. *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: Obshchiy kurs: Uchebnik* [Economic Security of Russia: General Course: Textbook]. (2009). 3rd revised and enlarged edition. Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 815.

13. *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: Uroki krizisa i perspektivy rosta. T. 1* [Economic Security of Russia: Lessons of the Crisis and Growth Prospects. Vol. 1]. (2012). Yekaterinburg, Institute of Economics, UrB RAS Publ., 1312.

14. *European Economic Forecast. Autumn 2012.* (2012). European Economy, July, 179.

15. *Fiscal Sustainability Report.* (2012). European Economy, August, 204.

16. *Politi, J.* (2020). Trump Administration Leans on Sanctions to Shape Foreign Policy. Available at: <https://www.ft.com/content/a85a4246-169a-11ea-b869-0971bffa109> (date of access: 31.01.2020).

Information about the author

Kazantsev, Sergey Vladimirovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: kzn-sv@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 27.12.2020.

После доработки 01.02.2021.

Принята к публикации 03.02.2021.

© Казанцев С.В., 2021

УДК 330.59+330.564.2

Регион: экономика и социология, 2021, № 2 (110), с. 25–52

Д.Б. Дугаржапова, Е.Ю. Пискунов

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРУКТУРЫ ДЕНЕЖНЫХ РАСХОДОВ

В статье рассматривается проблема оценки и анализа уровня жизни населения отдельно взятого региона. Цель статьи – оценить изменения уровня жизни населения Республики Бурятия, произошедшие в 2012–2018 гг., относительно периода 2005–2011 гг. В предположении о наличии связи между уровнем жизни и структурой расходов населения выполняется анализ структурных сдвигов по шести компонентам денежных расходов населения. Приводятся точечные и интервальные оценки структурных сдвигов, полученные бутстреп-методом; с помощью критерия Манна – Уитни и перестановочного критерия проверяется их статистическая значимость. По результатам проведенных расчетов делается вывод о снижении уровня жизни в Республике Бурятия, что отражается в характерных изменениях структуры потребительских расходов и отрицательной разнице доходов и расходов населения. Приведенные в статье оценки структурных сдвигов могут быть использованы в качестве ориентиров или целевых показателей при выработке мер по повышению уровня жизни населения органами управления республики. Описанная методика также может быть использована при анализе уровня жизни в федеральных округах, по стране в целом и при межрегиональных сравнениях.

Ключевые слова: уровень жизни; индекс человеческого развития; структура расходов; бутстреп-метод; критерий Манна – Уитни; перестановочный критерий

Для цитирования: *Дугаржапова Д.Б., Пискунов Е.Ю.* Изменение уровня жизни населения Республики Бурятии сквозь призму структуры денежных расходов // *Регион: экономика и социология.* – 2021. – № 2 (110). – С. 25–52. DOI: 10.15372/REG20210202.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших индикаторов социально-экономического развития общества является уровень жизни. Обеспечение высокого уровня жизни населения входит в перечень национальных интересов государства, поскольку является залогом социально-экономической стабильности. Достижимый уровень жизни дает возможность судить как о характере и направлении происходящих перемен в стране в целом, так и об их последствиях для населения отдельных регионов, несмотря на присущие регионам особенности развития, связанные с большим разнообразием по экономическим, социальным, природным, ресурсным, демографическим и другим параметрам. Ряд экономических кризисов, произошедших в последние годы, существенно повлияли на изменение уровня жизни населения Российской Федерации, что требует разработки и реализации конкретных мер по его повышению. С учетом того, что используемые государством меры социальной поддержки демонстрируют различную результативность на региональном уровне, объективная оценка изменения уровня жизни в регионах приобретает особую актуальность.

Одним из наиболее распространенных и доступных статистических показателей, характеризующих уровень жизни в конкретном регионе, является валовой региональный продукт на душу населения. В 2018 г. его размер по Республике Бурятии составил 229 836,9 руб. при среднегодовой убыли физического объема производства в 5,7% за последние пять лет. Вместе с тем несмотря на присущие показателю ВРП агрегирующие свойства, он не учитывает такие важные аспекты, как уровень материальной и социальной обеспеченности населения, жилищные условия, потребление, образование, здравоохранение и проч. Так, например, в том же 2018 г. ВРП на душу населения Магаданской области и г. Москвы превышал уровень Республики

Бурятии в пять и шесть раз соответственно, чего нельзя сказать об уровне жизни населения, проживающего в этих регионах.

Учитывая многогранность и многоаспектность социально-экономической категории «уровень жизни», для всесторонней оценки уровня жизни целесообразнее использовать совокупность статистических показателей. В конце 2002 г. Статистический комитет Содружества Независимых Государств предложил систему индикаторов для оценки уровня жизни населения в странах СНГ [9]. В обобщенном виде она имеет следующую структуру:

- интегральные показатели уровня жизни (макроэкономические и демографические показатели, показатели экономической активности и пенсионного обеспечения населения);
- показатели материальной обеспеченности населения (доходы домашних хозяйств, показатели бедности и неравенства в распределении доходов отдельных групп населения);
- личное потребление (стоимость, калорийность и состав пищевых веществ минимальной продовольственной корзины, структура расходов населения, доля затрат на питание, среднедушевое потребление основных продуктов питания);
- жилищные условия населения (обеспеченность населения жильем, доля расходов на оплату жилья в потребительских расходах населения);
- социальная напряженность (коэффициент преступности).

Все перечисленные показатели находят отражение в официальных статистических изданиях Росстата и широко применяются в научных исследованиях при оценке и анализе уровня жизни как страны в целом, так и ее отдельных регионов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Существующие исследования, посвященные изучению уровня жизни, в соответствии с применяемыми методиками оценки и анализа можно разделить на три группы:

- 1) исследование отдельных аспектов уровня жизни через анализ динамики и вариации соответствующих показателей;

- 2) комплексная оценка уровня жизни путем обобщения совокупности показателей;
- 3) оценка изменения уровня жизни на основе анализа структурных сдвигов в расходах населения.

Первая группа работ наиболее многочисленна, в основном за счет повторяющихся мониторинговых исследований, проводимых различными профильными организациями, например Всероссийским центром уровня жизни (ВЦУЖ), возглавляемым В.Н. Бобковым. Система показателей, неизменно применяемая ВЦУЖ при анализе качества и уровня жизни населения, включает индекс человеческого развития, ВРП на душу населения, покупательную способность денежных доходов, уровень бедности и показатели дифференциации доходов населения. Данный набор показателей полностью или частично используется в исследованиях многих авторов. Так, в работе И.К. Беляевского [3] в качестве характеристик уровня жизни применяются показатели денежных доходов и расходов населения, а также показатели социального неравенства отдельных групп населения. В работах В.Г. Басаревой [2] и Д. Берковитца и Д. ДеДжонга [18] при эконометрическом моделировании взаимосвязи развития малого бизнеса и уровня жизни населения использованы среднегодовой темп роста реальных (скорректированных на рост потребительских цен) среднедушевых денежных доходов населения и доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. В работах В.А. Кривошея и Н.В. Школкиной [10], М.А. Меньшиковой и К.В. Коптевой [12] среди важнейших обобщающих показателей уровня жизни выделяются валовой внутренний продукт, совокупные доходы населения, доходы в расчете на душу населения, индекс потребительских цен, средняя продолжительность жизни населения, показатели неравенства и бедности и др.

Подход, применяемый в упомянутых выше работах, имеет один явный недостаток: в зависимости от выбранного показателя выводы об уровне жизни конкретного объекта исследования могут противоречить друг другу. Это наглядно показано в работах В.Н. Бобкова и его соавторов [5; 6], где в число социально неблагополучных регионов наряду с депрессивными республиками Алтай, Тыва, Ингушетия

и Калмыкия (по уровню бедности и покупательной способности денежных доходов) входят экономически развитые Республика Башкортостан, города Москва и Санкт-Петербург, Тюменская и Самарская области (по показателям дифференциации доходов населения). В дополнение к этому следует упомянуть монографию коллектива авторов во главе с Н.М. Римашевской из Института социально-экономических проблем народонаселения РАН [14], в которой отмечается положительная корреляция коэффициента фондов с величиной денежных доходов населения и отрицательная – с уровнем бедности. Наконец, в качестве примера можно привести динамику основных макроэкономических показателей уровня жизни в Республике Бурятия, представленную на рис. 1. По графику нельзя сделать однозначный вывод о наблюдающихся тенденциях. Так, например, по размеру реальной заработной платы к концу 2018 г. видно, что уровень жизни в республике полностью восстановился после кризиса 2014–2015 гг., по величине ВРП на душу населения – восстановление только началось, а по величине реальных денежных доходов и расходов населения – падение продолжается. Кроме того, динамика уровня жизни как характеристики благосостояния населения оказывается более инерционной и менее чувствительной к экономическим шокам, чем динамика показателей, представленных на рис. 1.

Агрегирование определенного набора статистических показателей, характеризующих различные стороны уровня жизни населения, позволяет избежать упомянутых выше проблем. Наиболее простым и устоявшимся среди такого рода индикаторов является индекс человеческого развития (ИЧР), используемый для измерения и сравнения уровня жизни стран и регионов. Он рассчитывается как среднее по нормированным значениям ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования и доходов населения. По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации за 2018 г., Республика Бурятия занимает 77-е место среди регионов России со значением индекса 0,832. Несмотря на его распространенность, данный индекс часто критикуют. Так, например, экономист Б. Каплан [19] в своем блоге EconLog отмечает, что фактически страна бесмертных с бесконечным ВВП на душу населения получила бы ИЧР,

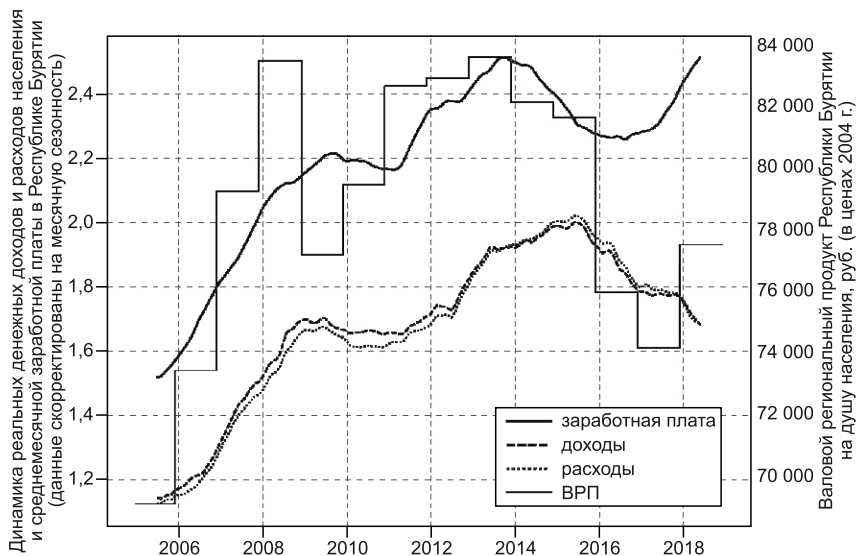

Рис. 1. Динамика основных макроэкономических показателей уровня жизни населения Республики Бурятия

равный 0,666 (ниже, чем в Таджикистане и Южно-Африканской Республике), если бы ее жители были неграмотными и никогда не ходили в школу. Кроме того, этот индекс не учитывает такие аспекты уровня жизни, как социальная напряженность, личное потребление, бедность и дифференциация доходов населения.

В качестве альтернативы как зарубежные, так и отечественные ученые предлагают более обобщенные индикаторы уровня жизни, однако вместе с тем и более трудоемкие в их оценке. Так, Л. Осберг и Э. Шарп для получения индекса экономического благосостояния отдельных стран ОЭСР [28] агрегируют четыре группы показателей, характеризующие потребление, запасы богатства, дифференциацию распределения доходов и экономическую безопасность. Индекс социального здоровья Мирингоффа (Index of Social Health, ISH) [26] включает 16 статистических показателей, описывающих здоровье, продолжительность жизни, бедность, жилищные условия, социальную и материальную обеспеченность населения, социальные проблемы под-

ростков, безработицу, преступность и проч. Индекс социального развития Эстеса (Index of Social Progress, ISP) [23] агрегирует 46 социальных индикаторов в подиндексы, характеризующие образование, здравоохранение, положение женщин, культурное разнообразие, оборону, экономику, демографию и географию страны.

Среди отечественных исследований важно отметить работу С.А. Айвазяна с соавторами по оценке качества жизни населения Самарской области и ее муниципальных образований [1]. В числе прочих характеристик авторы оценивают уровень жизни (благополучие) населения, агрегируя реальные доходы и расходы населения, обеспеченность общественной инфраструктурой, жильем и собственностью. А.П. Мартынов и С.С. Богословская [11] в качестве компонентов, обобщающих качество и уровень жизни населения Приволжского федерального округа, рассматривают демографическую ситуацию, уровень экономического развития региона, социальную сферу, жилищные условия и уровень доходов населения.

Также во второй группе исследований надо упомянуть работы, в которых объективные индикаторы уровня жизни дополняются субъективными оценками респондентов относительно удовлетворенности различными аспектами жизни. Так, Д. Майерс [27] 12 объективных компонентов уровня жизни дополняет субъективными оценками респондентов и делает вывод о том, что большую значимость люди придают тем компонентам, состояние которых в регионе ухудшается. Аналогичный подход применен в работе Р.А. Камминса с соавторами [21]. С.В. Домнина [7] получает интегральный индекс благосостояния населения на основе широкого перечня показателей официальной статистики и дополняет их социологическими и экспертными оценками, дифференцируя тем самым значимость каждого компонента индекса.

Упомянутые выше исследования в большинстве своем базируются на общем подходе, когда исходные статистические показатели путем нормирования приводят к единым единицам измерения, а затем усредняют (агрегируют) с одинаковыми или дифференцированными по какому-либо принципу весами. Нормирование, как правило, выполняется следующим образом: из текущего значения показателя вычитается его минимальное по совокупности наблюдений значение,

а полученная разница делится на размах вариации. Обобщение полученных безразмерных величин производится с помощью средней арифметической или средней геометрической. Такой подход предполагает наличие статистической совокупности (стран, регионов, муниципальных образований) в качестве объекта исследования. Его применение невозможно или затруднено, если объект агрегирован до одной единицы совокупности и наблюдается во времени, так как при нормировании исходных признаков это потребует сильных предположений относительно их максимальных и минимальных значений.

Исследования третьей группы, базирующиеся в том числе на анализе структуры расходов населения, аналогично исследованиям первой группы содержат сравнение точечных оценок различных компонентов денежных расходов за отдельные годы [13; 15; 16] и описательный анализ их динамики за относительно длинные периоды времени. Среди них следует выделить работу Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронова по анализу трансформации потребления населения регионов России на примере доли расходов на продукты питания [8], а также работу Е.И. Бережновой и А.С. Кичаевой, в которой оценивается изменение структуры денежных расходов населения Приморского края в разных фазах экономического цикла с помощью коэффициента структурных сдвигов Гатаева [4]. Значительным упущением в исследованиях третьей группы, по нашему мнению, является то, что констатация фактов роста или снижения доли конкретного компонента расходов ни в одной работе не подкрепляется анализом статистической значимости произошедших изменений, что делает полученные выводы в известной степени условными.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ структуры денежных расходов является важным и недооцененным инструментом изучения уровня жизни населения. Связь между ними подробно описывается законами Энгеля и их современными дополнениями [20]. По мере роста уровня жизни растет объем потребления населения с одновременной сменой предпочтений в сторону более качественных товаров и услуг. На фоне этого также

меняется структура потребления: расходы на продукты питания относительно общей суммы расходов уменьшаются, расходы на непродовольственные товары и коммунальные услуги изменяются незначительно, расходы на развлечения и сбережения увеличиваются. Со снижением уровня жизни наблюдаются соответствующие обратные тенденции. Структура расходов достаточно стабильна во времени и незначительно реагирует на краткосрочные конъюнктурные колебания экономики. Она обусловлена уровнем благосостояния населения и косвенно учитывает региональные особенности потребления. Выявление структурных сдвигов в расходах населения позволяет делать выводы относительно изменения уровня жизни, причем как для совокупности регионов, так и для отдельно взятого региона.

Основная цель настоящей работы заключается в изучении трансформации уровня жизни в Республике Бурятия путем оценки и анализа структурных сдвигов в расходах населения. Предполагается, что структура денежных расходов, как и уровень жизни населения, изменилась в период 2012–2018 гг. по сравнению с периодом 2005–2011 гг. Это предположение проверялось с помощью механизма проверки гипотез о равенстве средних за указанные периоды по каждому компоненту денежных расходов населения.

Выбор временных интервалов исследования продиктован логикой экономического развития страны и республики: оба периода включают как фазу экономического роста, так и фазы спада и восстановления экономики. Период до 2005 г. можно охарактеризовать как период формирования институтов рыночной экономики и интенсивного восстановления после дефолта 1998 г., поэтому он не был включен в исследование.

Так как проверка статистической значимости требует внушительного объема данных, главные выводы исследования были сделаны на основе помесечной динамики структуры денежных расходов населения Республики Бурятия. Для описания структуры расходов использовались данные показателя «структура использования денежных доходов населения (в процентах)», ежемесячно публикуемые Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия в официальном статистическом

Таблица 1

Описательная статистика исходных данных

Доля расходов	Тест Шапиро – Уилка	p-value	Среднее за 2005–2011	Среднее за 2012–2018	Диспер- сия за 2005–2011	Диспер- сия за 2012–2018
1	2	3	4	5	6	7
На покупку товаров и оплату услуг	0,950	0,000	69,19	75,70	64,028	74,694
На оплату обязатель- ных платежей и взносов	0,993	0,631	9,40	11,18	2,618	3,088
На накопление сбере- жений во вкладах и ценных бумагах	0,916	0,000	2,24	1,69	14,968	38,501
На покупку валюты	0,904	0,000	2,22	1,52	0,804	0,558
Прочих	0,989	0,227	15,84	10,69	25,811	29,530
Прирост/убыль денег на руках	0,780	0,000	1,11	–0,77	65,868	21,565

Примечание: p-value – достигаемый уровень значимости.

сборнике «Комплексный доклад “Социально-экономическое положение Республики Бурятия”». Показатель делит расходы населения на шесть компонентов, перечень которых приведен в первой графе табл. 1. Общая длина исследуемого периода составила 14 лет. Таким образом, исходные данные представляли собой набор из шести временных рядов длиной в 168 наблюдений. При более детальном изучении отдельных компонентов денежных расходов в качестве дополнения использовались годовые данные¹.

По данным описательной статистики (см. табл. 1, графы 2 и 3) видно, что только второй и пятый временные ряды распределены

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели: Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

нормально. Полученные наблюдаемые значения теста Шапиро – Уилка по ним не позволили отклонить гипотезу о нормальности распределения. Ненормальность распределений остальных рядов накладывает некоторые ограничения на набор применимых методов для проверки гипотез о средних. Так, например, t -критерий Стьюдента и семейство z -критериев проверяют гипотезы о средних в предположении, что выборки взяты из соответствующих распределений. Поэтому для четырех из шести имеющихся временных рядов эти критерии неприменимы.

Сравнивая точечные оценки средних (см. табл. 1, графы 4 и 5), можно предположить, что средние первого и второго временных рядов выросли в 2012–2018 гг. по сравнению с периодом 2005–2011 гг., а средние остальных рядов уменьшились. Однако если взять в расчет их дисперсии (см. табл. 1, графы 6 и 7), сделанные предположения о средних становятся не столь очевидными. Для большинства имеющихся временных рядов величина дисперсии сопоставима со средней иликратно превышает ее. Более того, дисперсии по одноименным рядам различаются в разные периоды. Это еще раз подчеркивает невозможность использования t -критерия Стьюдента из-за проблемы Беренца – Фишера [32]. Для использования t -критерия дисперсии сравниваемых выборок должны быть равны либо объем выборки с большей дисперсией должен превышать объем выборки с меньшей дисперсией, чего не наблюдается в имеющихся данных.

С учетом нестандартности распределений большинства исследуемых временных рядов в качестве обобщающей характеристики вместо средней использовалась медиана, а для проверки гипотез о равенстве средних применялись непараметрические критерии: критерий Манна – Уитни [25] и перестановочный критерий [24; 30] для несвязанных выборок. Оба критерия основаны на предположении о симметричности распределения случайной величины, породившей выборку, относительно своей медианы.

Критерий Манна – Уитни проверяет нулевую гипотезу $H_0: F_{X_1}(x) = F_{X_2}(x)$ о том, что распределения временных рядов конкретного компонента денежных расходов X за период 2005–2011 гг. ($X_1 = (X_{2005} \dots X_{2011})$ – первая подвыборка) и за период 2012–2018 гг. ($X_2 = (X_{2012} \dots X_{2018})$ – вторая подвыборка) полностью совпа-

дают против двусторонней альтернативной гипотезы $H_1: F_{X_1}(x) \neq F_{X_2}(x)$, 0 о том, что распределения совпадают со сдвигом.

Статистика критерия Манна – Уитни определяется как сумма рангов элементов первой подвыборки X_1 в объединенном вариационном ряду X , состоящем из значений обеих подвыборок:

$$R_1(X_1, X_2) = \text{rank}(X_1).$$

Нулевое распределение этой статистики табличное и порождается перебором C_{168}^{84} возможных вариантов реализации рангов объединенной выборки X в подвыборках X_1 и X_2 .

Перестановочный критерий, как и критерий Манна – Уитни, проверяет нулевую гипотезу $H_0: F_{X_1}(x) = F_{X_2}(x)$ о том, что распределения независимых выборок $X_1 = (X_{2005} \dots X_{2011})$ и $X_2 = (X_{2012} \dots X_{2018})$ полностью совпадают против альтернативы сдвига $H_1: F_{X_1}(x) \neq F_{X_2}(x)$.

Статистика критерия определяется как разность выборочных средних:

$$T(X_1^{n_1}, X_2^{n_2}) = \frac{1}{n_1} \sum_{i=1}^{n_1} X_{1i} - \frac{1}{n_2} \sum_{i=1}^{n_2} X_{2i},$$

а нулевое распределение порождается перебором C_{168}^{84} размещений элементов объединенной выборки X по подвыборкам X_1 и X_2 .

Для получения интервальных оценок разности медиан по подвыборкам и для проверки гипотез о равенстве средних использовался бутстреп-метод [22]. Бутстреп-критерий проверяет нулевую гипотезу $H_0: EX_1 = EX_2$ о равенстве математических ожиданий против двусторонней альтернативы $H_1: EX_1 \neq EX_2$. Бутстреп-оценка производилась на тысяче псевдовыборок, каждая из которых порождалась путем многократного случайного отбора с возвращением элементов из подвыборок X_1 и X_2 . По полученным на псевдовыборках разностям медиан были построены 95%-е доверительные интервалы: 2,5%-й квантиль – нижняя граница и 97,5%-й квантиль – верхняя граница. Если в интервал не входил ноль, это позволяло отвергнуть нулевую гипотезу в пользу альтернативы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проверки гипотез о равенстве средних в 2005–2011 и 2012–2018 гг. по компонентам денежных расходов населения Республики Бурятия представлены в табл. 2. В первой графе перечислены наименования компонентов денежных расходов. В графах 2–3 и 4–5 представлены тестовые статистики критерия Манна – Уитни и перестановочного критерия, а также соответствующие им достигаемые уровни значимости. Графы 6–7 содержат точечные и интервальные оценки разностей медиан подвыборок X_1 и X_2 , полученных бутстреп-методом.

Таблица 2

Результаты проверки гипотез о равенстве средних по компонентам денежных расходов населения Республики Бурятия в 2005–2011 и 2012–2018 гг.

Доля расходов	$R_1(X_1, X_2)$	p-value	$T(X_1^{n_1}, X_2^{n_2})$	p-value	Средняя разность медиан на псевдобыборках	95%-й доверительный интервал для разностей медиан
1	2	3	4	5	6	7
На покупку товаров и оплату услуг	1796,5	0,000	6,51	0,000	6,60	[4,2; 9,1]
На оплату обязательных платежей и взносов	1720,0	0,000	1,78	0,000	1,58	[0,6; 2,5]
На накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах	3407,0	0,351	–0,55	0,491	–0,26	[–1,3; 1,1]
На покупку валюты	1719,0	0,000	–0,71	0,000	–0,71	[–1,0; –0,5]
Прочих	1649,0	0,000	–5,14	0,000	–5,75	[–7,8; –3,4]
Прирост/убыль денег на руках	2321,5	0,000	–1,88	0,071	–2,08	[–3,3; –1,0]

Примечание: p-value – достигаемый уровень значимости.

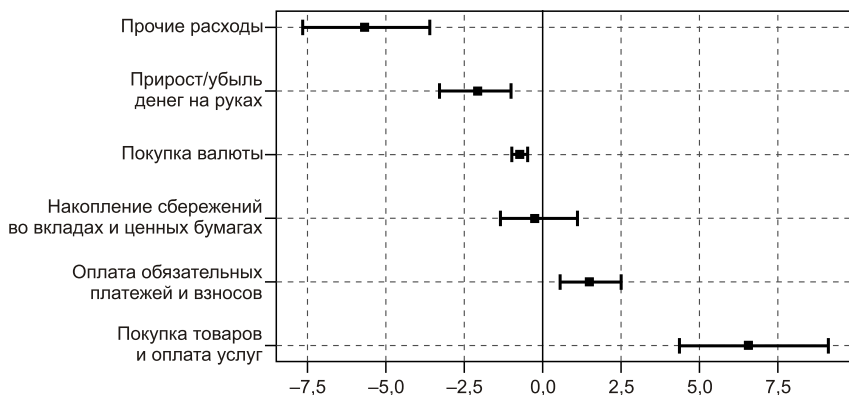

Рис. 2. Точечные и интервальные оценки разностей медиан подвыборок X_1 и X_2 , полученные бутстреп-методом

На рисунке 2 графически представлены данные последних двух столбцов табл. 2. Каждый элемент графика визуализирует точечную и интервальную оценки прироста/убыли соответствующего компонента денежных расходов в 2012–2018 гг. по сравнению с 2005–2011 гг., измеряемые в процентных пунктах структуры расходов. Наибольшие абсолютные значения приростов демонстрируют компоненты «доля прочих расходов» и «доля расходов на покупку товаров и оплату услуг», наименьшие – «доля расходов на накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах» и «доля расходов на покупку валюты». Величина абсолютного прироста каждого компонента определяется величиной среднего уровня, на котором происходят его колебания. Если полученные приросты соотнести с медианой показателя базисного периода, можно оценить масштаб произошедших изменений отдельно для каждого компонента.

На рисунках 3–8 представлены графики распределений компонентов денежных расходов, медиан и их разностей в подвыборках X_1 и X_2 . Первый график, выполненный в форме ящика с усами (box-and-whisker plot) [17], характеризует выборочные распределения соответствующего компонента. Второй график, выполненный в форме сглаженной гистограммы (Kernel Density Estimation, KDE) [29; 31],

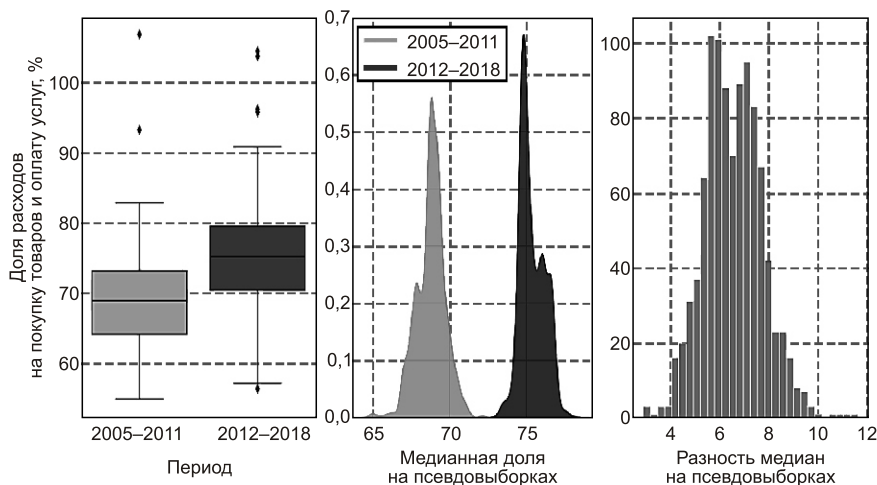

Рис. 3. Прирост/убыль доли расходов на покупку товаров и оплату услуг

характеризует распределения медиан, полученных бутстреп-методом. На третьем графике представлена гистограмма разностей этих медиан.

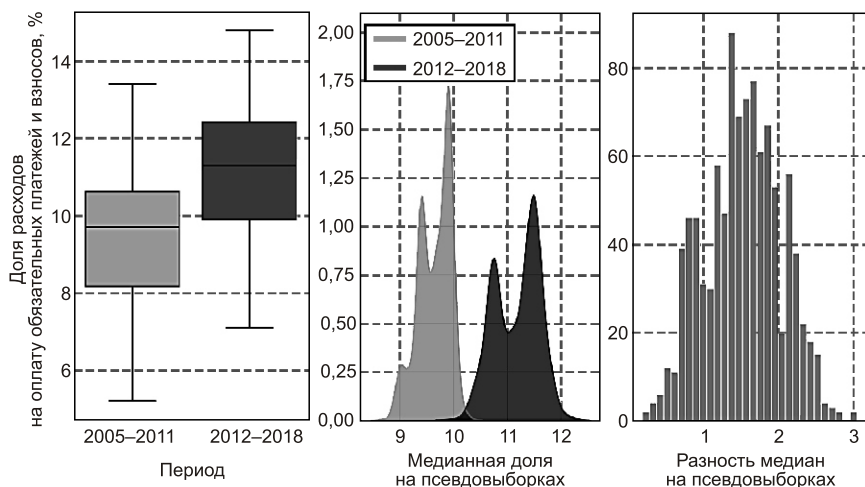

Рис. 4. Прирост/убыль доли расходов на оплату обязательных платежей и взносов

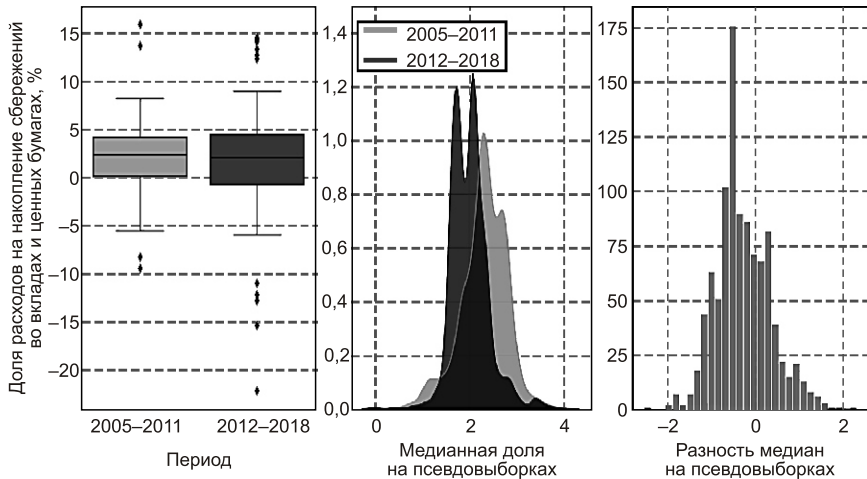

Рис. 5. Прирост/убыль доли расходов на накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах

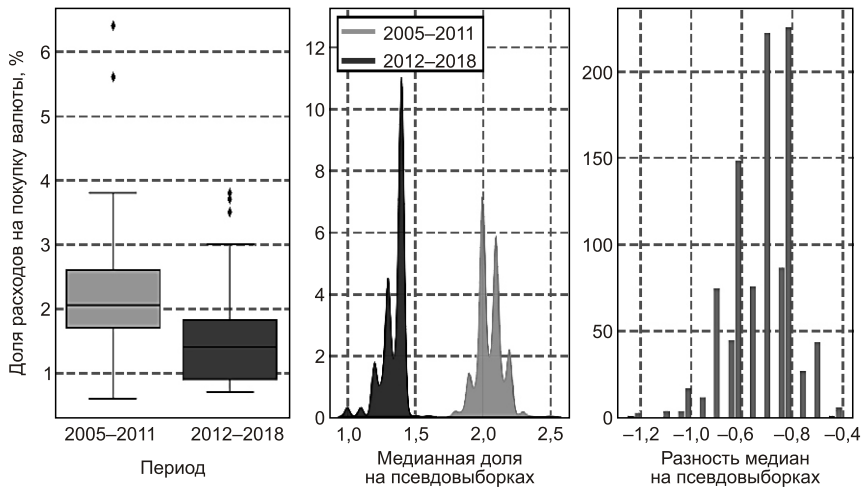

Рис. 6. Прирост/убыль доли расходов на покупку валюты

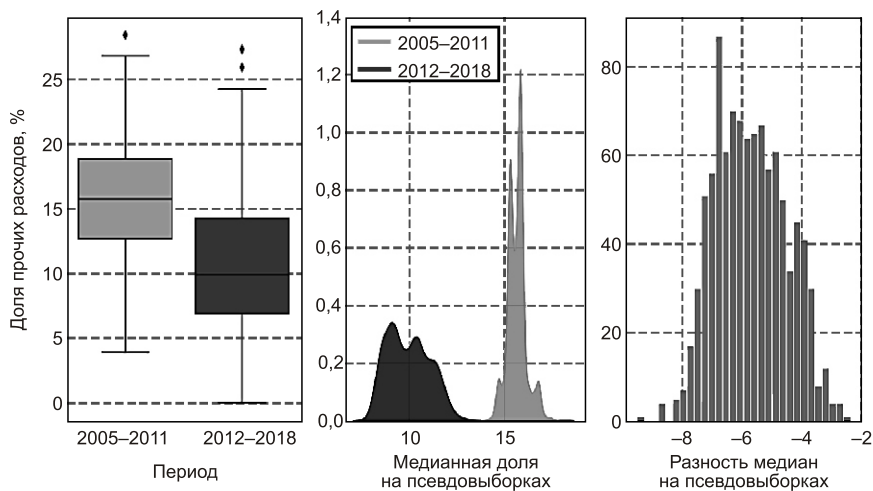

Рис. 7. Прирост/убыль доли прочих расходов

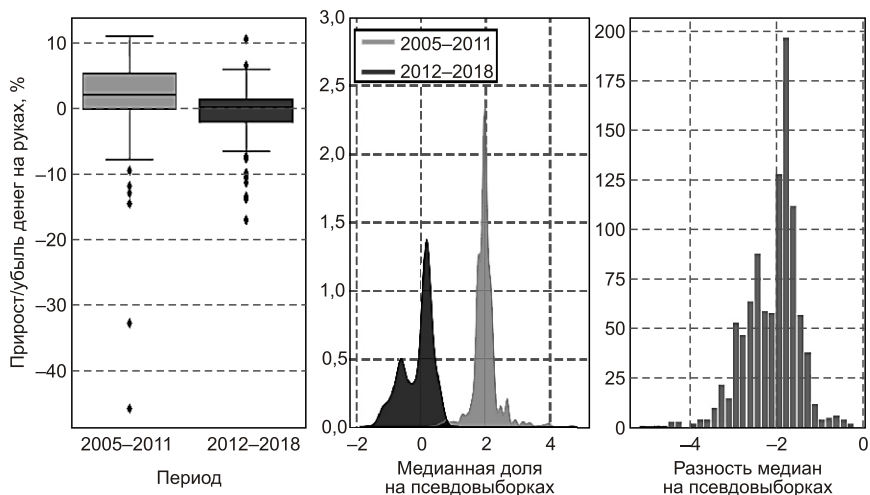

Рис. 8. Прирост/убыль денег на руках

Как указано в Методологических положениях Росстата², потребительские расходы включают расходы на продукты питания, на непродовольственные товары, а также на оплату широкого спектра услуг, в том числе на оплату жилья, коммунальных, бытовых, транспортных, образовательных и прочих услуг. Гипотеза о равенстве средних по компоненту «доля расходов на покупку товаров и оплату услуг» отвергается всеми тремя критериями. Точечная оценка разницы медиан для периода 2012–2018 гг. по сравнению с 2005–2011 гг. составила 6,6 п.п. (прирост – 9,5%) с 95%-м доверительным интервалом [4,2; 9,1]. Для более детального анализа выявленного структурного сдвига бутстреп-метод аналогичным образом был применен к годовым данным, характеризующим структуру потребительских расходов домашних хозяйств по целям потребления. Так, расходы на продукты питания, на алкогольные напитки, на здравоохранение и на другие товары и услуги выросли соответственно на 5,9 п.п. (прирост – 19,2%), 0,6 п.п. (прирост – 21,8%), 0,5 п.п. (прирост – 29,2%) и 0,7 п.п. (прирост – 16,7%). Расходы на предметы домашнего обихода, на организацию отдыха и на образование снизились соответственно на 1,7 п.п. (убыль – 25,3%), 0,8 п.п. (убыль – 14,2%) и 1,6 п.п. (убыль – 63,3%). Изменение расходов на одежду и обувь, на жилищно-коммунальные услуги, на транспорт и связь, на гостиницы, кафе и рестораны в общей сумме потребительских расходов оказалось статистически незначимым.

Обязательные платежи и разнообразные взносы населения включают фактически выплаченные населением налоги и сборы, платежи по страхованию, взносы в общественные и кооперативные организации, проценты, уплаченные за кредиты. Гипотеза о равенстве средних по компоненту «доля расходов на оплату обязательных платежей и взносов» также отвергается всеми критериями. Точечная оценка разницы медиан для периода 2012–2018 гг. по сравнению с 2005–2011 гг.

² См.: *Об утверждении методологических положений по расчету показателей денежных доходов и расходов населения* (с изменениями на 20 ноября 2018 года): Приказ Федеральной службы государственной статистики от 2 июля 2014 года № 465. – URL: <https://bazanpa.ru/rosstat-prikaz-n465-ot02072014-h2344805/>.

составила 1,58 п.п. (прирост – 15,4%) с 95%-м доверительным интервалом [0,6; 2,5].

Сбережения населения включают прирост (уменьшение) средств на рублевых и валютных счетах физических лиц в кредитных организациях на территории Российской Федерации, «чистое» приобретение населением ценных бумаг, расходы на покупку недвижимости, а также прирост (уменьшение) прочих сбережений. Гипотеза о равенстве средних по компоненту «доля расходов на накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах» не отвергается ни одним критерием. Доверительный интервал для разностей медиан $[-1,3; 1,1]$ включает ноль, что также не позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве средних. Вместе с тем анализ этого компонента на годовых данных показал, что доля прироста (уменьшения) финансовых активов за указанные периоды снизилась на 8,6 п.п. (убыль – 41,3%), доля расходов на покупку недвижимости выросла на 1,7 п.п. (прирост в 3,3 раза).

Гипотеза о равенстве средних по компоненту «доля расходов на покупку валюты» отвергается всеми тремя критериями. Точечная оценка средней разности медиан составила –0,71 п.п. (убыль – 34,5%) с 95%-м доверительным интервалом $[-1,0; -0,5]$.

Прочие расходы населения включают расходы на покупку лотерейных билетов и на иной игорный бизнес, а также денежные переводы физических лиц по России и за рубеж. Гипотеза о равенстве средних по компоненту «доля прочих расходов» отвергается всеми тремя критериями. Точечная оценка средней разности медиан составила –5,75 п.п. (убыль – 36,3%) с 95%-м доверительным интервалом $[-7,8; -3,4]$.

Прирост (уменьшение) наличных денег на руках у населения включает изменение количества наличных денег в рублях и иностранной валюте в рублевом эквиваленте. Абсолютная величина этого показателя также характеризует разницу между доходами и расходами населения. Гипотеза о равенстве средних по компоненту «прирост/убыль денег на руках» отвергается на уровне значимости 0,05 ранговым критерием Манна – Уитни и только на уровне 0,1 – перестановочным критерием. Точечная оценка разницы медиан составила

–2,08 п.п. (убыль – 103,6%) с 95%-м доверительным интервалом $[-3,3; -1,0]$, также позволяющим отвергнуть нулевую гипотезу.

Приведенные оценки сравнения средних по компонентам структуры денежных расходов населения в 2012–2018 и в 2005–2011 гг. позволяют сделать ряд обобщающих выводов относительно трансформации уровня жизни в Республике Бурятия за указанные периоды времени. Наиболее значимым и обращающим на себя внимание изменением стало частичное замещение сбережений населения во вкладах и ценных бумагах расходами на покупку недвижимости при неизменной доле расходов на накопление сбережений в общей сумме расходов. На фоне снижения ставок по банковским вкладам, непопулярности инвестиций на рынке ценных бумаг (включая валютный рынок) и все большей доступности ипотечного кредитования покупка недвижимости становится наиболее распространенной формой сбережений и инвестирования у населения Республики Бурятия.

Вместе с тем покупка жилья в кредит, помимо того, что выступает формой накопления сбережений, накладывает долгосрочные обязательства по выплате кредита, а это не могло не сказаться на структуре расходов при падении реальных денежных доходов и ВРП на душу населения республики. Так, в общей сумме расходов населения возрастают расходы на выплату обязательных платежей, включающих налоги и проценты по кредитам, и расходы на продукты питания и алкогольные напитки. Для сохранения привычных стандартов потребления товаров и услуг население вынуждено экономить на покупках предметов домашнего обихода, расходах на организацию отдыха и на образование.

Наконец, более чем двукратное сокращение доли компонента «прирост/убыль денег на руках» в структуре использования денежных доходов и перемещение в отрицательную зону разницы между доходами и расходами позволяют сделать общий вывод о снижении уровня жизни населения Республики Бурятия в 2012–2018 гг. по сравнению с 2005–2011 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка и анализ уровня жизни как многогранной и многоаспектной социально-экономической категории предполагает использование широкого перечня методик и статистических показателей. Обобщение сложившихся практик исследования уровня жизни позволило выявить сильные и слабые стороны применяемых методик. Несмотря на гибкость подхода в исследованиях первой группы, в зависимости от выбранного показателя выводы об уровне жизни населения конкретного региона или страны могут противоречить друг другу. Применение интегральных показателей при их многогранности невозможно или может быть затруднено, если объект агрегирован до одной единицы совокупности и наблюдается во времени. Констатация фактов роста или снижения доли конкретного компонента расходов в исследованиях третьей группы без проверки статистической значимости произошедших изменений делает полученные выводы в известной степени условными. В качестве альтернативы предложен подход, базирующийся на анализе структурных сдвигов денежных расходов населения с применением аппарата проверки гипотез о равенстве средних.

Результаты проведенных расчетов позволяют говорить о снижении уровня жизни в Республике Бурятия в 2012–2018 гг. по сравнению с 2005–2011 гг. Это отражается в характерных изменениях структуры потребительских расходов, а также в отрицательной разнице доходов и расходов населения в 2012–2018 гг. Согласованность полученных результатов с теоретическими предпосылками говорит о целесообразности анализа структуры денежных расходов при изучении уровня жизни населения.

Приведенные в настоящей работе оценки структурных сдвигов могут быть использованы в качестве ориентиров или целевых показателей при выработке мер по повышению уровня жизни населения органами управления республики. Описанная методика также может быть использована при анализе уровня жизни в федеральных округах, стране в целом и при межрегиональных сравнениях.

Список источников

1. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 18–84.
2. Басарева В.Г. Взаимосвязь между уровнем жизни населения и развитием малого бизнеса // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 3. – С. 168–182.
3. Беляевский И.К. Показатели денежных доходов и расходов в изучении уровня и качества жизни населения России // Вопросы статистики. – 2016. – № 2. – С. 57–70. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-57-70.
4. Бережнова Е.И., Кичаева А.С. Оценка влияния некоторых фаз экономического цикла на формирование доходов и расходов населения (на примере Приморского края) // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 4. – С. 33–37.
5. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Васильев В.П. Неравенство качества и уровня жизни населения России: межстрановой и региональный аспекты (2000–2009 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. – 2010. – № 5. – С. 3–37.
6. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Чесалкина Е.Ю. Региональное неравенство качества и уровня жизни населения России (2009 г.) // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – № 4. – С. 16–54.
7. Домнина С.В. Методика построения и анализа интегрального индекса благосостояния для межрегиональных сравнений // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 70–77.
8. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. – 2019. – № 2. – С. 61–68.
9. Иванов Ю.Н. О показателях экономического благосостояния // Вопросы экономики. – 2003. – № 2. – С. 93–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-2-93-102.
10. Кривошей В.А., Школкина Н.В. Качество жизни и показатели уровня жизни населения // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2013. – № 4. – С. 3–6.
11. Мартынов А.П., Богословская С.С. Уровень и качество жизни населения в регионах Приволжского федерального округа: современное состояние и динамика развития // Вопросы статистики. – № 1. – 2018. – С. 25–33.
12. Меньшикова М.А., Коптева К.В. Теоретико-методологические подходы к оценке уровня и качества жизни населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2012. – № 6. – С. 5–7.

13. Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России: социология, этнология. – 2013. – № 3. – С. 3–34.
14. Региональные особенности уровня и качества жизни / Ин-т соц.-эк. проблем народонаселения РАН. – М.: М-Студио, 2012. – 392 с.
15. Суворов А.В. Структура денежных доходов и расходов населения в современной России // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 5. – С. 63–75.
16. Черкашнев Р.Ю., Дорожкина Н.И., Федорова А.Ю. Показатели, характеризующие структуру денежных доходов и расходов населения в Тамбовской области // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 2. – С. 153–157.
17. Benjamini Y. Opening the box of a boxplot // The American Statistician. – 1988. – Vol. 42, No. 4. – P. 257–262. DOI: 10.2307/2685133.
18. Berkowitz D., DeJong D. Accounting for growth in post-Soviet Russia // Regional Science and Urban Economics – 2002. – No. 32 (2). – P. 221–239. DOI: 10.1016/s0166-0462(01)00077-1.
19. Caplan B. Against the Human Development Index. – URL: www.econlib.org/archives/2009/05/against_the_hum.html (дата обращения: 15.08.2020).
20. Clements K., St J. Engel's law, diet diversity, and the quality of food consumption // American Journal of Agricultural Economics. – 2017. – No. 100 (1). – P. 1–22. DOI: 10.1093/ajae/aax053.
21. Cummins R.A., McCabe M.P., Romeo Y., Reid S., Waters L. An initial evaluation of the comprehensive quality of life scale – intellectual disability // International Journal of Disability, Development and Education. – 1997. – No. 44 (1). – P. 7–19. DOI: 10.1080/0156655970440102.
22. Efron B. Bootstrap methods: another look at the jackknife // Annals of Statistics. – 1979. – Vol. 7, No. 1. – P. 1–26. DOI: 10.1214/aos/1176344552.
23. Global Handbook of Quality of Life / Ed. by W. Glatzer, L. Camfield, V. Møller, M. Rojas. – Springer, 2015. – 894 p. DOI: 10.1007/978-94-017-9178-6.
24. Good P. Permutation, Parametric and Bootstrap Tests of Hypotheses. – 3d. ed. – Springer, 2005. – 311 p. DOI: 10.1007/b138696.
25. Mann H., Whitney D. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // Annals of Mathematical Statistics. – 1947. – No. 18. – P. 50–60.
26. Miringoff M., Miringoff M.-L. America's social health: The nation's need to know // Challenge. – 1995. – No. 38 (5). – P. 19–24. DOI: 10.1080/05775132.1995.11471850.
27. Myers D. Community-relevant measurement of quality of life // Urban Affairs Quarterly. – 1987. – No. 23 (1). – P. 108–125. DOI: 10.1177/004208168702300107.
28. Osberg L., Sharpe A. An index of economic well-being for selected OECD countries // Review of Income and Wealth. – 2002. – No. 48 (3). – P. 291–316. DOI: 10.1111/1475-4991.00056.

29. *Parzen E.* On estimation of a probability density function and mode // The Annals of Mathematical Statistics. – 1962. – Vol. 33, No. 3. DOI: 10.1214/aoms/1177704472.

30. *Ramsey P.H., Ramsey P.P.* Brief investigation of tests of variability in the two-sample case // Journal of Statistical Computation and Simulation. – 2008. – No. 78 (12). – P. 1125–1131.

31. *Rosenblatt M.* Remarks on some nonparametric estimates of a density function // The Annals of Mathematical Statistics. – 1956. – Vol. 27, No. 3. – P. 832–837. DOI: 10.1214/aoms/1177728190.

32. *Sawilowsky S.* The probable difference between two means when 1 2: The Behrens-Fisher problem // JMASM. – 2002. – Vol. 1, No. 2. – P. 461–472.

Информация об авторах

Дугаржапова Долгорма Баторовна (Россия, Улан-Удэ) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8). E-mail: dolgor@mail.ru.

Пискунов Евгений Юрьевич (Россия, Улан-Удэ) – младший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8). E-mail: piskunovey@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20210202

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 25–52

D.B. Dugarzhapova, E.Yu. Piskunov

CHANGES IN THE STANDARD OF LIVING IN THE REPUBLIC OF BURYATIA THROUGH THE PRISM OF THE MONETARY EXPENDITURE PATTERNS

The article deals with assessing and analyzing the standard of living in a particular region. We aim to evaluate changes in the standard of living in the Republic of Buryatia from 2012 to 2018, relative to the period between 2005 and 2011. Based on the assumption that the standard of living is

linked to expenditure patterns of households, we analyze structural shifts against the six components of monetary expenditures. The study presents point and interval estimates of structural shifts obtained with the bootstrap method. We check their statistical significance using the Mann–Whitney U and permutation tests. With the calculation results, we conclude that the standard of living in the Republic of Buryatia is declining, which is reflected in characteristic changes in consumer spending patterns and a negative gap between households' incomes and expenditures. The estimates of structural changes given in this article may be used by the Buryat government bodies as benchmarks or targets when drafting measures to improve the standard of living. Also, the described method is applicable in analyzing the standard of living at the federal district and national levels and for interregional comparisons.

Keywords: standard of living; human development index; expenditure patterns; bootstrap method; Mann–Whitney U test; permutation criterion

For citation: Dugarzhapova, D.B. & E.Yu. Piskunov. (2021). *Izmenenie urovnya zhizni naseleniya Respubliki Buryatii skvoz prizmu struktury denezhnykh raskhodov* [Changes in the standard of living in the Republic of Buryatia through the prism of the monetary expenditure structure]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 25–52. DOI: 10.15372/REG20210202.

References

1. Aivazian, S.A., V.S. Stepanov & M.I. Kozlova. (2006). *Izmerenie sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya regiona i vyyavlenie klyuchevykh napravleniy sovershenstvovaniya sotsialno-ekonomicheskoy politiki (na primere Samarskoy oblasti i ee munitsipalnykh obrazovaniy)* [Measuring the synthetic categories of quality of life in a region and identification of main trends to improve the social and economic policy (Samara region and its constituent territories)]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 2, 18–84.
2. Basareva, V.G. (2008). *Vzaimosvyaz mezhdu urovnem zhizni naseleniya i razvitiem malogo biznesa* [Linkage between level of living and development of small enterprises]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 168–182.
3. Belyaevskiy, I.K. (2016). *Pokazateli denezhnykh dokhodov i raskhodov v izucheni urovnya i kachestva zhizni naseleniya Rossii* [Indicators of money income and

expenditures in the study of the living standards the population of Russia]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 2, 57–70. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-57-70.

4. *Berezhnova, E.I. & A.S. Kichaeva.* (2011). Otsenka vliyaniya nekotorykh faz ekonomicheskogo tsikla na formirovanie dokhodov i raskhodov naseleniya (na primere Primorskogo kraja) [Evaluation of the influence of certain phases of the economic cycle on the formation of incomes and expenses of the population (for example Primorsky region)]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 4, 33–37.

5. *Bobkov, V.N., A.A. Gulyugina, E.V. Odintsova & V.P. Vasilyev.* (2010). Neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya Rossii: mezhsranovoy i regionalnyy aspekty (2000–2009 gg.) [Regional inequalities in the quality and living standards of the Russian population: cross-country and regional aspects (2000–2009)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards and Quality of Life], 5, 3–37.

6. *Bobkov, V.N., A.A. Gulyugina & E.Yu. Chesalkina.* (2011). Regionalnoe neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya Rossii (2009 g.) [Regional inequalities in the quality and living standards of the Russian population (2009)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards and Quality of Life], 4, 16–54.

7. *Domnina, S.V.* (2011). Metodika postroeniya i analiza integralnogo indeksa blagosostoyaniya dlya mezhsregionalnykh sravneniy [Technique to generate and analyze an integrated wellbeing index to conduct interregional comparisons]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 70–77.

8. *Zubarevich, N.V. & S.G. Safronov.* (2019). Dolya produktov pitaniya v strukture raskhodov naseleniya regionov Rossii kak indikator urovnya zhizni i modernizatsii potrebleniya [The share of food in total consumption of the population of Russian regions as an indicator of the standard of living and consumption modernization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography], 2, 61–68.

9. *Ivanov, Yu.N.* (2003). O pokazatelyakh ekonomicheskogo blagosostoyaniya [On indicators of economic welfare]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 2, 93–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-2-93-102.

10. *Krivoshei, V.A. & N.V. Shkolkina.* (2013). Kachestvo zhizni i pokazateli urovnya zhizni naseleniya [Life quality and performances of living standards]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and Applied Research Studies of the Economics Cooperative Sector], 4, 3–6.

11. *Martynov, A.P. & S.S. Bogoslovskaya.* (2018). Uroven i kachestvo zhizni naseleniya v regionakh Privolzhskogo federalnogo okruga: sovremennoe sostoyanie i dinamika razvitiya [Level and quality of life in regions of the Privolzhsky (Volga) Federal District: current state and development dynamics]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 1, 25–33.

12. *Menshikova, M.A. & K.V. Kopteva.* (2012). Teoretiko-metodologicheskie podkhody k otsenke urovnya i kachestva zhizni naseleniya [Theoretical and methodological approaches to assessing the level and quality of life]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii* [Vestnik of Kursk State Agricultural Academy], 6, 5–7.
13. *Ovcharova, L.N. & D.O. Popova.* (2013). Dokhody i raskhody rossiyskikh domashnikov khozyaystv: chto izmenilos v massovom standarte potrebleniya [Cash income and expenditure of the Russian population: what are the changes in consumer's standard]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 3, 3–34.
14. *Regionalnye osobennosti urovnya i kachestva zhizni* [Regional peculiarities of the level and quality of life]. (2012). Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS. Moscow, M-Studio Publ., 392.
15. *Suvorov, A.V.* (2004). Struktura denezhnykh dokhodov i raskhodov naseleniya v sovremennoy Rossii [The structure of personal income and expenditures in Russia today]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 5, 63–75.
16. *Cherkashnev, R.Yu., N.I. Dorozhkina & A.Yu. Fedorova.* (2014). Pokazateli, kharakterizuyushchie strukturu denezhnykh dokhodov i raskhodov naseleniya v Tambovskoy oblasti [Indicators characterizing structure of the monetary income and expenses of the population in the Tambov region]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 2, 153–157.
17. *Benjamini, Y.* (1988). Opening the box of a boxplot. *The American Statistician*, Vol. 42, No. 4, 257–262. DOI: 10.2307/2685133.
18. *Berkowitz, D. & D. DeJong.* (2002). Accounting for growth in post-Soviet Russia. *Regional Science and Urban Economics*, 32 (2), 221–239. DOI: 10.1016/s0166-0462(01)00077-1.
19. *Caplan, B.* (2009). Against the Human Development Index. Available at: www.econlib.org/archives/2009/05/against_the_hum.html (date of access: 15.08.2020).
20. *Clements, K. & J. Si.* (2017). Engel's law, diet diversity, and the quality of food consumption. *American Journal of Agricultural Economics*, 100 (1), 1–22. DOI: 10.1093/ajae/aax053.
21. *Cummins, R.A., M.P. McCabe, Y. Romeo, S. Reid & L. Waters.* (1997). An initial evaluation of the comprehensive quality of life scale – intellectual disability. *International Journal of Disability, Development and Education*, 44 (1), 7–19. DOI: 10.1080/0156655970440102.
22. *Efron, B.* (1979). Bootstrap methods: Another look at the jackknife. *Annals of Statistics*, Vol. 7, No. 1, 1–26. DOI: 10.1214/aos/1176344552.
23. *Glatzer, W., L. Camfield, V. Møller & M. Rojas* (Eds.). (2015). *Global Handbook of Quality of Life*. Springer, 894. DOI: 10.1007/978-94-017-9178-6.
24. *Good, P.* (2005). *Permutation, Parametric and Bootstrap Tests of Hypotheses*. 3d ed. Springer, 311. DOI: 10.1007/b138696.

25. Mann, H. & D. Whitney. (1947). On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other. *Annals of Mathematical Statistics*, 18, 50–60.
26. Miringoff, M. & M.-L. Miringoff. (1995). America's social health: The nation's need to know. *Challenge*, 38 (5), 19–24. DOI: 10.1080/05775132.1995.11471850.
27. Myers, D. (1987). Community-relevant measurement of quality of life. *Urban Affairs Quarterly*, 23 (1), 108–125. DOI: 10.1177/004208168702300107.
28. Osberg, L. & A. Sharpe. (2002). An index of economic well-being for selected OECD countries. *Review of Income and Wealth*, 48 (3), 291–316. DOI: 10.1111/1475-4991.00056.
29. Parzen, E. (1962). On estimation of a probability density function and mode. *The Annals of Mathematical Statistics*, Vol. 33, No. 3. DOI: 10.1214/aoms/1177704472.
30. Ramsey, P.H. & P.P. Ramsey. (2008). Brief investigation of tests of variability in the two-sample case. *Journal of Statistical Computation and Simulation*, 78 (12), 1125–1131.
31. Rosenblatt, M. (1956). Remarks on some nonparametric estimates of a density function. *The Annals of Mathematical Statistics*, Vol. 27, No. 3, 832–837. DOI: 10.1214/aoms/1177728190.
32. Sawilowsky, S. (2002). The probable difference between two means when
1 2: The Behrens-Fisher problem. *JMASM*, Vol. 1, No. 2, 461–472.

Information about the authors

Dugarzhapova, Dolgorma Batorovna (Ulan-Ude, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at Buryat Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russia). E-mail: dolgor@mail.ru.

Piskunov, Evgeny Yurievich (Ulan-Ude, Russia) – Junior Researcher at Buryat Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russia). E-mail: piskunovey@gmail.com.

Поступила в редколлегию 04.09.2020.

После доработки 21.01.2021.

Принята к публикации 25.01.2021.

© Дугаржапова Д.Б., Пискунов Е.Ю., 2021

М.В. Кравцова

КАЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ЗАКУПОК В КОНКУРЕНТНЫХ ПРОЦЕДУРАХ

Статья посвящена вопросу обеспечения качества закупок в конкурентных процедурах на этапе исполнения контрактов. Независимо от регламента применения контрактных положений государственные медицинские учреждения продолжают сталкиваться с проблемами, связанными с получением товаров и услуг низкого контрактного качества. В исследовании рассматривается закупочный процесс и анализируются госзакупки медицинских учреждений г. Москвы. Определяются факторы, влияющие на качество поставляемых в рамках закупок товаров и услуг. Выделяются закупочные процедуры медицинских учреждений и типы их контрактов. Описываются простые и сложные контракты с проверяемым и непроверяемым качеством. Оценивается конкуренция на торгах, где число участников является значимым фактором, определяющим успех аукционов. Изучается влияние системы стимулов на работу поставщиков. Сравнивается применение на аукционах механизмов фиксированного и договорного качества. Показано, что способность обеспечивать конкурентными процедурами качественные закупки зависит от дискреционных полномочий заказчика: от типа контракта, от полноты проектированного технического задания, от способа закупки, а также от степени проверяемости качества и от стимулов. На основании результатов проведенного исследования автором предлагается закупать стандартизированные товары и услуги на открытых электронных аукционах, а сложные, заранее трудно проектируемые закупки сопровождать этапом переговоров. Систематизированные результаты способствуют совершенствованию подходов к анализу политики в области обеспечения качества закупок и эффективной реализации контрактной политики со стороны государственных органов.

Ключевые слова: государственные закупки; заказчик; поставщик; конкуренция; качество; медицинское учреждение; аукцион

Для цитирования: *Кравцова М.В.* Качество государственных медицинских закупок в конкурентных процедурах // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 53–77. DOI: 10.15372/REG20210203.

ВВЕДЕНИЕ

Государственные закупки выступают как стратегическая функция управления, поддерживая работу государственных бюджетных учреждений через поставку необходимых товаров, оказание услуг и выполнение работ. Независимо от того, соблюдаются ли принятые контрактные положения участниками закупочного процесса, медицинские учреждения системы здравоохранения продолжают сталкиваться с трудностями в организации закупок, а поставка качественных товаров и услуг остается для них нерешенной проблемой¹.

Существуют разные точки зрения на то, какие закупочные процедуры лучше использовать для получения желаемого контрактного качества. В европейских странах, основываясь на Европейской директиве о публичных торгах² и на Маастрихтском договоре, в целях стимулирования конкуренции как главного фактора в обеспечении должного качества закупок широко используют электронные аукционы, позволяющие поставщикам исполнять контракты по конкурентоспособной цене без потери качества [11]. Однако в закупках непроверяемого качества конкурентные процедуры не могут обеспечить требуемое качество на этапе исполнения контракта. Применение механизма переговоров с ограниченным кругом фирм способствует выбору лучшего поставщика по ценовой ставке и прошлому опыту [14].

¹ URL: <http://bus.gov.ru/pub/top-organizations>.

² См.: *Directive 2004/18/EC of the European Parliament and of the Council on the Coordination of Procedures for the Award of Public Works Contracts, Public Supply Contracts and Public Service Contracts.* – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/18/oj>.

В ходе настоящего исследования выявлено, что оптимальными торгами для обеспечения поставки качественных стандартизированных товаров и услуг, наиболее частокупаемых медицинскими учреждениями г. Москвы, выступают электронные аукционы.

Большая часть литературы по конкурентным закупкам сегодня посвящена процессу торгов и менее сосредоточена на качестве закупок, так как сложно измерить влияние тех или иных факторов на качество. В связи с этим нами исследованы конкурентные закупочные процедуры с учетом влияния дискреционных полномочий³ заказчиков на качество закупок через уровень конкуренции, скидку на торгах и задержки в поставках. В данной статье представлены результаты эмпирического анализа госзакупок медицинских учреждений г. Москвы, в котором сравнивались заказчики с разным уровнем качества оказания услуг.

Целью настоящего исследования является оценка конкурентных процедур в обеспечении качественных закупок на этапе исполнения контрактов. Объект исследования – государственные закупки, а предмет – закупочная деятельность медицинских учреждений г. Москвы.

В первом разделе статьи рассматривается закупочный процесс медицинских учреждений, анализируется статистика заключения контрактов и определяются факторы, влияющие на качество закупок со стороны заказчика. Во втором разделе рассматриваются конкурентные процедуры и практика исполнения контрактов, сопоставляются уровень конкуренции на торгах и качество закупок. В третьем разделе сравниваются стоимость контрактов и достигнутая экономия в зависимости от способов закупок, выделяются типы контрактов и рассматривается их исполнение. В четвертом разделе определяются механизмы и анализируется влияние системы стимулов на исполнение контрактов надлежащего качества. В пятом разделе приводятся результаты построения эконометрических моделей по влиянию заказчика на уровень конкуренции и размеры скидок на торгах, а также задержки в поставках.

³ Совокупность прав и обязанностей заказчика, предоставляющих ему возможность определять вид и содержание принимаемого управленческого решения в медицинском учреждении.

ЗАКУПОЧНЫЙ ПРОЦЕСС И СТАТИСТИКА ЗАКУПОК

Непрерывное функционирование государственных учреждений обеспечивается посредством госзакупок – получения необходимых товаров, выполнения работ и оказания услуг за счет бюджетных средств. Контрактный отдел формирует планы-графики на основании потребностей подразделений и утвержденного бюджета. Так, объемы закупок ежегодно увеличиваются, и за 2019 г. доля всех госзакупок г. Москвы составила 7% от закупок России. Это 252 605 размещенных контрактов на общую сумму 2 377 млрд руб. Доля медицинских закупок больниц г. Москвы составила 1,7% от закупок России. Это 61 253 заключенных контракта на общую сумму 219 млрд руб. (рис. 1). Контракты предусматривали поставку лекарственных препаратов (ЛП), медицинского оборудования и сопутствующих средств.

Рассмотрим агентские отношения в закупочном процессе на примере медицинских учреждений г. Москвы, осуществляющих деятельность на основании Постановления Правительства Москвы № 899-ПП⁴

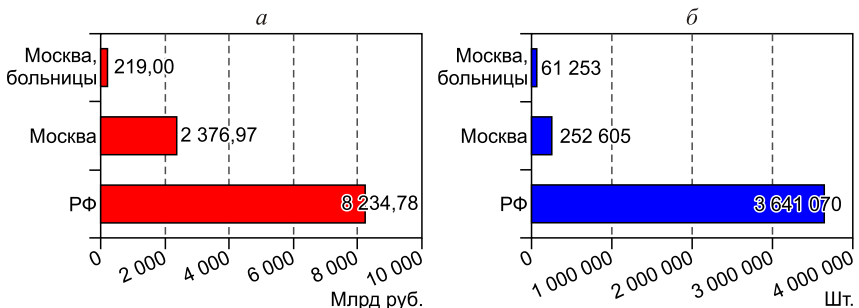

Рис. 1. Динамика госзакупок в общей сумме размещенных контрактов (а) и в количестве размещенных контрактов (б) за 2019 г.

Источник: составлено автором на основе информации, представленной на сайте zakupki.gov.ru

⁴ См.: Постановление Правительства Москвы от 19 июля 2019 г. № 899-ПП «О системе закупок города Москвы». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72207616/>.

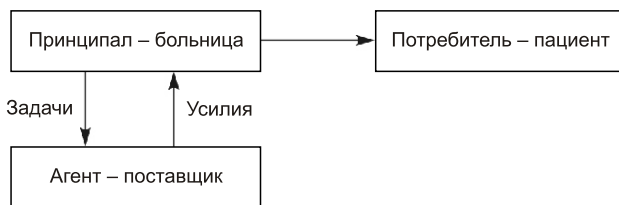

Рис. 2. Модель агентских отношений «принципал – агент» в сфере здравоохранения

(рис. 2). В агентские отношения вступают принципал-заказчик, являющийся распорядителем денежных средств и действующий для достижения определенных целей, и агент-поставщик, реализующий делегированные полномочия. Заказчик привлекает поставщика, обладающего соответствующими характеристиками и применяющего усилия для решения конкретных задач на основании заключенного агентского договора.

Департамент г. Москвы по конкурентной политике осуществляет руководство и информационное обеспечение деятельности заказчиков по проведению закупок. При осуществлении закупок конкурентными способами заказчики извещают о проведении торгов с использованием Единой автоматизированной информационной системы торгов. Заметим, что в проектируемом техническом задании указываются основные требования к закупкам по свойствам, материалам, форме и иным признакам, что определяет контрактное качество. После того как установлена начальная максимальная цена контракта (НМЦК), фирмы участвуют в тендере на право исполнить контракт. Заказчик проводит закупку как самостоятельно, так и централизованно через совместные лоты в зависимости от закупаемых товаров и услуг. По итогу торгов выбирается поставщик-победитель, отвечающий условиям заказчика и соблюдающий правила закупочного процесса. Таким образом, порядок взаимоотношений между участниками контрактной системы указывает на то, что эффект заказчика присутствует уже на этапе формирования и подачи заявок.

Несмотря на единые регламентированные закупочные правила, по данным Казначейства России, медицинские учреждения г. Москвы

оказывают медицинскую помощь разного качества. На основании независимой оценки качества услуг, проводимой экспертами в области здравоохранения, 20% (67 из 338) московских медицинских учреждений оказывают медицинские услуги на неудовлетворительном уровне⁵. Исполнение контрактов ненадлежащего качества приводит к тому, что медицинские учреждения получают товары или услуги, влекущие за собой риски причинения вреда здоровью пациентам и увеличения сроков оказания медицинской помощи по причине отсутствия нужных медицинских средств и необходимости проведения повторных закупок.

Выделим обстоятельства со стороны принципала-заказчика, влияющие на качество закупок:

- выбор агента-поставщика, не имеющего соответствующей квалификации для исполнения контракта;
- отсутствие четко обозначенных требований к поставщику;
- нарушение бюджетных обязательств по оплате и недостаточная обеспеченность поставщика ресурсами.

Данные обстоятельства могут приводить к тому, что поставщики, выбранные по итогу конкурентных процедур, поставляют товары или услуги низкого качества, а это сказывается на качестве оказываемой медицинской помощи покупателю услуг – конечному потребителю.

Дискреционные полномочия заказчика в организации закупочного процесса отражаются на качестве товаров и услуг, поставляемых в рамках госзакупок. В дальнейшем при анализе качества закупок будем акцентировать внимание на конкурентных процедурах с учетом действий заказчиков.

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Для обеспечения закупок контрактного качества следует выбирать поставщика, способного исполнить обязательства наилучшим образом, не нарушая условия договора. Ответственность в выборе

⁵ URL: <https://bus.gov.ru/pub/top-organizations-second>.

подходящей закупочной процедуры возлагается на заказчика. В зависимости от типа закупаемого товара или услуги заказчик должен ориентироваться в закупочном процессе и размещать заявки согласно сформированным требованиям по закупке, предъявляемым к поставщикам.

В целях стимулирования конкуренции широко применяются конкурентные процедуры с использованием аукционов. Согласно правилам организации закупок, установленным в США и странах Европы, рекомендуется выбирать аукционы, а использование переговоров строго ограничено. Например, в Латвии 90% всех заявок подавалось на открытые процедуры по самой низкой цене, среди них преобладали заявки на закупку медицинского оборудования и лекарственных препаратов [4]. При исследовании конкурентного эффекта в 790 закупках государственных услуг в Греции было обнаружено, что с каждым дополнительным участником в аукционе средняя цена контракта снижается на 3% по сравнению с другими закупочными процедурами [16]. Таким образом, предпочтение конкурентных процедур переговорным объясняется тем, что аукционы способствуют осуществлению поставок по более низким ценам, обеспечивая экономию бюджетных средств и формируя предпосылки к соблюдению контрактного качества, а также гарантируя равные возможности для участвующих фирм за счет соблюдения принципов прозрачности и справедливости. В случае, когда контракт непроверяемого качества поставщик получает на основе цены и с учетом прошлых результатов его работы, аукцион является наиболее оптимальной процедурой среди конкурентных [2].

С 2014 г. контрактная система в России регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в котором регламентируется применение закупочных процедур: аукциона, конкурса, запроса котировок, запроса предложений и закупки у единственного поставщика. Среди

Таблица 1

Объемы контрактов и конкуренция на торгах по госзакупкам медицинских учреждений г. Москвы в разрезе способов закупки, 2019 г.

Способ закупки	Кол-во заключенных контрактов	Общая сумма заключенных контрактов, млрд руб.	Среднее кол-во участников по г. Москве	Среднее кол-во участников по России
Электронный аукцион	51 934	147,9	2,1	3,2
Запрос котировок	253	1,4	2,1	2,0
Открытый конкурс	452	11,6	2,3	2,5
Закупка у единственного поставщика	7 432	25,9	–	–

Источник: составлено автором на основе информации, представленной на сайте zakupki.gov.ru.

контрактов, заключенных за 2019 г., у заказчиков преобладают закупки на электронных аукционах – 74% от общего объема закупок⁶.

В настоящем исследовании предполагается, что уровень конкуренции, достигаемая на торгах экономия и задержки, подотчетные заказчику, влияют на качество закупок. В таблице 1 представлена описательная статистика по способам определения поставщика для медицинских учреждений г. Москвы.

Медицинские учреждения г. Москвы предпочитают заключать контракты через электронные аукционы, характеризующиеся прозрачностью, достаточно высоким уровнем конкуренции и кратким сроком проведения. В 2019 г. было заключено 51 934 контракта

⁶ См.: Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019 года. – URL: https://m.minfin.gov.ru/ru/document/?id_38=130277-svodnyi_analiticheskii_otchet_po_rezultatam_osushchestvleniya_monitoringa_zakupok_tovarov_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_v_sootvetstvi_s_f.

на сумму 147,9 млрд руб. Наименьшую долю составляют закупки, осуществленные по запросам котировок, имеющим ограничение по НМЦК до 500 тыс. руб., – 253 контракта на сумму 1,4 млрд руб. Заметим, что в электронном аукционе и запросе котировок выбирается поставщик, предложивший наиболее низкую цену исполнения контракта. Существует риск получения товара или услуги ненадлежащего качества по причине возможного применения стратегии агрессивных ставок участниками, желающими победить в соревновании за право исполнять контракт, в результате чего фирма будет вынуждена минимизировать издержки производства или нарушить правила транспортировки товара для получения прибыли после заниженной конечной цены. В отличие от конкурса, где побеждает участник, получивший наибольшее количество баллов по критериям заказчика. Несмотря на преобладание конкурентных процедур, 7 432 контракта были исполнены единственными поставщиками, что объясняется спецификой закупаемой медицинской продукции на монопольном рынке. При этом по сравнению с данными по России среднее число участников закупок в г. Москве – два, что говорит об относительно низкой конкуренции на торгах.

Каждое медицинское учреждение формирует свой перечень закупок на финансовый год, что является основанием для осуществления закупок. Сопоставляя доли планов-графиков, размещенных на торгах, получаем, что по России за 2019 г. было размещено 2 682 168 планов-графиков по электронному аукциону (закупки г. Москвы составили 2% от общего объема), 444 575 планов-графиков по запросу котировок (0,1%), 65 635 планов-графиков по открытому конкурсу (0,7%) и 1 179 253 плана-графика по закупкам у единственного поставщика (0,6%)⁷.

Оценивая конкурентоспособность закупок в странах Европы по числу участников на торгах, анализируя поведение участников и количество их побед, эксперты отмечают, что чем сильнее конкуренция, тем выше результаты по закупкам. В среднем в открытых и ограниченных процедурах присутствует по шесть участников, в отличие от

⁷ Там же.

переговоров с наименьшим числом предложений. Однако ограничения на конкуренцию могут использоваться для сложных контрактов. Исследователи подчеркивают, что в таких ситуациях аукционы могут затруднять коммуникацию между участниками, не позволяя заказчику использовать опыт поставщика при разработке проектов документации по закупкам медицинских учреждений [8].

Конкуренция на торгах может приводить или не приводить к качественной закупке в зависимости от правил закупочной системы, которым следуют заказчики при формировании заявок, и от работы ее механизмов. Вместе с тем на основе полученных статистических данных выявлено, что медицинские учреждения г. Москвы предпочитают проводить закупки через электронный аукцион, так как это наиболее прозрачная процедура проведения торгов. Отмечается, что низкая конкуренция допускает сговорчивое поведение участников, что сопровождается ростом издержек. Прозрачность аукционных процедур и дискреционные полномочия стимулируют конкуренцию, а это способствует соблюдению стандартов качества при исполнении контрактов.

СТОИМОСТЬ И ТИПЫ КОНТРАКТОВ

Конкуренция на торгах зависит от предлагаемой стоимости контракта. Как правило, чем выше НМЦК, тем привлекательнее для фирм участие в соревновании за право исполнить контракт и тем выше конкуренция [1]. Обратим внимание, что контрактная процедура выбирается с учетом законодательно установленных правил по ограничению стоимости контракта и по виду закупаемого товара или услуги. При этом неудачный выбор контрактной процедуры может иметь негативные последствия для заказчика с точки зрения стоимости контракта и качества его исполнения [5].

В закупочном процессе взаимоотношения заказчика с потенциальными поставщиками начинают выстраиваться исходя из цены контракта. Цена – это необходимое и достаточное стоимостное условие, которое определяется и обосновывается заказчиком. Цена должна

Таблица 2

Стоимость контрактов в зависимости от способа закупок и экономия на торгах, 2019 г.

Способ закупки	Объем НМЦК, млрд руб.	Экономия по больницам г. Москвы, млрд руб.	Экономия по г. Москве, млрд руб.	Экономия по России, млрд руб.
Электронный аукцион	157,7	9,8	92,66	383,18
Запрос котировок	1,5	0,028		
Открытый конкурс	11,8	0,220		
Закупка у единственного поставщика	25,9	—		

Источник: составлено автором на основе информации, представленной на сайте zakupki.gov.ru.

покрывать издержки производства, иначе поставщик теряет прибыль от продажи товаров или оказания услуг.

В таблице 2 представлены данные по НМЦК медицинских учреждений и достигаемой экономии на торгах по медицинским закупкам.

По законам рыночной экономики цена предопределяет качество. В закупках выделяется три категории контрактов⁸: контракты с фиксированной ценой, контракты с добавлением затрат и контракты на стимулирование.

Контракт с фиксированной ценой – это договорное соглашение по стандартизированным закупкам с соблюдением качества по государственным стандартам, в рамках которого поставщику перечисляются денежные средства на начальном этапе исполнения контракта без дополнительной платы за обеспечение более высокого качества, но со штрафными санкциями в случае нарушения контрактных требований.

⁸ См.: *Directive 2004/18/EC of the European Parliament and of the Council on the Coordination of Procedures for the Award of Public Works Contracts, Public Supply Contracts and Public Service Contracts.* – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/18/oj>.

Контракт с добавлением затрат предусматривает условия, по которым заказчик возмещает понесенные производственные затраты по закупке, следовательно, поставщик застрахован от перерасхода средств без стимулов для сокращения затрат и с риском предоставления того же предложения на этапе отбора.

В *контрактах на стимулирование* применяется механизм с ограниченной ценой, когда поставщик соблюдает установленный срок и получает за выполнение своих обязательств вознаграждение по фиксированной ежедневной плате, а в случае продления срока исполнения контракта на оказание консультационных услуг поставщик получает компонент прибыли, создавая риск прилагать меньше усилий, намеренно увеличивая продолжительность исполнения контракта и счет за поставленные товар или услугу [6].

Подчеркнем, что для медицинских закупок больниц г. Москвы характерны контракты с фиксированной ценой по причине большого объема закупок стандартизированных товаров и услуг.

Контракты медицинских учреждений подразделяются на простые и сложные. В процессе формирования заявки заказчик составляет техническое задание с фиксированной ценой, определяя сложность контракта. *Простые контракты* проектируются с небольшой неопределенностью относительно того, что необходимо производить, а фиксированная цена способствует экономии затрат. В *сложных контрактах* условия трудно спроектировать заранее, торги сопряжены с этапом переговоров [15].

Участники конкурируют со своими излишками, при этом аукцион снижает транзакционные издержки. Если заказчик в случае сложного контракта использует добавление затрат, которые заранее неизвестны, то возможен неблагоприятный отбор, когда аукцион выиграет поставщик, предложивший самую высокую цену и наименее способный. В таких случаях аукционы не подходят для заключения сложных контрактов. В связи с тем, что результативность аукциона будет зависеть от числа квалифицированных участников, в аукционах может участвовать неограниченное количество фирм, что способствует заключению контрактов по справедливым рыночным ценам. Подчеркнем, что ценовое различие в стандартизированных медицинских

товарах влияет на уровень конкуренции, на экономию по закупкам в регионах и, как следствие, на качество самого исполнения контрактов.

Медицинские учреждения г. Москвы заключают простые и сложные контракты, закупая различные товары и услуги для обеспечения полного функционирования. В таблице 3 контракты разделены на простые стандартизированные (закупки лекарственных препаратов) и сложные (выполнение строительных, ремонтных и технических работ, оказание коммунальных, транспортных и образовательных услуг). Сравнив контракты, видим, что в целом продолжительность исполнения контрактов по прочим товарам и услугам больше, чем у контрактов по лекарственным препаратам. Контракты, заключенные на открытых конкурсах в 2019 г., имеют средний срок исполнения 1,5 года, что объясняется потребностью в строительстве объектов

Таблица 3

**Сроки исполнения контрактов в разрезе способа закупок больницами
г. Москвы, 2019 г.**

Способ закупки	Средний срок исполнения контрактов, дней	Среднее кол-во задержек, дней
<i>Простые контракты (лекарственные препараты)</i>		
Электронный аукцион	233	–13
Запрос котировок	246	–31
Открытый конкурс	0	0
Закупка у единственного поставщика	193	–4
<i>Сложные контракты (прочие товары и услуги)</i>		
Электронный аукцион	204	–16
Запрос котировок	259	6
Открытый конкурс	539	–70
Закупка у единственного поставщика	403	–7

Источник: составлено автором на основе информации, представленной на сайте zakupki.gov.ru.

и проведении ремонтных работ. Контракты с задержками в среднем в шесть дней выявлены среди контрактов, заключенных по запросу котировок, а контракты, заключенные на открытых конкурсах, исполняются раньше срока в среднем на два месяца, что объясняется видом закупаемых товаров.

Отметим, что сложные контракты следует сопровождать этапом переговоров для корректного планирования расходов денежных средств и установления выполнимых сроков реализации, что позволит определить оптимальные параметры по такому типу закупок. Таким образом, от рационального проведения переговоров зависят результат исполнения контракта и размер понесенных поставщиками затрат. При этом для закупок характерно непроверяемое качество, когда требования не могут быть прямо учтены в контракте, а качество не может быть проверено при поставке третьей стороной.

При исполнении простых контрактов задержек меньше или они вовсе отсутствуют. Раньше срока осуществляется поставка лекарственных препаратов через запрос котировок. В случае контрактов, заключенных через аукционы, средний срок исполнения составляет 233 дня, что свидетельствует о поставке ЛП поэтапно в течение длительного периода. Выявлено, что через открытый конкурс закупка лекарств не выполнялась в 2019 г. в соответствии с положениями нормативно-правовых актов. Обратим внимание на то, что для стандартизированных товаров качество должно быть идентифицировано и объективировано посредством проведения сертификационных тестов и испытаний. Вместе с тем качество закупаемого товара или оказываемой услуги проверяет на соответствие контрактных требований по техническому заданию организованная приемочная комиссия. В случае поставки товара ненадлежащего качества больница имеет право отказаться от такой закупки с условием замены или составить жалобу на работу недобросовестного поставщика.

В случае конкурентных процедур длительность контрактов и задержек меньше, чем при закупках у единственного поставщика. Замечено, что более длительный контракт увеличивает стоимость закупаемых товаров или услуг и подразумевает более высокие затраты на стимулы для контроля качества.

Медицинские госзакупки имеют высокую социально-экономическую значимость, чем вызван ежегодный рост доликупаемых медучреждениями товаров и услуг. Выявлено, что для обеспечения качественных закупок заказчикам следует применять стратегический подход при формировании заявок с учетом предмета закупок: как простые и сложные контракты, для которых характерны установленные стандарты качества, так и переговоры для закупок непроверяемого качества. Конкурентные процедуры обеспечивают более высокую гарантию при поставках товаров и услуг контрактного качества по сравнению со стандартизированными товарами и услугами.

СТИМУЛЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ КАЧЕСТВА И ЕГО МЕХАНИЗМЫ

Закрепленные контрактные обязательства защищают участников закупочного процесса от риска неожиданных изменений в поведении контрагента, позволяя планировать, делать инвестиции и производить продукцию. Вместе с тем контрактные обязательства со стороны заказчика должны подкрепляться стимулами для гарантированного исполнения контрактов требуемого качества.

К основным стимулам в обеспечении качественных закупок относятся

- *премия за поставку качественного товара.* Этот стимул применяется в случае закупок непроверяемого качества, когда заказчик может оценить качество только в процессе эксплуатации. Так, врач узнает о прочности и эластичности закупленного хирургического шовного материала в процессе наложения шва пациенту. Премия поставщику является эффективным инструментом, поскольку выплачивается в конце исполнения контракта, в отличие от фиксированной платы. Поставщик предпочитает не обманывать в текущем контракте, так как величина ожидаемой прибыли больше, чем экономия по затратам [13];
- *исключение из торгов с последующим отстранением от участия в них или обмен некачественного товара.* Отстранение недобросовестных фирм от участия в торгах увеличивает шан-

сы на выбор надежного поставщика в следующих торгах. Однако такой метод ограничивает конкуренцию, что может повлечь за собой заключение контракта по завышенной цене или привести к сговору [3]. По мнению К. Черроне и ее соавторов [7], фармацевтический рынок наиболее уязвим к сговору, что вызвано низкой конкуренцией. В то же время метод замены некачественного товара вынуждает поставщика понести дополнительные затраты на повторную поставку товара;

- *отсроченные платежи.* Заказчик применяет инвестиционную стратегию, перечисляя денежные средства поэтапно в длительном временном интервале. Этот метод особенно эффективен в отношении контрактов, в которых требования к технологии продукта подвержены корректировке, что приводит к контролю поведения поставщика [10].

В настоящее время стимулы в российской контрактной системе используются не очень широко, несмотря на успешность их применения в европейской системе закупок. Безусловно, политика конкурентного отбора играет ключевую роль в предотвращении риска поставки некачественной продукции. Поставка товара или услуги контрактного качества гарантируется в том случае, когда заказчик обладает полномочиями поощрять или наказывать поставщика.

Контрактное качество согласуется на разных этапах закупочного процесса между участниками торгов. Выделим два механизма электронных закупок: фиксированного качества и договорного качества. *Механизм фиксированного качества* состоит в следующем. Заказчик инициирует аукцион и покупает товар у победившего поставщика с регламентированным уровнем качества, который должен быть гарантирован при поставке. В соответствии с правилами оплаты второго аукциона с закрытой ставкой поставщику выплачивается конечная цена контракта. После завершения этапа отбора заказчик предлагает бонус с целью побудить выигравшего поставщика приложить усилия для поставки товара надлежащего качества в случае ненаблюдаемости его свойств. *Механизм договорного качества* заключается в следующем. После завершения аукциона наступает стадия переговоров, на которой заказчик имеет возможность согласовать требо-

вания по качеству поставок с победившей фирмой, при этом цена контракта может корректироваться по согласованию сторон. Заказчик обладает правом предоставить поставщику бонус с намерением поощрить его за качество поставляемого товара (услуги) [12].

Таким образом, система стимулов побуждает поставщиков исполнять контрактные обязательства в установленные сроки и с требуемым качеством, что в конечном итоге отражается на качестве оказываемых медицинских услуг пациентам.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСЗАКУПОК БОЛЬНИЦ

Эмпирический анализ проводится на основе собранных автором данных по госзакупкам 338 больниц г. Москвы. В базу данных вошли 481 266 заключенных контрактов на общую сумму 1,2 трлн руб. за 2011–2019 гг.⁹ С помощью метода наименьших квадратов было оценено следующее уравнение:

$$y = \beta_1 \text{тип заказчика} + \beta_2 \text{участники} + \beta_3 \text{аукцион} + \beta_4 \text{размещение заявки} + X, \quad (1)$$

где y – уровень конкуренции (модель № 1), скидка на торгах (модель № 2), задержки (модель № 3); X – вектор контрольных переменных, включающий категории закупок: лекарственные препараты, медицинская техника и сопутствующие медицинские товары.

В таблице 4 представлены результаты анализа влияния выделенных факторов на количество участников электронных аукционов по контрактам медицинских учреждений г. Москвы. Получается, что положительный эффект заказчика присутствовал в рамках 94-ФЗ (0,095). Это означает, что группа медицинских учреждений с высоким рейтингом по качеству оказываемых услуг привлекала на торги больше поставщиков. При 44-ФЗ тенденция меняется (–0,091), что объясняется ростом доли закупок, проводимых уполномоченным органом, которая также влияет на уровень конкуренции. Вместе с тем ослабление конкуренции свидетельствует о желании заказчиков гарантированно получить товар (услугу) более высокого качества.

⁹ URL: <http://zakupki.gov.ru>.

Таблица 4

Модель № 1. Эмпирические результаты: влияние заказчика на конкуренцию

Переменная	Кол-во участников торгов	
	94-ФЗ	44-ФЗ
Группа заказчиков с высоким качеством услуг	0,095***	–0,031
Электронные аукционы	–0,176***	–0,091**
Заказчик самостоятельно проводит торги	–0,065*	0,103***
Лекарственные препараты	0,135***	–0,180***
Медицинская техника	–0,045**	–0,105***
Сопутствующие медицинские товары	–0,082***	–0,201***
Кол-во наблюдений	90 273	268 301
R ²	0,69	0,71

Примечания: 94-ФЗ – товары и услуги были закуплены по Федеральному закону от 21.07.2005 г. № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»; 44-ФЗ – товары и услуги были закуплены по Федеральному закону от 05.04.2013 г. № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; * – на уровне значимости 10%, ** – 5%, *** – 1%.

В таблице 5 представлены результаты анализа влияния выделенных факторов на снижение цены в ходе электронных аукционов по контрактам медицинских учреждений г. Москвы в период действия разных федеральных законов. Как видим, самостоятельное проведение заказчиком конкурентных торгов влияет на результат, и в период действия законов он разный: при 94-ФЗ скидка на торгах ниже (–0,157), при 44-ФЗ – выше (0,128).

В таблице 6 представлены результаты анализа влияния выделенных факторов на задержки по контрактам медицинских учреждений г. Москвы. Получается, что результаты различаются между периодами действия законов, регулирующих закупочную деятельность. Заказчики, оказывающие услуги высокого качества, при 44-ФЗ реже сталкиваются с задержками поставок (0,052), однако если брать весь

Таблица 5

Модель № 2. Эмпирические результаты: влияние заказчика на скидку

Переменная	Скидка на торгах	
	94-ФЗ	44-ФЗ
Группа заказчиков с высоким качеством услуг	0,000	–0,001
Электронные аукционы	0,170***	–0,041
Заказчик самостоятельно проводит торги	–0,157***	0,128***
Лекарственные препараты	0,032	–0,078***
Медицинская техника	–0,113***	–0,105***
Сопутствующие медицинские товары	–0,113***	–0,228***
Кол-во наблюдений	90 273	268 301
R ²	0,72	0,74

Примечания: 94-ФЗ – товары и услуги были закуплены по Федеральному закону от 21.07.2005 г. № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»; 44-ФЗ – товары и услуги были закуплены по Федеральному закону от 05.04.2013 г. № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; * – на уровне значимости 10%, ** – 5%, *** – 1%.

рассматриваемый период, задержки для них более характерны. При работе с одинаковыми поставщиками у группы заказчиков с услугами высокого качества задержек меньше (0,009), в отличие от группы заказчиков с услугами низкого качества. Таким образом, заказчик может влиять на процесс проведения торгов, что отражается на качестве товаров и услуг, поставляемых в рамках госзакупок.

Основываясь на многомерном аукционном дизайне закупок, когда заказчик инициирует закупку товаров или услуг с особым требованием к их качеству, для достижения оптимального результата необходимо использовать двухэтапный аукцион [9]. С одной стороны, при составлении заявки заказчик выбирает фиксированный механизм качества как оптимальную стратегию, что может приводить к передаче излишка от поставщика к заказчику и, как правило, не дает воз-

Таблица 6

Модель № 3. Эмпирические результаты: влияние заказчика на поставку

Переменная	Задержки, 94-ФЗ		Задержки, 44-ФЗ	
	Более 14 дней	Более 15% от продолжительности контракта	Более 14 дней	Более 15% от продолжительности контракта
Группа заказчиков с высоким качеством услуг	0,303***	0,282***	0,052*	0,061**
Одинаковые поставщики	0,040	0,041	0,010	0,004
Группа заказчиков с высоким качеством одинаковые поставщики	–0,052	–0,085**	0,009	–0,007
Заказчик самостоятельно проводит торги	0,035	–0,011	0,018	0,012
Логарифм резервной цены	0,072***	0,084***	–0,028	–0,013
Лекарственные препараты	0,022	–0,004	0,020	0,026
Медицинская техника	–0,001	0,002	–0,016	–0,019
Сопутствующие медицинские товары	0,053**	0,058**	–0,010	–0,002
Кол-во наблюдений	90 273		268 301	
R ²	0,64	0,67	0,68	0,66

Примечания: 94-ФЗ – товары и услуги были закуплены по Федеральному закону от 21.07.2005 г. № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»; 44-ФЗ – товары и услуги были закуплены по Федеральному закону от 05.04.2013 г. № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; * – на уровне значимости 10%, ** – 5%, *** – 1%.

возможности для Парето-улучшения и получения прибыли. С другой стороны, электронные аукционы заменили собой ряд механизмов с переговорами по выбору поставщиков, и это снижает операционные издержки, повышает уровень конкуренции, выявляет оптимальные источники снабжения через обеспечение прозрачности рынка и содействие инновациям. Однако для аукционов характерна следующая проблема: у поставщиков усиливается желание сотрудничать

с заказчиками напрямую, что говорит о недостаточности аукционов с фиксированным качеством для закупок медицинских учреждений в контрактной системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследовав качество закупок в конкурентных процедурах на примере госзакупок медицинских учреждений г. Москвы, мы определили, что способность обеспечивать конкурентными процедурами качественные закупки на этапе исполнения контрактов зависит от действий заказчиков в закупочном процессе. В зависимости от типа контракта (контракт с фиксированной ценой, контракт с добавлением затрат или контракт на стимулирование) заказчик может получить как его надлежащее исполнение, так и риск нарушения договорных условий. Эмпирический анализ показал, что электронный аукцион способствует лучшему исполнению контрактов, обеспечивая экономию бюджетных средств, снижение издержек и соблюдение установленных стандартов качества. Ужесточение законодательных требований, в частности касающихся определения НМЦК и выбора процедуры закупок, влияет на уровень конкуренции на торгах.

Конкурентные процедуры способны в той или иной мере обеспечить поставку качественных товаров и услуг в зависимости от типа заключаемого контракта. Стандартизированные товары с проверяемым качеством следует закупать по фиксированным ценам на электронных аукционах, характеризующихся довольно высоким уровнем конкуренции и прозрачностью. Закупку сложных товаров непроверяемого качества необходимо сопровождать этапом переговоров.

Для гарантированного исполнения контрактного качества в закупочном процессе в отношении поставщиков следует применять систему стимулов в виде премий, отсроченных платежей или отстранения от участия в торгах вне зависимости от предмета закупок. Вместе с тем результативность выбранной конкурентной процедуры будет зависеть от дискреционных полномочий заказчиков в плане организации торгов. Система госзакупок в здравоохранении, регулируемая 44-ФЗ, повлияла на сокращение задержек по поставкам товаров и услуг в медицинские учреждения г. Москвы.

Результаты проведенного анализа конкурентных процедур могут способствовать совершенствованию подходов к исследованию политики в области обеспечения качества закупок со стороны ученых, а также информированной и продуманной реализации контрактной политики со стороны государственных органов.

Список источников

1. Бакулина А.А., Ровбель Р.Л. Интеграция инструментов института оценки в процедуры обоснования начальной (максимальной) цены контракта в закупочной деятельности // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 2 (107). – С. 70–75.
2. Albano G.L., Cesi B., Iozzi A. Public procurement with unverifiable quality: The case for discriminatory competitive procedures. // Journal of Public Economics. – 2017. – No. 1. – P. 14–26.
3. Auriol E., Soreide T. An economic analysis of debarment // International Review of Law and Economics. – 2017. – No. 50. – P. 36–49.
4. Baltrunaite A. Political contributions and public procurement: evidence from Lithuania // Journal of the European Economic Association. – 2020. – Vol. 18, Iss. 2. – P. 541–582. – URL: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvz016> (дата обращения: 21.01.2020).
5. Bauhr M., Czibik A., Licht J., Fazekas M. Lights on the shadows of public procurement: Transparency as an antidote to corruption // Wiley Online Library. – 2020. – No. 33 (3). – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/gove.12432> (дата обращения: 26.08.2020).
6. Bellantuoni L. An estimation of the benefits generated by a central purchasing body: empirical evidence from Consip in Italy. – URL: <https://www.politesi.polimi.it/handle/10589/144620> (дата обращения: 27.08.2020).
7. Cerrone C., Hermstrüwer Y., Robalo P. Debarment and Collusion in Procurement Auctions. MPI Collective Goods Discussion Paper, No. 2018/5. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3172826> (дата обращения: 11.01.2020).
8. Chever L., Saussier S., Yvrande-Billon A. The law of small numbers: Investigating the benefits of restricted auctions for public procurement // Applied Economics. – 2017. – No. 49 (42). – P. 4241–4260.
9. Corato L., Dosi C., Moretto M. Multidimensional auctions for long-term procurement contracts with early-exit options: The case of conservation contracts // European Journal of Operational Research. – 2018. – No. 267 (1). – P. 368–380.
10. D'Haultfœuille X., Février P. The provision of wage incentives: A structural estimation using contracts variation // Quantitative Economics: Journal of the Econometric Society. – 2020. – No. 11 (1). – P. 349–397.
11. Drab R., Stofa T., Delina R. Analysis of the efficiency of electronic reverse auction settings: big data evidence. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10660-020-09433-0> (дата обращения: 31.08.2020).
12. Hong Y., Shao B. Effectiveness of Buyer-Supplier Prior Experience on E-Procurement Platforms. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3294028> (дата обращения: 26.08.2020).

13. Ishihara A. Managing Authority and Incentives in Relational Contracts. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3551035> (дата обращения: 22.07.2020).

14. Leitzel J., Tirole J. Incentives in Procurement Contracting. – Routledge, 2020. – 174 p.

15. Newman D., Barrette E., McGraes-Lloyd K. Medicare competitive bidding program realized price savings for durable medical equipment purchases // Health Affairs. – 2017. – Vol. 36, No. 8. – URL: <https://www.healthaffairs.org/doi/full/10.1377/hlthaff.2016.1323> (дата обращения: 26.07.2020).

16. Stehlik P. The competitive effect on public procurement for public service contracts: The case of the Czech Republic // Ekonomický časopis. – 2018. – № 4. – P. 416–427.

Информация об авторе

Кравцова Маргарита Владиславовна (Россия, Москва) – аспирант факультета экономических наук Департамента прикладной экономики НИУ «Высшая школа экономики» (101000, Москва, ул. Мясницкая, 20); главный специалист-эксперт Департамента мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Министерства здравоохранения РФ. E-mail: R-V-K-93@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20210203

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 53–77

M.V. Kravtsova

THE QUALITY OF PUBLIC MEDICAL PROCUREMENT IN COMPETITIVE PROCEDURES

The article is devoted to ensuring the quality of procurement in competitive procedures at the contract execution stage. Public medical institutions continue having problems with the deliveries of low-quality goods regardless of how contractual provisions are imposed. The study examines the procurement process and analyzes the public procurement of medical institutions in Moscow. We define the factors that affect the quality of delivered goods and services, pointing out various procurement procedures and contract types that medical institutions use. The article also describes simple and complex contracts with verifiable and unverifiable quality. It estimates competition at the auctions where the number of participants is a decisive factor determining their success. We examine how the incentive system influences suppliers. The fixed-quality

auction mechanism is compared to the negotiable-quality one. It is shown that the capacity of competitive procedures to ensure quality procurement depends on the customer discretion: the type of the contract, the comprehensiveness of the designed terms of reference, the choice of procurement method, and the degree of quality testability and the incentives system applied to suppliers. Following our research, we suggest that standardized goods or services should be purchased at open e-auctions, while those complex ones with difficult expense accounting must involve a negotiation stage. The systematized results help improve the approaches to analyzing policies in procurement quality assurance and well-thought-out contract policy implementation by public authorities.

Keywords: public procurement; customer; supplier; competition; quality; medical institution; auction

For citation: *Kravtsova, M.V. (2021). Kachestvo gosudarstvennykh meditsinskikh zakupok v konkurentnykh protsedurakh [The quality of public medical procurement in competitive procedures]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 53–77. DOI: 10.15372/REG20210203.*

References

1. *Bakulina, A.A. & R.L. Rovbel. (2018). Integratsiya instrumentov instituta otsenki v protsedury obosnovaniya nachalnoy (maksimalnoy) tseny kontrakta v zakupochnoy deyatel'nosti [Integration of the evaluation institute's instruments into the procedures for justifying the initial (maximum) price of the contract in the procurement activities]. Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment [Strategic Decisions and Risk Management], 2 (107), 70–75.*
2. *Albano, G.L., B. Cesi & A. Iozzi. (2017). Public procurement with unverifiable quality: The case for discriminatory competitive procedures. Journal of Public Economics, 1, 14–26.*
3. *Auriol, E. & T. Soreide. (2017). An economic analysis of debarment. International Review of Law and Economics, 50, 36–49.*
4. *Baltrunaite, A. (2020). Political contributions and public procurement: evidence from Lithuania. Journal of the European Economic Association, Vol. 18, Iss. 2, 541–582. Available at: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvz016> (date of access: 21.01.2020).*
5. *Bauhr, M., A. Czibik, J. Licht & M. Fazekas. (2020). Lights on the shadows of public procurement: Transparency as an antidote to corruption. Wiley Online Library, 33 (3). Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/gove.12432> (date of access: 26.08.2020).*
6. *Bellantuoni, L. (2018). An estimation of the benefits generated by a central purchasing body: empirical evidence from Consip in Italy. Available at: <https://www.politesi.polimi.it/handle/10589/144620> (date of access: 27.08.2020).*

7. *Cerrone, C., Y. Hermstrüwer & P. Robalo.* (2018). Debarment and Collusion in Procurement Auctions. MPI Collective Goods Discussion Paper, No. 2018/5. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3172826> (date of access: 11.01.2020).
8. *Chever, L., S. Saussier & A. Yvrande-Billon.* (2017). The law of small numbers: Investigating the benefits of restricted auctions for public procurement. *Applied Economics*, 49 (42), 4241–4260.
9. *Corato, L., C. Dosi & M. Moretto.* (2018). Multidimensional auctions for long-term procurement contracts with early-exit options: The case of conservation contracts. *European Journal of Operational Research*, 267 (1), 368–380.
10. *D'Haultfœuille, X. & P. Février.* (2020). The provision of wage incentives: A structural estimation using contracts variation. *Quantitative Economics: Journal of the Econometric Society*, 11 (1), 349–397.
11. *Drab, R., T. Stofa & R. Delina.* (2020). Analysis of the efficiency of electronic reverse auction settings: big data evidence. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10660-020-09433-0> (date of access: 31.08.2020).
12. *Hong, Y. & B. Shao.* (2018). Effectiveness of Buyer-Supplier Prior Experience on E-Procurement Platforms. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3294028> (date of access: 26.08.2020).
13. *Ishihara, A.* (2020). Managing Authority and Incentives in Relational Contracts. SSRN, 39. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3551035> (date of access: 22.07.2020).
14. *Leitzel, J. & J. Tirole.* (2020). Incentives in Procurement Contracting. Routledge, 174.
15. *Newman, D., E. Barrette & K. McGraves-Lloyd.* (2017). Medicare competitive bidding program realized price savings for durable medical equipment purchases. *Health Affairs*, Vol. 36, No. 8. Available at: <https://www.healthaffairs.org/doi/full/10.1377/hlthaff.2016.1323> (date of access: 26.07.2020).
16. *Stehlik, P.* (2018). The competitive effect on public procurement for public service contracts: The case of the Czech Republic. *Ekonomický časopis*, 4, 416–427.

Information about the author

Kravtsova, Margarita Vladislavovna (Moscow, Russia) – post-graduate student at the Faculty of Economics, Department of Applied Economics, National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitckaya st., Moscow, 101000, Russia); Chief Specialist-Expert at the Department of Monitoring, Analysis and Strategic Development of Healthcare, Ministry of Health of the Russian Federation. E-mail: R-V-K-93@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 21.04.2020.

После доработки 10.12.2020.

Принята к публикации 14.12.2020.

© Кравцова М.В., 2021

Н.А. Кравченко, А.И. Иванова

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОРОНАВИРУСА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Распространение пандемии коронавируса COVID-19 сильно дифференцировано как между странами, так и между территориями внутри стран. Основная цель данной работы состоит в выявлении характеристик регионов, оказывающих влияние на масштаб распространения заражения коронавирусом на территории Российской Федерации во время второй волны пандемии. С использованием методов эконометрического моделирования были оценены зависимости между рядом региональных характеристик, отражающих уязвимость регионов и их возможности сопротивления заражению, и масштабом распространения коронавируса. Факторами сопротивления стали богатство региона и социальный капитал его населения. Население более обеспеченных российских регионов меньше подвергается заражению, а самые уязвимые – более бедные регионы, регионы с высокой плотностью населения, регионы с худшим качеством окружающей среды и регионы с более пожилым населением. В статье продемонстрирована роль социального капитала в сопротивлении пандемии: более высокое качество социального капитала связано с более низким уровнем заражения и смертности. Полученные результаты могут использоваться для обоснования мер региональной политики для потенциального снижения заражения коронавирусом COVID-19 и другими инфекциями.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; регионы Российской Федерации; факторы уязвимости и сопротивления; социальный капитал

Для цитирования: Кравченко Н.А., Иванова А.И. Распространение коронавируса в России: региональные особенности // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 78–99. DOI: 10.15372/REG20210204.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСА COVID-19

Уже больше года люди в большинстве стран мира живут в условиях «новой реальности», которая формируется в результате распространения пандемии коронавируса и борьбы с ней. Пандемия коронавируса отличается от ранее возникавших пандемий своим глобальным масштабом и скоростью распространения, информационной прозрачностью и активностью взаимодействий в противостоянии ей.

Первая волна пандемии коронавируса COVID-19 распространялась по миру в ситуации неуправляемой неопределенности. В настоящее время, хотя достигнуты значительные успехи не только в понимании механизмов распространения инфекции, но и в разработке лекарственных средств и методов профилактики (вакцины) и лечения, неопределенность сохраняется, уровень заболеваемости продолжает увеличиваться (141 млн заражений в мире на 18.04.2021) и существует опасность дальнейшей эскалации заболеваемости. Уже накоплено значительное количество эмпирического материала и исследований, которые показывают, что в разных странах динамика и масштаб распространения пандемии и ее воздействие на общество и экономику различаются, при этом внутри стран дифференциация между регионами еще более значительна.

По данным на ноябрь 2020 г. [18], в Китае 83% подтвержденных случаев заболевания были выявлены в провинции Хубэй, в Италии сильнее всего пострадал регион Ломбардия (47% случаев заболевания), во Франции – регион Иль-де-Франс (34%), в США – Нью-Йорк (14,6%), в Бразилии – Сан-Паулу (25%).

Россия по состоянию на апрель 2021 г. занимает пятое место в мире по числу случаев заражения коронавирусом COVID-19 (после США, Бразилии, Индии и Франции) и седьмое место по числу умерших (после США, Бразилии, Мексики, Индии, Италии, Великобритании)¹. В Москве было зарегистрировано 24% от общего числа случаев по состоянию на ноябрь 2020 г. [18]; по последним данным

¹ Данные Университета Джона Хопкинса (Coronavirus Resource Center. – URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>).

(03.04.2021, расчеты авторов), доля Москвы в общем числе зараженных изменилась незначительно и составила 23%. На три российских региона с наибольшим числом заразившихся (г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область) приходится 36% всех случаев COVID-19, а на 10 российских регионов с наибольшим числом заражений – почти половина всех пострадавших. Удельный вес зараженных коронавирусом по отношению к численности населения в Москве в 16 раз превышает этот показатель в Республике Татарстан.

Волнообразное наступление коронавируса и факторы, с ним связанные, различаются по данным первой волны и второй, наступившей в России с середины сентября 2020 г. Если распространение первой волны было связано со многими непредсказуемыми случайностями, то в настоящее время, когда прошел год жизни в условиях новой реальности – пандемии, можно считать, что уже проявилась более устойчивая взаимосвязь масштабов заражения с особенностями разных российских регионов. Угроза третьей волны, атаковавшей США и Западную Европу, поддерживает актуальность дальнейших исследований, направленных на выявление характеристик регионов, влияющих на распространение коронавируса и его воздействие.

Основная цель данной работы состоит в выявлении характеристик регионов, оказывающих влияние на масштаб распространения заражения коронавирусом COVID-19 на территории Российской Федерации.

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ: КАКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯЮТ НА ЗАРАЖЕНИЕ

Асимметричность воздействия распространения коронавируса COVID-19 и его последствий между странами и регионами внутри стран² связана с множеством факторов различной природы, каждый из которых вносит свой вклад в стохастический процесс, сложные нелинейные связи формируют особенную ситуацию для каждой местности. Истоки пространственной асимметрии регионального разви-

² Значительная дифференциация наблюдается и по районам внутри городов, в частности в Москве [7].

тия разнообразны, они связаны с факторами как первой (география и климат), так и второй природы (плотность населения и концентрация экономической деятельности) [3; 11]. В условиях пандемии факторы, которые в прошлом были явными преимуществами (например, агломерационные эффекты и плотность взаимодействий), могут способствовать распространению заражения коронавирусом COVID-19 и его последствий.

Для разных этапов распространения пандемии имеют значение разные региональные характеристики. Наиболее пострадавшими регионами в первую волну коронавируса стали крупнейшие агломерации, такие как Нью-Йорк и Лондон, с активной социальной жизнью, разнообразным населением и густонаселенными жилыми районами. На втором месте по распространению заражения находились крупные промышленные центры, связанные глобальными цепочками поставок [10].

Первая волна пандемии в России (март-май 2020 г.) в наибольшей степени затронула крупнейшие агломерации с большой плотностью населения и высоким уровнем контактов – международные центры транспортных, товарных и финансовых потоков, а также приграничные и прибрежные регионы, при этом отмечается преобладание случайных факторов [2; 15]. Однако, как подчеркивается в докладе OECD [18], а также в работе отечественных исследователей [7], непосредственной взаимосвязи между плотностью населения и заболеваемостью не было установлено. Уровень заболеваемости по отношению к населению региона в первую волну пандемии был выше не в наиболее населенных регионах, а в меньших по размерам поселениях, где случались вспышки заражений, связанные с «суперносителями» инфекции [11], что свидетельствует о сильном влиянии несистемных (случайных) факторов на эпидемическую обстановку. Пожалуй, самый известный пример – это конференция в Бостоне, США, в феврале 2020 г., на которую собрались лидеры в области биотехнологий со всего мира: было заражено 90 чел.³, которые разъехались по городам и странам.

Вторая волна пандемии началась в сентябре 2020 г., и мы полагаем, что на динамику и масштаб заражения влияют более фундамен-

³ По последним данным, основанным на расшифровке генома, заражение распространилось на 20 тыс. чел.

тальные характеристики регионов, что подтверждается устойчивостью ранкинга (сохранением порядка) наиболее пострадавших регионов.

Для целей настоящей работы мы разделили многочисленные особенности регионов, которые могут оказывать влияние на процессы распространения коронавируса, на две группы характеристик: (1) отражающие уязвимость региона к распространению инфекции и (2) формирующие возможности сопротивления распространению заболевания.

Уязвимость региона к распространению вируса зависит от широкого спектра факторов: природно-климатических (в более теплых и сухих регионах распространение коронавируса меньше), географических, демографических, экономических, социальных, политических (в США штаты, возглавляемые республиканцами, вводили менее жесткие ограничения и испытывали больший рост заболеваемости, чем штаты, возглавляемые демократами [14]) и др., которые прямо или косвенно влияют на заболеваемость коронавирусной инфекцией.

Сопротивление распространению передаваемой контактным путем новой неизвестной инфекции в условиях отсутствия специфических вакцин и медицинских препаратов зависит от скорости и строгости осуществления мер, направленных на ограничение мобильности и контактов между людьми (закрытие внешних границ, а также границ между регионами внутри стран, остановка деятельности предприятий, введение карантинных мер, социальное дистанцирование и т.д.). Введение ограничений на экономические и социальные контакты и их соблюдение были и продолжают оставаться главными нефармацевтическими воздействиями, направленными на торможение процессов заражения.

Мы сосредоточили внимание на нескольких региональных характеристиках, которые, как показывают результаты исследований, связаны с распространением коронавируса.

Богатство регионов. Показатель валового дохода на душу населения традиционно используется в региональных исследованиях, его связь с уровнями заражения и смертности может быть как отрицательной, так и положительной. Регионы с высоким ВРП на душу более урбанизированы, встроены в глобальные товарные и транспортные потоки, в них размещены крупные компании, для них харак-

терна насыщенная общественная жизнь. В результате концентрации экономической и социальной активности в богатых регионах можно ожидать более высоких уровней заражения и смертности. Это предположение подтверждают, например, результаты исследования [16] по 119 регионам в девяти странах Европейского союза: в более богатых регионах выше уровни заражения и смертности. Однако богатые регионы имеют не только плотную сеть контактов, но и более развитые инфраструктуру и систему здравоохранения, а также там больше возможностей для дистанционной работы.

С другой стороны, в бедных регионах многие люди не могут прекратить экономическую деятельность из-за низкого дохода, кроме того, у них меньше возможностей работать дистанционно в связи с характером работы или отсутствием доступа к соответствующей инфраструктуре. В таких регионах также ниже обеспеченность услугами здравоохранения. В исследовании [20] аргументируется существование обратной связи богатства региона и распространенности заражения: как коронавирус, так и меры, принятые для контроля его распространения, больше всего затрагивают бедные слои населения и районы. Факторы, которые способствуют более высокой смертности в бедных районах, включают в себя взаимосвязь между бедностью и хроническими заболеваниями, ограниченный доступ к здравоохранению, демографические и профессиональные характеристики населения.

Плотность населения. Среди факторов, способствующих распространению инфекции, исследователи рассматривают плотность и численность населения, включая присутствие в регионе крупных городских агломераций. Однако полученные результаты неоднозначны.

Для крупных городов характерны высокая плотность предприятий, развитая сеть коммуникаций, в том числе общественного транспорта, наличие больших магазинов и других мест концентрации людей, что позволяет рассматривать COVID-19 как пандемию мегаполисов. При этом сельские районы пострадали меньше всего [20].

Ю. Пономарев и Д. Радченко [6] подтверждают, что города-миллионники наиболее подвержены риску заражения коронавирусной инфекцией и ее распространения. Аналогичной точки зрения придерживаются С.П. Земцов и В.Л. Бабурин [21; 22], отмечая, что регионы

с высокой долей городского населения наиболее подвержены распространению пандемии, так как в городах не только выше интенсивность коммуникаций, но и ухудшаются природные и экологические условия, что негативно сказывается на здоровье населения.

Однако есть данные, опровергающие эту точку зрения. Так, последние данные по США показывают, что сильнее пострадали регионы с более высокой долей сельского населения. А.С. Пузанов и И.Н. Алов [7] на основе обзора мировых публикаций объясняют отсутствие непосредственной связи между плотностью населения и распространением заражения тем, что в развитых странах плотно населенные регионы с высоким уровнем благосостояния, высоким уровнем образования жителей и лучшим доступом к широкополосному интернету имеют больший потенциал для социального дистанцирования и удаленной работы, что позволяет более успешно сопротивляться распространению заражения.

Окружающая среда, прежде всего качество атмосферного воздуха, оказывает существенное воздействие на заболеваемость (заражение и летальность). Уровень загрязнения воздуха может влиять на заболеваемость COVID-19 по нескольким направлениям, среди которых наиболее существенными считаются более высокая подверженность заболеваниям легких в регионах с высоким уровнем загрязнения воздуха взвешенными частицами, а также возможность переноса вируса этими частицами на большие расстояния. Более того, результаты различных исследований [8; 10; 12; 19] позволяют предположить наличие причинно-следственной связи между загрязнением воздуха и последствиями инфекции.

Соппротивление пандемии. Вплоть до начала 2021 г. основными способами сопротивления распространению заражения были «нефармацевтические вмешательства». Социальное дистанцирование и остановка или ограничение деятельности, связанной с контактами (локауты), были и продолжают оставаться основными способами борьбы с распространением заболевания. Большинство стран приняли различные ограничивающие меры, однако важно не только законодательно установить нормы и правила, но и соблюдать их.

Реакция людей на ограничения и необходимость им следовать в течение, как оказалось, длительного периода связана с переплетением множества обстоятельств, среди которых важное значение имеют не только экономические потери (например, утрата средств к существованию), но и резкое изменение повседневности в результате вынужденной изоляции и разрыва социальных связей, сопровождаемых нарастанием тревожности, страхов и депрессии. Принуждение к социальному дистанцированию вызывает сопротивление, что подтверждается массовыми штрафами за нарушения, а также отменой наиболее жестких ограничений (в частности, быстрой отменой введения электронных пропусков в нескольких российских регионах).

Соблюдение ограничений оценить непосредственно нелегко. Если передвижения людей отслеживаются (в какой-то степени) с помощью данных с мобильных устройств⁴, то нарушения соблюдения социального дистанцирования, а также санитарных норм и использования индивидуальных средств защиты оценить значительно труднее. Косвенной характеристикой может служить количество штрафов, наложенных за нарушение ограничений. Так, на конец ноября 2020 г. в России было привлечено к административной ответственности за нарушение ограничений, введенных в связи с пандемией, более 1,1 млн чел.⁵

Исследование [17] показывает, что снижение мобильности в развитых странах в значительной степени является добровольным, зависит от осведомленности, страха или социальной ответственности и происходит независимо от требований со стороны государственных организаций, т.е. отражает более осознанное и информированное поведение, а не реакцию на репрессивные меры. Однако для самых бедных стран такой эффект не проявился, что интерпретируется авторами упомянутого исследования как вынужденный отказ от выпол-

⁴ Статистика о мобильности людей собирается Google на основе данных пользователей, которые включили историю местоположений в аккаунте Google на своих мобильных устройствах, и компания подчеркивает ограниченность ее применения. Яндекс также публикует индекс самоизоляции, но не раскрывает, как он формируется.

⁵ URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1e2579a794715d3bb8187>.

нения ограничений по мобильности из-за отсутствия средств к существованию.

Мы полагаем, что на долгосрочном горизонте соблюдение ограничений в большей степени связано с социальным капиталом, накопленным в региональном или местном сообществе. Социальный капитал рассматривается как совокупность принятых в сообществе норм, ценностей и взаимодействий, которые способствуют сотрудничеству внутри групп или между группами и обеспечивают организацию коллективных действий для достижения общественных благ [4; 5; 13]. Социальный капитал включает в себя доверие и солидарность, коллективные действия и сотрудничество, гражданскую ответственность, социальную сплоченность и другие категории.

Предполагаем, что в сообществах с более высоким уровнем социального капитала степень соблюдения ограничительных требований будет выше, что окажет позитивное влияние на уменьшение опасности заражения. Поддерживают наше предположение исследования [1; 18], в которых отмечается большая смертность от коронавируса в странах, где низок уровень доверия к правительству. Доверие к правительству помогает людям преодолевать накопившуюся «усталость от ограничений» и продолжать соблюдать ограничения. Во время первой волны коронакризиса во многих странах увеличивался уровень доверия к правительству, при этом чаще росло доверие по отношению к региональным и местным властям.

Измерение социального капитала – трудная задача. Если для национального уровня есть несколько распространенных показателей, то в отношении российских регионов существует очень мало эмпирических инструментов для оценки социального капитала. Ученые применяют различные показатели, которые косвенным образом отражают уровень социального капитала⁶. Мы использовали данные о явке на выборы как индикатор гражданской ответственности, сплоченности и доверия к власти (отметим, что это индикатор, применяемый в международных оценках социального капитала [13]).

⁶ С.П. Земцов и В.Л. Бабурин [21; 22] использовали уровень преступности и неофициальную занятость как обратный индикатор доверия членов сообщества друг к другу.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки взаимосвязи перечисленных региональных характеристик с распространением коронавируса COVID-19 был проведен эмпирический анализ данных для 85 субъектов Российской Федерации. Для расчетов были использованы данные Федеральной службы государственной статистики за 2019 и 2020 гг.⁷, данные Оперативного штаба по коронавирусу в России (на 22.09.2020 и 13.02.2021)⁸, данные Центральной избирательной комиссии о явке избирателей на выборы⁹.

Временной период был выбран исходя из следующих соображений:

1) бóльшая обоснованность данных. В начале пандемии высказывались мнения о значительной недооценке масштабов заболеваемости и смертности из-за ограниченных возможностей тестирования и расхождений в установлении причин смерти. Вторая волна заболевания сопровождалась масштабным тестированием и большей уверенностью в причинах летальных исходов;

2) уменьшение зависимости динамики заражений от случайных событий. Значительный прирост числа заразившихся во время второй волны снизил значение случайных событий, в частности влияния всплесков и «суперраспространителей» инфекции;

3) завершающее соображение. Период наблюдения от начала второй волны до начала массовой вакцинации демонстрирует региональные особенности при отсутствии специфических медикаментозных средств профилактики и лечения; позднее действие нефармацевтических воздействий постепенно должна уступить место эффективности вакцинирования и формированию коллективного иммунитета. Мы предполагаем, что в текущих условиях сохранения неопределенности характеристики уязвимости и сопротивления регионов име-

⁷ URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm .

⁸ URL: <https://stopкоронавирус.пф/information/> .

⁹ URL: <https://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2020/kategorii-viborov/> .

ют самостоятельную ценность, и их особенно важно понимать при существовании непрогнозируемых глобальных угроз.

В рамках данного исследования были рассмотрены модели, где в качестве зависимых переменных использовались число заболевших коронавирусом в субъекте РФ и число умерших от коронавируса в субъекте РФ. В качестве объясняющих переменных использованы показатели, представленные в табл. 1.

Для оценки влияния региональных факторов на заболеваемость и смертность от коронавируса применен регрессионный анализ – построение линейной регрессии (OLS). Итоговое уравнение регрессии имеет вид

$$\ln(Covid)_i = \beta_0 + \beta_1 Election_i + \beta_2 Density_i + \beta_3 \ln(GRP)_i + \beta_4 \ln(Pollution)_i + \beta_5 Education_i + \beta_6 \ln(Life)_i + \epsilon_i$$

Таблица 1

Переменные модели

Региональные факторы	Показатели
Экономические характеристики	<ul style="list-style-type: none"> Валовой региональный продукт на душу населения. Доля занятого населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование, в общей численности занятого населения соответствующей возрастной группы
Структура расселения	<ul style="list-style-type: none"> Плотность населения. Присутствие города-миллионника
Структура экономики	<ul style="list-style-type: none"> Доля сельского населения в общей численности населения. Число системообразующих предприятий
Капитал здоровья	<ul style="list-style-type: none"> Ожидаемая продолжительность жизни. Заболеваемость на 1000 чел. Численность населения на одну больничную койку
Социальный капитал	<ul style="list-style-type: none"> Явка на выборы 13 сентября 2020 г. *, %
Окружающая среда	<ul style="list-style-type: none"> Выбросы загрязняющих веществ

* Для г. Москвы использовались данные о явке избирателей на выборы мэра Москвы в 2018 г., для г. Санкт-Петербурга – о явке на выборы губернатора Санкт-Петербурга в 2019 г., для Кабардино-Балкарской Республики – о явке на выборы в парламент республики в 2019 г.

где *Covid* – показатель, характеризующий заболеваемость и смертность от коронавируса в регионах РФ (в одной спецификации модели мы использовали в качестве зависимой переменной число заболевших коронавирусом в регионе РФ, чел., в другой – число умерших от коронавируса в регионе РФ, чел.); *Density* – плотность населения, тыс. чел. / кв. км; *GRP* – валовой региональный продукт на душу населения, млн руб.; *Education* – доля занятого населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование, в общей численности занятого населения соответствующей возрастной группы, %; *Election* – явка на выборы 13 сентября 2020 г., %; *Pollution* – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. т; *Life* – ожидаемая продолжительность жизни, лет.

В таблицах 2 и 3 представлены результаты эконометрического моделирования. В спецификации модели применительно к заболе-

Таблица 2

Влияние региональных факторов на заболеваемость коронавирусом в субъектах Российской Федерации

Фактор	Коэффициент (p-value)	
	22.09.2020	13.02.2021
Плотность населения	0,390 (0,002)***	0,568 (0,000)***
Валовой региональный продукт на душу населения	–0,373 (0,000)***	–0,410 (0,000)***
Доля занятых с высшим образованием	4,536 (0,007)***	2,689 (0,048)**
Явка на выборы	–0,929 (0,061)*	–1,412 (0,001)***
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух	0,412 (0,000)***	0,344 (0,000)***
Ожидаемая продолжительность жизни	8,931 (0,000)***	6,778 (0,002)***
F-статистика (p-value)	20,76 (0,000)	30,75 (0,000)
R ² (R ² скорректированный)	0,62 (0,59)	0,70 (0,68)

Примечание: *** – значимость на уровне 1%, ** – значимость на уровне 5%, * – значимость на уровне 10%.

Таблица 3

**Влияние региональных факторов на смертность от коронавируса
в субъектах Российской Федерации**

Фактор	Коэффициент (p-value)	
	22.09.2020	13.02.2021
Плотность населения	0,642 (0,000)***	0,733 (0,000)***
Валовой региональный продукт на душу населения	–0,646 (0,000)***	–0,652 (0,000)***
Доля занятых с высшим образованием	4,260 (0,078)*	
Явка на выборы	–1,295 (0,074)*	–1,162 (0,074)*
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух	0,450 (0,000)***	0,485 (0,000)***
Ожидаемая продолжительность жизни	11,837 (0,002)***	10,432 (0,002)***
F-статистика (p-value)	17,16 (0,000)	25,86 (0,000)
R ² (R ² скорректированный)	0,57 (0,54)	0,62 (0,60)

Примечание: *** – значимость на уровне 1%, ** – значимость на уровне 5%, * – значимость на уровне 10%.

ваемости коронавирусом наибольшей значимостью и устойчивостью (значимы как для данных на 22.09.2020, так и для данных на 13.02.2021) обладают такие факторы, как плотность населения, валовой региональный продукт на душу населения, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух и ожидаемая продолжительность жизни. Как и в случае с заболеваемостью, в спецификации модели применительно к смертности от коронавируса также наиболее значимы такие факторы, как плотность населения, валовой региональный продукт на душу населения, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух и ожидаемая продолжительность жизни.

Можно сделать вывод, что данные факторы в большей степени влияют как на заболеваемость коронавирусом, так и на смертность от

этой инфекции в российских регионах, при этом их влияние наблюдалось и в начале, и в конце периода наблюдения за развитием второй волны коронавируса в РФ. Такие факторы, как доля занятых с высшим образованием и явка на выборы, в большей степени влияют на заболеваемость коронавирусом, чем на смертность от него.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы выполнили оценки взаимосвязи ряда характеристик регионов с уровнями заражения коронавирусной инфекцией и смертности от нее. В исследование были включены факторы, влияние которых уже обосновано в зарубежных и отечественных работах, а также новые характеристики, касающиеся социального капитала регионов. Часть выделенных характеристик амбивалентно связана с распространением инфекции и тяжестью ее последствий для населения. Так, демографические характеристики региона, агломерационные эффекты и структура экономики в зависимости от конкретных условий могут действовать различным образом.

Уязвимость региона к коронавирусу значимо зависит от плотности населения, качества атмосферного воздуха, доли пожилых людей и, что неожиданно, от уровня образования населения.

Важным результатом считаем выявленное сильное и значимое влияние качества атмосферного воздуха на заражение и еще более сильное – на смертность.

Распространение заражения зависит от капитала здоровья: менееотягощенные болезнями люди в большей степени защищены от заражения и в меньшей степени распространяют инфекцию. Большая ожидаемая продолжительность жизни увеличивает число более пожилых людей, которые в наибольшей степени уязвимы по отношению к заболеванию.

Мы включили в рассмотрение несколько статистических характеристик капитала здоровья: общий уровень заболеваемости, ожидаемую продолжительность жизни и число больничных коек как характеристику доступности ресурсов системы здравоохранения. Подтвер-

дилось только предположение, что заболеваемость выше в регионах с более возрастным населением.

Ряд характеристик, которые мы использовали в расчетах, оказались незначимыми. Это показатели структуры экономики региона (доля сельского населения и число системообразующих предприятий), показатели, связанные с возможностями системы здравоохранения (обеспеченность местами в больницах) и здоровьем населения (заболеваемость), и присутствие в регионе города-миллионника.

Регионы с большей долей сельского населения характеризуются меньшей плотностью населения, меньшим числом контактов, но более возрастным населением и, как правило, меньшим доступом к ресурсам системы здравоохранения. Доля сельского населения в российских регионах оказалась незначимой, что отличается от данных по США, где вторая волна коронавируса особенно сильно проявилась именно в сельских регионах.

Системообразующие предприятия – это крупные предприятия с большой численностью занятых, которые не прекращали деятельность в условиях пандемии. Расчеты показали, что присутствие таких предприятий на территории региона не оказывает влияния на распространение коронавируса, что можно объяснить действием разнонаправленных факторов. С одной стороны, вероятность увеличения контактов и сокращения социального дистанцирования стимулирует распространение инфекции, но с другой стороны, многие крупные предприятия предприняли экстраординарные меры по повышению безопасности взаимодействий на рабочих местах (тестирование, средства защиты, дистанцирование и др.), что работает на сопротивление росту заражения.

Более высокий уровень образования населения положительно и значимо связан с заражением коронавирусом, что оказалось неожиданным результатом. Мы предполагаем, что возможны различные комбинации поведенческих, поселенческих и профессиональных характеристик, которыми можно объяснить такой результат. В частности, более образованная часть жителей концентрируется в крупных городах, где выше плотность населения и частота контактов. Эта часть жителей может быть в большей степени профессионально во-

влечена в сферы деятельности с высокой угрозой заражения – здравоохранение и образование. Кроме того, образованные люди могут быть более восприимчивы к поступающей информации о расширении тестирования и разработках протоколов лечения, что может снизить уровень страха и тревожности и повысить активность передвижений и контактов. В частности, такой вариант влияния увеличения количества проводимых тестов на соблюдение противоэпидемических ограничений представлен в работе [9].

ВЫВОДЫ

Высокая дифференциация российских регионов отразилась и на масштабах проникновения заражения коронавирусом. На основе анализа факторов уязвимости и факторов сопротивления регионов нам удалось продемонстрировать значимость нескольких региональных характеристик, связанных с распространением инфекции.

Факторами сопротивления заражению коронавирусом стали богатство региона и социальный капитал его населения. Жители более обеспеченных российских регионов меньше подвергаются заражению, наиболее уязвимы жители более бедных регионов, регионов с высокой плотностью населения, с худшим качеством окружающей среды и с более пожилым населением.

Важным результатом мы считаем выявление роли социального капитала в сопротивлении пандемии коронавируса. Социальный капитал имеет значение, что и проявилось в наших расчетах: с более высоким качеством социального капитала связаны более низкие уровни заражения и смертности.

Разработка методов профилактики и лечения, а также переход к массовой вакцинации способны обеспечить качественный прорыв в борьбе с пандемией коронавируса. Тем не менее основные характеристики регионов устойчивы, и их важно учитывать при обосновании мер региональной политики, чтобы потенциально замедлить распространение COVID-19 и контролировать распространение других инфекционных заболеваний в будущем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-010-00731 «Комплексный анализ гетерогенности регионов России и оценка ее воздействия на социально-экономическое развитие»)

Список источников

1. Всемирный банк. COVID-19 и человеческий капитал: Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии, осень 2020 года. – Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2020. – DOI: 10.1596/978-1-4648-1643-7.
2. Земцов С.П., Бабурин В.Л. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2020. – Т. 84, № 4. – С. 485–505. DOI: 10.31857/S2587556620040159B.
3. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснение новой экономической географии // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 132–150.
4. Косарев В., Павлов П., Каукин А. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика. – 2019. – № 5. – С. 124–149.
5. Полищук Л.И., Меняшев Р.Ш. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46–65.
6. Пономарев Ю., Радченко Д. Реальные границы агломераций и распространение коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2020. – № 9 (111). – С. 39–47.
7. Пузанов А.С., Алов И.Н. Распространение коронавирусной инфекции в мегаполисе: есть ли связь с параметрами плотности населения и состояния городской среды? 27.07.2020. – URL: http://www.urbaneeconomics.ru/sites/default/files/moskva_covid_slaydy_3_puzanov_alov.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
8. Accarino G., Lorenzetti S., Aloisio G. Assessing correlations between short-term exposure to atmospheric pollutants and COVID-19 spread in all Italian territorial areas // Environmental Pollution. – 2021. – Vol. 268. – P. 115714. DOI: 10.1016/j.envpol.2020.115714.
9. Acemoglu D., Makhdoumi A., Malekian A., Ozdaglar A. Testing, Voluntary Social Distancing and the Spread of an Infection / NBER Working Paper No. 27483. – 2020.
10. Azzolina D., Lorenzoni G., Silvestri L., Prosepe I., Berchialla P., Gregori D. Regional differences in mortality rates during the COVID-19 epidemic in Italy // Disaster Med Public Health Prep. – 2020. – Dec. 22. – P. 1–7. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/disaster-medicine-and-public-health-preparedness/article/regional-differences-in-mortality-rates-during-the-covid19-epide/AB38FAA500F7C916ED5D144AE2D70368> (дата обращения: 10.04.2021). DOI: 10.1017/dmp.2020.486.
11. Bailey D., Clark J., Colombelli A., Corradini C. et al. Regions in a time of pandemic // Regional Studies. – 2020. – Vol. 54, No. 9. – P. 1163–1174. – URL:

<https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1798611> (дата обращения: 12.01.2021). DOI: 10.1080/00343404.2020.1798611.

12. *Beccchetti L., Beccari G., Conzo G., Conzo P., De Santis D., Salustri F.* Air quality and COVID-19 adverse outcomes: Divergent views and experimental findings // *Environmental Research*. – 2021. – Vol. 193, No. 4.

13. *Grootaert G., Narayan D., Nyhan Jones V., Woolcock M.* Measuring Social Capital: An Integrated Questionnaire / *World Bank Working Paper No. 18*. – Washington, D.C.: World Bank, 2004. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/15033> (дата обращения: 01.04.2021).

14. *Hallas L., Hatibie A., Majumdar S., Pyarali M., Hale Th.* Variation in US states' responses to COVID-19 2.0 / *Blavatnik School of Government Working Paper*. – URL: www.bsg.ox.ac.uk/covidtracker (дата обращения: 10.04.2021).

15. *Kalabikhina I., Panin A.* Spatial choreography of the coronavirus // *Population and Economics*. – 2020. – No. 4 (2). – P. 123–152.

16. *Kapitsinis N.* The underlying factors of the COVID-19 spatially uneven spread: Initial evidence from regions in nine EU countries // *Regional Science Policy & Practice*. – 2020. – Vol. 12, Iss. 6. – P. 1027–1045. DOI: 10.1111/rsp3.12340.

17. *Maloney W., Taskin T.* Determinants of social distancing and economic activity during covid-19: A global view / *Policy Research Working Paper No. 9242*. – Washington, D.C.: World Bank Group, 2020.

18. *OECD* Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). The territorial impact of COVID-19: Managing the crisis across levels of government. Updated 10 November 2020. – URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-territorial-impact-of-covid-19-managing-the-crisis-across-levels-of-gavernment-d3e314e1/> (дата обращения: 10.04.2021).

19. *Perone G.* The determinants of COVID-19 case fatality rate in the Italian regions and provinces: an analysis of environmental, demographic, and healthcare factors // *Sci. Total Environ.* – 2021. – Vol. 755. – P. 142523.

20. *Woods M.* COVID-19, territorial inequalities and spatial justice – part one. 2020. – URL: <http://imagine-project.eu/2020/05/13/covid-19-territorial-inequalities-and-spatial-justice-part-one/> (дата обращения: 12.04.2021).

21. *Zemtsov, S.P., Baburin, V.L.* COVID-19: spatial dynamics and diffusion factors across Russian regions // *Reg. Res. Russ.* – 2020. – No. 10. – P. 273–290. – URL: <https://doi.org/10.1134/S2079970520030156> (дата обращения: 10.04.2021).

22. *Zemtsov S.P., Baburin V.L.* Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions // *Population and Economics, ARPHA Platform*. – 2020. – Vol. 4 (2). – P. 158–181.

Информация об авторах

Кравченко Наталия Александровна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом Института

экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: natakravchenko20@mail.ru.

Иванова Анастасия Игоревна (Россия, Новосибирск) – младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); ассистент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: a.ivanova2@g.nsu.ru.

DOI: 10.15372/REG20210204

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 78–99

N.A. Kravchenko, A.I. Ivanova

THE SPREAD OF CORONAVIRUS IN RUSSIA: REGIONAL PECULIARITIES

The spread of the COVID-19 pandemic is highly differentiated both among countries and areas within countries. This paper's main objective is to identify regional characteristics influencing the extent of coronavirus infection in the Russian Federation during the second wave of the pandemic. We employ econometric modeling methods to assess relations between regional characteristics that reflect vulnerability or resistance of a region to infection and the scale of coronavirus proliferation. Among the resistance factors were the wealth and social capital accumulated by the region's population. Residents in better-off Russian regions are less exposed to infection, while more impoverished regions, densely populated ones, regions with worse environmental issues, and the ones with older populations appear to be the most vulnerable. We show the role of social capital in pandemic resistance: superior quality social capital is associated with lower infection and mortality rates. The results may inform regional policy measures to reduce the spread of COVID-19 and other infections potentially.

Keywords: COVID-19 pandemic; regions of the Russian Federation; vulnerability and resistance factors; social capital

For citation: Kravchenko, N.A. & A.I. Ivanova. (2021). Rasprostranenie koronavirusa v Rossii: regionalnye osobennosti [The spread of coronavirus in Russia: regional peculiarities]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 78–99. DOI: 10.15372/REG20210204.

*The research is prepared within the framework of the project
No. 19-010-00731 “Complex analysis of Russian regions’ heterogeneity
and assessment of its impact on socio economic development” supported
by funding from the Russian Foundation for Basic Research*

References

1. World Bank. (2020). COVID-19 i chelovecheskiy kapital. Doklad ob ekonomike regiona Evropy i Tsentralnoy Azii, osen 2020 goda [COVID-19 and Human Capital Europe and Central Asia. Economic Update. Office of the Chief Economist. Fall 2020]. Washington, D.C., World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1643-7.
2. Zemtsov, S.P. & V.L. Baburin. (2020). COVID-19: prostranstvennaya dinamika i faktory rasprostraneniya po regionam Rossii [COVID-19: Spatial dynamics and diffusion factors across Russian regions]. Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography], Vol. 84, No. 4, 485–505. DOI: 10.31857/S2587556620040159B.
3. Kolomak, E. (2013). Neravnomernoe prostranstvennoe razvitiye v Rossii: obyasheniye novoy ekonomicheskoy geografii [Uneven spatial development in Russia: explanations of new economic geography]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 2, 132–150.
4. Kosarev, V., P. Pavlov & A. Kaukin. (2019). Sotsialnyy kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta rossiyskikh regionov [Social capital as a factor of economic growth in the regions of Russia]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], 5, 124–149.
5. Polishchuk, L.I. & R.Sh. Menyashchev. (2011). Ekonomicheskoye znachenie sotsialnogo kapitala [Economic significance of social capital]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 12, 46–65.
6. Ponomarev, Yu. & D. Radchenko. (2020). Realnye granitsy aglomeratsiy i rasprostraneniye koronavirusa [Real boundaries of agglomerations and the coronavirus spread]. Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial-

no-ekonomicheskogo razvitiya [Monitoring of the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-Economic Development], 9 (111), 39–47.

7. *Puzanov, A.S. & I.N. Alov.* (2020). Rasprostranenie koronavirusnoy infektsii v megapolise: est li svyaz s parametrami plotnosti naseleniya i sostoyaniya gorodskoy sredy? [The spread of coronavirus infection in a megacity: Is there any relation to population density and the state of urban environment?]. July 27, 2020. Available at: http://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/moskva_covid_slaydy_3_puzanov_alov.pdf (date of access: 03.04.2021).

8. *Accarino, G., S. Lorenzetti & G. Aloisio.* (2021). Assessing correlations between short-term exposure to atmospheric pollutants and COVID-19 spread in all Italian territorial areas. *Environmental Pollution*, 268, 115714. DOI: 10.1016/j.envpol.2020.115714.

9. *Acemoglu, D., A. Makhdoumi, A. Malekian & A. Ozdaglar.* (2020). Testing, Voluntary Social Distancing and the Spread of an Infection. NBER Working Paper No. 27483.

10. *Azzolina, D., G. Lorenzoni, L. Silvestri, I. Prosepe, P. Berchiolla & D. Gregori.* (2020). Regional differences in mortality rates during the COVID-19 epidemic in Italy. *Disaster Med Public Health Prep*, Dec 22, 1–7. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/disaster-medicine-and-public-health-preparedness/article/regional-differences-in-mortality-rates-during-the-covid19-epide/AB38FAA500F7C916ED5D144AE2D70368> (date of access: 10.04.2021). DOI: 10.1017/dmp.2020.486.

11. *Bailey, D., J. Clark, A. Colombelli, C. Corradini et al.* (2020). Regions in a time of pandemic. *Regional Studies*, Vol. 54, No. 9, 1163–1174. Available at: <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1798611> (date of access: 12.01.2021). DOI: 10.1080/00343404.2020.1798611.

12. *Becchetti, L., G. Beccari, G. Conzo, P. Conzo, D. De Santis & F. Salustri.* (2021). Air quality and COVID-19 adverse outcomes: Divergent views and experimental findings. *Environmental Research*, Vol. 193, No. 4.

13. *Grootaert, G., D. Narayan, V. Nyhan Jones & M. Woolcock.* (2004). Measuring Social Capital: An Integrated Questionnaire. World Bank Working Paper, No. 18. Washington, DC, World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/15033> (date of access: 01.04.2021).

14. *Hallas, L., A. Hatibie, S. Majumdar, M. Pyarali & Th. Hale.* (2021). Variation in US states' responses to COVID-19 2.0. Blavatnik School of Government Working Paper. Available at: www.bsg.ox.ac.uk/covidtracker (date of access: 10.04.2021).

15. *Kalabikhina, I. & A. Panin.* (2020). Spatial choreography of the coronavirus. *Population and Economics*, 4 (2), 123–152.

16. *Kapitsinis, N.* (2020). The underlying factors of the COVID-19 spatially uneven spread. Initial evidence from regions in nine EU countries. *Regional Science Policy & Practice*, Vol. 12, Iss. 6, 1027–1045. DOI: 10.1111/rsp3.12340.

17. *Maloney, W. & T. Taskin.* (2020). Determinants of social distancing and economic activity during covid-19: A global view. Policy Research Working Paper No. 9242. Washington, D.C., World Bank Group.

18. *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*. The territorial impact of COVID-19: Managing the crisis across levels of government. Updated 10 November 2020. Available at: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-territorial-impact-of-covid-19-managing-the-crisis-across-levels-of-government-d3e314e1/> (date of access: 10.04.2021).

19. *Perone, G.* (2021). The determinants of COVID-19 case fatality rate in the Italian regions and provinces: an analysis of environmental, demographic, and healthcare factors. *Sci. Total Environ*, 755, 142523.

20. *Woods, M.* (2020). COVID-19, territorial inequalities and spatial justice – part one. Available at: <http://imajine-project.eu/2020/05/13/covid-19-territorial-inequalities-and-spatial-justice-part-one/> (date of access: 12.04.2021).

21. *Zemtsov, S.P. & V.L. Baburin.* (2020). COVID-19: Spatial Dynamics and Diffusion Factors across Russian Regions. *Reg. Res. Russ*, 10, 273–290. Available at: <https://doi.org/10.1134/S2079970520030156> (date of access: 10.04.2021).

22. *Zemtsov, S.P. & V.L. Baburin.* (2020). Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions. *Population and Economics, ARPHA Platform*, 4 (2), 158–181.

Information about the authors

Kravchenko, Nataliya Aleksandrovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Professor at Novosibirsk State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: natakravchenko20@mail.ru.

Ivanova, Anastasiya Igorevna (Novosibirsk, Russia) – Junior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Assistance Lecturer at Novosibirsk State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: a.ivanova2@g.nsu.ru.

Поступила в редколлегию 18.04.2021.

После доработки 18.04.2021.

Принята к публикации 19.04.2021.

© Кравченко Н.А., Иванова А.И., 2021

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В редакцию поступила статья одного из лидеров отечественной регионалистики д.э.н., профессора В.Н. Лексина, посвященная проблемам депопуляции российского пространства. Несмотря на высокий научный авторитет автора и его членство в составе редколлегии журнала «Регион: экономика и социология», эта статья также прошла процедуру рецензирования. Рецензенты были едины в своем мнении: в статье исследуется очень важный аспект пространственного развития Российской Федерации – проблема депопуляции ее территорий, научный уровень и качество статьи не вызывают сомнений, но ее объем почти в два раза превышает норму, на которую мы ориентируемся в нашем журнале. При этом не было видно резервов для сокращения текста: исключение отдельных фрагментов статьи лишило ее цельности и последовательности.

В такой ситуации редакция сочла целесообразным пойти на эксперимент – публикацию объемных и знаковых статей в формате их представления в двух смежных номерах журнала. По просьбе редколлегии проф. В.Н. Лексин переформатировал исходную статью и сформировал на ее основе две статьи, взаимосвязанные по тематике и по логике изложения: «Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции», которую мы публикуем в данном номере журнала, и «Новое “отходничество” и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения новых территорий», которая будет опубликована в следующем номере.

Редакция с благодарностью примет оценку читателями журнала нашего издательского эксперимента.

В.Н. Лексин

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОПОСРЕДОВАННОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ

Процессы депопуляции страны, почти всех ее регионов и населенных пунктов аналогичны наблюдаемым практически во всех развитых странах и дополнительно активизированы в ходе тридцатилетней трансформации общественных отношений в самой России. Общие и частные основания депопуляции ментального, социального, экономического и политического характера представлены в трудах отечественных географов и демографов, социологов и экономистов, этнографов и политологов. Обобщая и дополняя их результаты, автор предлагает вербальную модель территориально опосредованных процессов депопуляции. Она характеризует логику протекания этих процессов в современной России и доминирование в них экономических факторов. В статье критически оценены способы статистического учета территориально опосредованной депопуляции. Показана неоднозначная роль межрегиональной и внутрирегиональной миграции в «опустынивании» территорий.

Ключевые слова: пространственно опосредованная депопуляция; межрегиональная миграция; внутрирегиональная миграция; «опустынивание» территорий

Для цитирования: Лексин В.Н. Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Озабоченность сокращением численности населения страны (депопуляцией) все чаще слышна в выступлениях российских политических деятелей и в СМИ, зафиксирована в государственных и регио-

нальных документах стратегического назначения, в национальных проектах и программах, периодически становится предметом научных дискуссий и т.д. Озабоченность эта обоснованна, и ее усиливают последние новости: естественная убыль населения (превышение числа умерших над числом родившихся) в России в 2020 г. выросла более чем в 2 раза – до 688,7 тыс. чел. по сравнению с 316,2 тыс. чел. в 2019 г., число родившихся в 2020 г. детей стало минимальным с 2002 г., и впервые за 15 лет общее число жителей России сократилось почти на 0,5 млн чел.¹ Неутешительны и перспективы: результаты прогнозов, выполненных по разным методикам и с использованием различной информации, сходятся в том, что при сохранении современных демографических тенденций Россия к середине столетия (т.е. через 30 лет) может потерять до 15 млн чел. [16; 33]. Любые свидетельства и последствия депопуляции в России продолжают вызывать как единодушно негативное, и часто эмоциональное, отношение к этим фактам, так и попытки их интерпретации с принципиально разных позиций. При этом нет разногласий по поводу того, что состояние и перспективы развития рассматриваемой ситуации во многом зависят от исключительно значимых и сущностно различных причин и следствий *территориально опосредованной депопуляции*, т.е. депопуляции в пространстве конкретных территорий: регионов, муниципальных образований, отдельных городов и сел.

В конце XX и начале XXI в. стало очевидным, что депопуляция в так называемых «развитых странах» есть результат накапливающихся изменений в отношении общества к деторождению и к все менее традиционным семейным ценностям вкупе с физиологическим ослаблением репродуктивного потенциала коренного населения [10–12; 14]. Не случайно в этих странах доминируют и оправдываются надежды на компенсаторные популяционные функции междоуниверситетской миграции. Бесспорным лидером по масштабам привлечения мигрантов и по их позитивному воздействию на демографическую ситуацию были и остаются США. В России депопуляция

¹ См.: Естественная убыль населения в 2020 году составила 688 тысяч человек. – URL: ria.ru/20210208/ubyl-1596552809.html ; Число родившихся детей в РФ в 2020 году стало минимальным с 2002 года. – URL: interfax.ru/russia/749946 .

в связи с естественной убылью населения пространственно неоднородна, и общественное мнение все более тревожит «опустынивание» конкретных территорий из-за перемещения их жителей в привлекательные для них места. В стране уповают на результативность политики экономического стимулирования деторождения и поддержания семейных ценностей, на программы здравоохранения, ориентированные на увеличение продолжительности жизни, и на «возвращение соотечественников» из постсоветских стран ближнего зарубежья.

Следует отметить, что трудовые мигранты из стран бывшего СССР сегодня становятся привычным компонентом нашей социально-экономической действительности, тяготея, так же как и отечественные межрегиональные и внутрирегиональные мигранты, преимущественно к крупным городам и агломерациям. Они становятся все более значимым трудовым ресурсом, и сокращение их численности рассматривается как проблема общегосударственного масштаба. Так, на декабрьском (2020 г.) заседании Государственного совета и Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам первый вице-премьер А.Р. Белоусов заявил, что строительная отрасль сейчас испытывает большой дефицит кадров, поскольку трудовые мигранты «отсечены из-за пандемии». Об этом же говорил глава Татарстана Р.Н. Минниханов, поднявший вопрос о «дефиците рабочей силы, который возник на стройках с введением противоэпидемиологических ограничений». В результате в Перечень поручений Президента РФ по итогам этого заседания 18 января 2021 г. был включен пункт 8д об «установлении упрощенного порядка привлечения работников, не являющихся гражданами Российской Федерации, в том числе из отдельных стран, входящих в СНГ, для выполнения строительно-монтажных работ, с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19»².

Предметом этой статьи является исключительно территориально опосредованная депопуляция, которая была и остается в центре науч-

² *Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам.* – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900>.

ных интересов российских географов и демографов, социологов и экономистов, этнографов и статистиков. Это А.Г. Вишневский, О.Б. Глезер, З.И. Калугина, Н.В. Мкртчян, Т.Г. Нефедова, Л.Л. Рыбаковский, В.В. Фаузер и многие другие исследователи, труды которых будут названы далее. В настоящей статье представлена попытка не соревнования с их выводами, а следования по намеченному ими пути с акцентированием тех немногих аспектов проблемы территориальной депопуляции, которые сегодня видятся автору наиболее дискуссионными. Это вопросы о том, что является «самым важным и самым главным» в проблеме территориально опосредованной российской депопуляции и в чем сходство феноменов «вымирающей деревни» и угасания городских поселений в разные периоды нашей истории. При этом здесь не будут рассматриваться общие причины и следствия депопуляции населения страны и ее регионов в связи с естественной убылью, поскольку это вопрос, требующий отдельного анализа.

СТАТИСТИКА И «САМОЕ ВАЖНОЕ, САМОЕ ГЛАВНОЕ» В ОБЛИКЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОПОСРЕДОВАННОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ

До недавнего времени статистика свидетельствовала о, казалось бы, относительно приемлемой ситуации. За 2015–2019 гг. в целом по Российской Федерации численность населения даже увеличилась на 1,4% и в течение 2019 г. оставалась стабильной. Да, смертность превышала рождаемость, но это в какой-то степени компенсировалось миграционным приростом. Однако, как отмечалось в начале статьи, 2020 г. внес серьезные коррективы, и их нельзя объяснить только эпидемиологическими факторами. На этом фоне особо значимыми становятся многолетние устойчивые явления территориально опосредованной депопуляции – постоянного уменьшения числа жителей на обширных территориях многих регионов и в тысячах населенных пунктов, традиционно принимаемого за показатель социально-экономического неблагополучия. Статистка отмечает эти явления в большинстве субъектов Российской Федерации, особенно в Республике Коми, Еврейской автономной области, Магаданской, Тамбовской,

Курганской, Орловской, Тверской, Архангельской, Пензенской, Ивановской, Новгородской и Псковской областях. По данным Росстата, за последние три года в 24 других субъектах РФ численность населения ежегодно снижалась более чем на 2%. В 2019 г. в 46 субъектах РФ миграционный отток превышал число прибывших из других регионов, а в девяти субъектах РФ (Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Северная Осетия – Алания, Забайкальский и Камчатский края, Еврейская автономная область, Архангельская, Магаданская и Омская области) он составлял более пяти человек на 1000 чел. населения.

Статистику часто порицают, и кто только не употреблял хлесткое выражение: «Есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика», – которое острословец Марк Твен в «Главах моей автобиографии» без каких-либо оснований приписал самому Дизраэли. Это такая же неправда, как и сказанное в «Двенадцати стульях» другими насмешниками: «Статистика знает все». Правда же в том, что только статистика обеспечивает, не прибегая к социологическим опросам (это два принципиально разных поля информации), объективное знание о происходящем в мире экономики, социальной жизни, экологии и демографии. Правда и в том, что статистика, на претендуя на «знание всего», постоянно обновляет методы и расширяет предмет своей деятельности (вспомним, например, об относительно молодом направлении статистических исследований – изучении инновационной деятельности).

Анализируя возможности отечественной статистики в создании массива достоверных сведений о процессах депопуляции на территориях нашего самого большого в мире государства, вряд ли следует напоминать, что они характеризуются преимущественно параметрами численности населения, основным источником информации о которых до сих пор остаются редко проводимые всероссийские переписи населения. Для оценки же численности населения в межпереписной период Росстат должен вести отдельные расчеты с использованием данных о родившихся, умерших, прибывших и выбывших, а также об изменении численности населения в результате постоянно идущих административно-территориальных преобразований. При этом

сведения о рождениях и смертях должны *ежедневно* поступать из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, а сведения по каждому мигранту собираются из анкетных форм федерального статистического наблюдения. Но если учет естественного движения населения отлажен достаточно хорошо, то все связанное с перемещением людей остается весьма проблематичным. Так, Росстат ежемесячно обрабатывает около 300 тыс. записей о прибывших на основе ведущегося работниками первичного миграционного и регистрационного учета на бумажных бланках, сведения из которых лишь затем вводятся в территориальных статорганах в электронную форму. Здесь неизбежны определенные погрешности, но по ряду причин переход на электронную передачу данных возможен только с января 2024 г.

Отмечу, что учет миграционных потоков в России исключительно важен уже потому, что по данным доклада Экономического и социального совета ООН о миграции в мире³, в 2019 г. на российской территории пребывало 12 млн мигрантов. Это четвертое место в мире; на первом месте находятся США (18% от общего числа мигрантов на планете), на втором и третьем – Германия и Саудовская Аравия, а вслед за Россией идет Великобритания. Напомню, что именно недоучет миграционных потоков стал причиной несоответствия результатов переписей населения 2002 и 2010 гг. и текущей оценки численности постоянного населения России (разница составляла соответственно 1,8 и 1,0 млн чел.)⁴. Поэтому начиная с 2011 г. статистический учет долгосрочной миграции был дополнен перечнем тех, кто зарегистрирован по месту пребывания на срок девять месяцев и более, а также лиц, снятых с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока регистрации. Однако на оценку пространственных параметров депопуляции, а именно на то, как изменяется численность населения в конкретных населенных пунктах, гораздо

³ См.: *Доклад о миграции в мире 2020*. Экономический и социальный совет ООН. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf.

⁴ Следующую всероссийскую перепись намечено провести в 2021 г. с быстрой публикацией ее результатов, причем неоднократно заявлялось, что следующая за ней уже будет принципиально иной, «цифровой», переписью.

большее влияние оказывают результаты внутрирегиональной и межрегиональной, долговременной и маятниковой трудовой миграции граждан России. К сожалению, сведения о внутрироссийской миграции существенно расходятся. По переписи 2010 г., в регионах, отличных от мест проживания, работало около 2,3 млн чел. (без выделения маятниковой миграции). Изучение ситуации по данным о маятниковой миграции на уровне населенных пунктов показало, что в этих процессах занято около 11% трудоспособного населения России, т.е. более 7 млн чел. [4], а в ряде публикаций предполагалось, что таких мигрантов намного больше [24; 25].

Локально опосредованная депопуляция все чаще становится предметом специальных исследований, и в качестве примера приведу лишь несколько из более чем сотни публикаций на эту тему в ведущих журналах России в последние 10 лет. Это прежде всего отличающиеся обстоятельностью и системным характером работы наших географов о мобильности населения России по данным Всероссийской переписи 2010 г. [4], о международных и внутренних аспектах российской трудовой миграции [26], о маятниковых миграциях в пространстве крупнейших агломераций [3; 23–25; 49], о связях миграции и рынка труда [42], об особенностях депопуляционных процессов в сельской местности [28–30] и др. Примером детальной проработки комплекса этих вопросов могут служить публикации последних лет по Сибири и Дальнему Востоку, в которых показаны особенности этих регионов в стратегии пространственного развития страны [36], специфика «вторых» и «третьих» городов в условиях демографического сжатия [44], рассмотрены миграционные потоки населения в регионах Сибири [34; 45; 46], проведено интересное сопоставление демографических прогнозов и статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока [43], причем все эти исследования подтверждают отмеченные выше типичные явления депопуляции на территории этих регионов.

Хотел бы обратить внимание на доклад, представленный на Гайдаровском форуме – 2020 известными учеными, давно и плодотворно изучающими явления «внутренней миграции» [27]. В этой компактной публикации на основе данных текущей статистики Росстата и его

обследований, данных переписи 2010 г., а также материалов полевых исследований авторов обобщены особенности внутренней межрегиональной миграции, связанной с переездом на новое место жительства и временной работой, с учетом специфики потоков такой миграции в ряде регионов, влияния миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в разных частях страны, особенностей миграции из малых и средних городов, а также из регионов Северного Кавказа. Немалый интерес представляют оценки авторов доклада о возможностях использования миграционного ресурса для преодоления неблагоприятных демографических тенденций в регионах. Авторы отмечают, что согласно переписи 2010 г., в «регионах, отличных от мест проживания» работало около 2,3 млн чел. и что «уровень межрегиональной миграции имеет в сегодняшней России достаточно стабильный характер»⁵.

Общая картина внутрирегиональных перемещений населения [6; 10–13] действительно весьма устойчива, и имеющаяся статистика, обработанные массивы соответствующих научных публикаций и публикаций в местных СМИ, а также результаты собственных исследований и наблюдений автора настоящей статьи позволяют выделить в этой картине «самое важное, самое главное» следующим образом.

1. Население России в течение более 30 лет по причинам преимущественно экономического характера и вследствие осознания бесперспективности достойного трудоустройства не месте проживания мигрирует в крупные города, их агломерации и центры экономической активности крупных корпораций. Это, несколько снижая общероссийский уровень бедности и безработицы, приводит к депопуляции в сельских поселениях, в малых и средних городах и становится еще одним фактором демографического кризиса и усиления территориальной дифференциации.

⁵ В докладе обращено внимание на сопоставимость параметров миграции в России с соответствующими показателями Германии и Японии (в США, Великобритании и Австралии эти параметры существенно выше) и на то, что масштабы этой миграции в России больше, чем во многих странах Южной и Восточной Европы, в связи с тем, что там население вовлечено в международную миграцию, прежде всего в рамках ЕС.

2. Фактически вся (более 95%) межрегиональная и внутрирегиональная миграция населения является трудовой. Она либо ориентирована на переезд и постоянное проживание в месте новой работы (обычно в крупном городе), либо, что чаще, является маятниковой («отходничество» или вахтовая деятельность) с той или иной периодичностью возвращения на место постоянного проживания. Это принципиально разные процессы, различающиеся по мотивациям и воздействию на социально-экономическую ситуацию в регионах и муниципальных образованиях. Важнейшим стимулом развития маятниковой миграции в постсоветской России стали высокие темпы автомобилизации населения и наличие межпоселенного железнодорожного и автобусного сообщения с крупными городами. При отсутствии местных трудовых ресурсов на удаленных от крупных городов территориях активной хозяйственной деятельности формируются так называемые вахтовые поселки корпоративного характера.

3. По своим масштабам трудовая маятниковая миграция сопоставима с переездами на постоянное место работы и жительства, а в трети регионов и существенно их превосходит. Доходы маятниковых мигрантов отчасти увеличивают потребительский спрос в местах их постоянного проживания (сельские населенные пункты, малые и средние города), тем самым стимулируя развитие ориентированной на местный спрос сервисной инфраструктуры и консервируя ситуацию предпочтительности заработка «на стороне».

4. При всех проблемах, касающихся приобретения мигрантами жилья в местах переезда, решение этих проблем из-за относительно лучшего соотношения доходов и стоимости жилья в крупных городах и агломерациях часто происходит раньше и надежнее, чем в местах прежнего жительства, где к тому же отсутствуют перспективы трудоустройства. Об этом свидетельствует и корреляция между масштабами миграционного притока и объемами жилищного строительства в крупных городах и агломерациях.

5. Почти все, кто хотел бы и смог участвовать в межрегиональной и внутрирегиональной миграции, уже это сделали, что заставляет считать весьма проблематичной реализацию надежд на любые варианты

«нового освоения» ныне пустующих или приходящих в запустение территорий с использованием механизмов «дальневосточный гектар», «сельский врач» и т.п., если только за этим не стоят интересы крупного бизнеса и, реже, энтузиазм одиночек и их семей.

Эта вербальная модель процесса формирования российской территориально опосредованной депопуляции отражает его логику и в типичных, и в, казалось бы, самых парадоксальных ее проявлениях. Так, опровергая расхожие представления о преимущественной депопуляции сибирских и дальневосточных регионов, приведу новейшие данные о ситуации в Республике Саха (Якутия), где, по оценке Росстата, на 1 января 2020 г. численность населения составила 972 тыс. чел., из которых доля городского – 66%, сельского – 34%. По сравнению с 2015 г. население республики увеличилось на 1,6% при росте его численности за тот же период в крупных городах на 2,9% и сокращении на сельских территориях на 0,9% (общая для России ситуация). Увеличение численности населения Якутии происходит благодаря сохраняющемуся естественному приросту, а также уменьшению миграционного оттока⁶. При том что во всей России снижается рождаемость, в республике число новорожденных продолжает возрастать: в 2010 г. родилось 3748 детей, а в 2018 г. – 4638 (рост – 27%). Сохраняются и всячески стимулируются традиции многодетности (трое и более детей), и доля многодетных семей одна из самых высоких на Дальнем Востоке⁷. Не забудем и то, что около 40 тыс. живущих в Якутии представителей коренных малочисленных народов Севера представляют наиболее устойчивую часть ее населения и по параметрам прироста численности, и по неучастию в межрегиональной миграции.

⁶ В конце 1990-х годов республику ежегодно покидали около 30 тыс. чел., а в последние три года – 3–4 тыс. чел.

⁷ Кроме установленных на федеральном уровне выплат материнского капитала в Якутии выделяется дополнительный материнский капитал в связи с рождением второго ребенка, а в 2018 г. принят закон «О статусе многодетной семьи в Республике Саха (Якутия)», поднявший возрастной предел статуса (и получения различных льгот) многодетной семьи с 18 лет старшего ребенка до 23 лет – возраста завершения обучения в вузе, начального периода работы и т.д.

Проще всего было бы объяснить устойчивость численности населения Якутии значительными масштабами поддержки социальных программ за счет федерального бюджета, однако эта поддержка связана лишь с практикой межбюджетных отношений и с узаконенными компенсациями экстремальных условий труда и быта. Более разумно будет указать на относительно благополучную экономическую ситуацию: в 2019 г. рост добычи угля и нефти в сравнении с предыдущим годом составил 15%, газоконденсата – 11%, золота – 21%, серебра – около 10%, а ВРП за год вырос на 3,5% (один из самых высоких показателей в стране). И это результат не только работы природо-ресурсных отраслей или введения в эксплуатацию магистрального газопровода «Сила Сибири». Почти на 7,5% выросли объемы выполненных собственными силами работ и услуг несырьевого сектора и даже производства якутской сельхозпродукции (в основном мяса и яиц).

Демографическая ситуация и миграционные настроения в Якутии еще раз подтверждают первостепенное значение для стабилизации позитивных тенденций в этой сфере простого условия: есть хорошая работа – нет смысла уезжать. Таково, в частности, положение и в Ямало-Ненецком автономном округе, регионе – многолетнем доноре федерального бюджета, традиционно именуемом лидером по объему ВРП на душу населения⁸. Природно-климатические условия на территории ЯНАО – крайне неблагоприятные для некоренного населения, но высокая (по меркам России) заработная плата в сочетании с социальными преференциями, предоставляемыми богатейшими российскими корпорациями, обеспечивают рост численности постоянного населения на территории округа: за 2015–2019 гг. она увеличилась почти на 2% за счет естественного прироста и сокращения почти в 10 раз миграционной убыли. При этом не столь важна структура занятости. Например, в городском поселении Харп в Приураль-

⁸ Последнее не совсем корректно, так как ВРП Ямало-Ненецкого АО создается не только собственным трудоспособным населением, но и огромной армией вахтовиков из многих регионов страны. В то же время отмечу, что этот показатель связан не только с добычей углеводородного сырья, за последние 5 лет увеличились объемы производства даже сельскохозяйственной продукции (с 2,1 до 2,7 млрд руб.).

ском районе того же ЯНАО уровень безработицы – один из минимальных в России, и пятидесятичное население за три года сократилось всего на 200 чел. Значительная часть работающего населения трудится на обслуживании уникальных «градообразующих» учреждений ФСИН (одно из них – «Северная сова» для пожизненно заключенных), а на железнодорожной станции⁹ постоянно идет погрузка прибывающего автотранспортом с близрасположенного рудника хромитового сырья. В поселке есть все необходимые объекты социальной инфраструктуры, а сам он выглядит вполне благоустроенным.

Следует заметить, что на параметры территориально опосредованной депопуляции существенно влияет и национально-этнический фактор. В нашей стране быстрее всего сокращается численность считающих себя русскими (за межпереписной период 1989–2010 гг. – на 7%), причем у них и наименьшая рождаемость. Этот процесс, ранее названный мной «национальным суицидом»¹⁰, проявляется и в том, что наиболее сокращается численность жителей в преимущественно русских сельских и городских поселениях. В одном из фундаментальных трудов Т.Г. Нефедова [29], сопоставляя сельскую жизнь в разных регионах и районах России, обратила внимание на то, что эта жизнь относительно благополучнее в сельских поселениях с нерусским населением. К сожалению, в многонациональных поселениях русские мало склонны перенимать ведущие к долгожительству навыки образа жизни своих нерусских соседей, и это давняя традиция. И.С. Аксаков с точностью этнографа описывает свои впечатления о проезде в январе 1844 г. через Сарепту, где «решили остановиться в гостинице, содержимой на счет братства (переселившихся в Россию «моравских братьев», или «гернгутеров». – *В.Л.*)... Какая чистота и предупредительность!.. Улицы чисты необыкновенно, перед каждым домиком ряд пирамидальных тополей; архитектура совершенно особенная. Видел я почтенных Сарептских мужей, с длинными не-

⁹ Здесь ежедневно останавливаются и пассажирские поезда Москва – Лабытнанги и Лабытнанги – Воркута. Харп расположен недалеко (54 и 40 км соответственно) от аэропорта Салехарда и от речного порта Лабытнанги.

¹⁰ См.: Лексин В.Н. Судьбы цивилизаций и русский вопрос: опыт системной диалектики – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 311–324.

мецкими трубками. Русские очень любят этих добрых Гернгутеров, уважают их, удивляются их искусству и терпению, но, однако *ничего не перенимают* (выделено мной. – В.Л.). Необыкновенно странное впечатление производит на вас эта немецкая добродушная республика в глуши России!» [1, с. 14]. Замечу, однако, что рождаемость у русских в современных многонациональных селах все же несколько выше, чем в преимущественно русских.

«ВЫМИРАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ» И «ОПУСТЫНИВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Этот фрагмент статьи может оказаться наиболее дискуссионным, поскольку процессы «вымирания» и «опустынивания» территорий (равно как и их предыдущего интенсивного заселения) представлены здесь как объективно обусловленные и безальтернативные следствия последовательных реконструкций общественно-политического и социально-экономического бытия нашего Отечества. Об этом 20 лет назад мы писали с А.Н. Швецовым в первом томе «Муниципальной России», а в последние годы я неоднократно дополнительно аргументировал эти представления в монографиях о причинах изменения рождаемости, о цивилизационных аспектах современной депопуляции и в ряде других публикаций.

Обсуждая ситуацию с «вымиранием деревни», следует помнить о том, что сами понятия «сельское население» и «сельские поселения» в настоящее время трактуются не так, как около полувека назад. Тогда в понятийном словаре социально-экономической географии исходя из постулата К. Маркса об отделении города от деревни вследствие отделения промышленного и торгового труда от труда земледельческого утверждалось, что «в сельском поселении главная сфера приложения труда – сельскохозяйственное производство» [2]. Но ведь уже в то время сельхозпроизводство все более становилось агропромышленным, а сейчас число занятых исключительно сельским хозяйством (даже с учетом его странного состава в Росстате) отнюдь не доминирует. Не поэтому ли федеральное законодательство тавтологически определяет сельское поселение как «один или несколько

объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов)»¹¹. Не более внятна и трактовка этого термина в государственной программе о развитии сельских территорий¹².

Исторически в России место проживания и место работы для обеспечения элементарных жизненных потребностей населения (длительный период преимущественно аграрной, затем своеобразно индустриализированной страны) долгое время совпадали. Отечественные сельские поселения формировались и в течение столетий сохранялись как точки концентрации занятых исключительно сельскохозяйственным трудом в крупных помещичьих хозяйствах и на земле связанных с ними крестьянских общин, а также на территориях земельных угодий «вольных хлебопашцев», однодворцев, казаков и нерусских народов, в Сибири и на Дальнем Востоке. Но в любом случае всех этих людей кормил сельскохозяйственный труд по месту их проживания, и он почти никогда не был достаточен для образования массового зажиточного слоя (бедность русской деревни – не выдумка беллетристов того времени). Первые же перемены в социальном статусе сельских жителей (предреформенный и особенно пореформенный периоды второй половины XIX в.) привели к временному (отходничество) или постоянному уходу части трудоспособного населения из сел и деревень, что в какой-то мере компенсировал лишь все еще высокий уровень рождаемости в этих поселениях [18].

В советский период идеологически мотивированное неприятие небольших единоличных хозяйств и ориентация на коллективные (колхозно-кооперативные) и государственные (совхозные) с созданием при них разветвленной сети машинно-тракторных станций и с раз-

¹¹ См.: *Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

¹² См.: *Постановление Правительства РФ* от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 17 октября 2019 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/.

витием сбытовой и потребительской кооперации законсервировали русскую деревню как поселение, жители которого были заняты в *одном крупном* хозяйстве (не считая, естественно, занятость в личном подсобном хозяйстве). Следует отметить, что одной из задач начатого в 1970-е и продолжавшегося в последующие годы укрупнения сети сельских поселений стало удержание в них сельских жителей (особенно молодежи), которые, обрета свободу передвижения, начали стремительно уезжать в поселения городского типа, где условия труда и жизни были значительно лучше деревенских. Однако анализ тенденций движения населения в Нечерноземной зоне России показал, что «большая часть жителей мелких сельских поселений мигрировала *за пределы* своих областей, минуя центральные усадьбы, т.е. наиболее крупные и благоустроенные села. Причем в десяти областях этой зоны уменьшилась численность населения даже в центрах хозяйств, а в шести областях величина прироста населения в центральных усадьбах колхозов и совхозов оказалась в 10 раз меньше, чем величина оттока сельского населения из области в целом. Так, из Владимирской области мигрировало в 29 раз больше сельских жителей, чем прибыло в центральные усадьбы, из Тульской области – в 23 раза, из Калининской – в 22, из Костромской – в 14, из Псковской – в 12, из Новгородской – в 10 раз и т.д.» [38, с. 104]. Замечу, что эта кампания, начатая очень активно, привела как к созданию крупных сел, так и к запустению десятков тысяч «неперспективных деревень», но завершена не была. И вряд ли нужно напоминать, что в тот период сельское хозяйство страны функционировало на всей ее территории в условиях централизованно-планового управления, а жесткие задания на производство сельхозпродукции часто не учитывали ни экономически оправданную его специализацию, ни природно-климатические условия. Достоверные свидетельства этого донесли до наших дней замечательные писатели Ф.А. Абрамов, В.И. Белов, Е.Я. Дорош, Б.А. Можаяев и В.В. Овечкин. Стоит отметить, что на сокращение числа и людности сельских поселений и даже на уменьшение площади обрабатываемых сельскохозяйственных земель Центральной России в 1950-х годах повлияло организованное государством «освоение целинных и залежных земель» – более урожайных и расположен-

ных, как правило, южнее. Анализ этих процессов и их движущих причин в XIX–XX вв. убедительно представлен в трудах наших географов [25; 31].

С переходом экономики России к конкурентно-рыночным отношениям и с открытием свободного доступа в страну относительно дешевой сельхозпродукции со всего мира в отечественном сельском хозяйстве первоначально изменилось все, кроме сети сельских поселений, но уже в итогах переписи 2002 г. впервые было названо число официально значившихся сельских населенных пунктов без единого постоянного жителя – 13 тыс. единиц, причем в ряде областей Центральной России (Костромская, Ярославская и др.) таких поселений было почти 20%. За 20 лет (к июню 2010 г.) с карты страны исчезло 23 тыс. населенных пунктов, из которых 20 тыс. – именно сельские поселения. К тому же в почти 20 тыс. (!) сельских поселений, все еще официально остающихся таковыми, постоянного населения уже не было, и их количество в период между переписями возросло почти на 50%. Убыль сельского населения стала намного больше убыли городского, поскольку в деревнях и селах кроме феноменально трудоемкого и практически нерыночного приусадебного хозяйства не осталось работы – она начала сосредоточиваться в немногих крупных агрохолдингах.

Причиной таких изменений на значительной части территории нашей страны чаще всего называют неконкурентность мелкотоварного производства сельхозпродукции в условиях его унаследованной материально-технической отсталости и прекращения существования колхозов и совхозов, при том что само сельское население Нечерноземной России нерасчетливо распорядилось земельными паями, не сумело объединиться в кооперативы или выстоять в фермерском статусе. Но есть и другая, не менее важная причина: уже в первом десятилетии XXI в. производительность сельскохозяйственного труда даже в крупных и средних хозяйствах России (как и ранее в СССР), за редким исключением, в несколько раз уступала производительности на землях их зарубежных конкурентов. Но если при сохранении сегодняшней производительности труда сельское хозяйство требует не более 10 млн чел. (рекорд трудозанятости 1970 г.), то элементарная

техническая модернизация может сократить эту величину вдвое. У сельского хозяйства России, если оно будет существовать как товарно-рыночное и конкурентоспособное, нет иного выбора, чем производить не только дешевле, но и меньшим числом работников. А это означает, что для половины ныне существующего сельского населения в перспективе нет иного выбора, чем уход из сельского хозяйства, а во многих случаях – и из сельских населенных пунктов, которые вблизи городов ощутимо становятся местами сезонного проживания горожан и местных «отходников».

Все вышесказанное – вывод не только из исследований автора этой статьи. О том же свидетельствуют замечательные труды по проблемам трансформации сельской жизни в последнее тридцатилетие. Таковы, например, как всегда великолепно аргументированное исследование А.Г. Вишневого и его коллег о демографии современного села [13], блестящее соединение статистики и социологии в монографиях и статьях новосибирских ученых [5; 19; 39], работы саратовского доктора философских наук В.Г. Виноградского и его соавторов [8; 9], книги и статьи авторитетных исследователей современной сельской жизни [20; 28–31], публикации о результатах таких исследований, проведенных в различных регионах страны [17; 34–36; 43; 45; 46]. В этих работах (а перечислена лишь малая часть известных автору отечественных публикаций на темы русского села) уже расставлены точки над «і» в генезисе проблематики современной сельской действительности, и неразумно не учитывать это в рассуждениях о «вымирании» русской деревни.

Обращу внимание на то, что «вымиравшая деревня» – словосочетание, не сегодня предложенное, ему более ста лет. В начале прошлого века оно стало названием дважды изданной книги А.И. Шингарева [48]¹³. Эта книга, которая есть иллюстрация к сомнительному благополучию «России, которую мы потеряли», – сплав дотошной

¹³ А.И. Шингарев – выпускник Московского университета, земский врач и крупный общественный деятель, депутат второй, третьей и четвертой Государственной думы и Учредительного собрания, соавтор аграрной программы кадетов, министр первого и второго состава Временного правительства. Зверски убит в начале 1918 г.

земской статистики и личных наблюдений А.И. Шингарева за «санитарно-экономическим» состоянием двух деревень, расположенных недалеко от Воронежа, – Новоживотинного (в начале прошлого века – Ново-Животинное) и Моховатки. Автор книги достойно решил поставленную Воронежским (уездным) санитарным советом задачу¹⁴ – определить «причины высокой смертности и малого прироста населения прихода села Н.-Животинного» и назвал эти причины: «низкий культурный уровень населения и его ужасающая материальная необеспеченность и безземелье стоят в непосредственной зависимости от социальных ошибок прошлого времени и от общих современных условий русской жизни» [48, с. 7–8]. Первопричиной «вымирания деревни» было вопиющее безземелье, поскольку крестьяне после «великой реформы» получили даровой, так называемый «нищенский», надел, со всех сторон окруженный помещичьими землями. А.И. Шингарев приводит данные о том, что «на 395 ревизских душ в обоих селениях в общее пользование выделялось 320 десятин (около 350 га. – В.Л.) худшей земли. Бедняцкие хозяйства – свыше половины дворов – не могли вносить ежегодные подати даже по 3–4 рубля, и брать у них фактически было нечего. Четверть населения круглый год вынуждена была покупать хлеб. Малоземелье принуждало к аренде земли... Примерно одна треть хозяйств не имела средств для аренды и либо должны были вовсе покинуть свои дома и искать обеспечивающего существование стороннего заработка, либо помереть с голоду» [48, с. 141–142].

Почти половина взрослых уходила на промыслы. А.И. Шингарев пишет: «Работали каменоломами, плотниками, каменщиками, печниками, сапожниками и др. Особенно тяжелым был труд в каменоломнях – самый распространенный местный промысел. При этом вознаграждение не превышало 10–30 копеек в день. Был и такой “божий промысел”, как “питомничество”. Крестьянские семьи брали из приюта губернского земства на воспитание грудных детей в возрасте от двух недель до четырех месяцев. За воспитание ребенка-подкидыша

¹⁴ Эта работа и была представлена вначале как доклад Воронежскому уездному санитарному совету и Воронежскому отделу Русского общества охранения народного здоровья.

земство платило крестьянке 20 рублей в год. Очень часто этот “промысел” превращался в своеобразный конвейер смерти. Иные семьи одного похоронят, едут в приют за другим... Таким “промыслом” в селе Ново-Животинном в 1884 г. занималось 12 процентов семей, в 1901-м – 33 процента. Тем не менее все промыслы вместе взятые не давали сельчанам обеспеченного существования» [48, с. 181].

И на этом фоне¹⁵ А.И. Шингарев снова подчеркивает резкий контраст между «блестящим финансовым состоянием Русской империи и прогрессирующим разорением крестьянских масс бесправных и обездоленных» [48, с. 197]. Но беды Новоживотинного сопровождали его еще 40 лет – чудовищный пожар в предреволюционные годы и фактическое уничтожение всех построек в ходе боев во время Великой Отечественной войны. И тем более удивительным может показаться тот факт, что в наши дни это сельское поселение не только насчитывает свыше 3,2 тыс. постоянных жителей (по переписи 2010 г. было 2,6 тыс. чел.), но и является одним из трех в Воронежской области, где численность населения выросла даже в последний год. И никаких чудес в этом нет. Сразу же после революции была ликвидирована главная причина «вымирания» – безземелье: крестьяне получили 2860 га конфискованной более плодородной помещичьей земли, а сегодня территория поселения превышает 8,5 тыс. га. В советское

¹⁵ Еще одна иллюстрация: «Жилые строения тесно прижимались друг к другу. Большая часть усадеб не превышала 6–7 сажень... половину этого пространства занимала изба, а остальное – тесный двор. Зимой в избе помимо людей находились куры и даже коровы, овцы, поросята, которые отправляли естественные надобности тут же. Кровати имелись только у двух хозяев. Стекла в окнах редкость... Отхожие места имелись только в восьми дворах. Клещи встречались в зажиточных семьях, где имелись подушки, одеяла. Тараканы, вши и блохи имелись во всех без исключения избах... Примерно треть взрослого мужского населения едва знает грамоту, а среди женщин – в десять раз меньше. Среди мальчиков посещают школу около половины, а девочек, по мнению крестьян, отдавать “в науку” вообще незачем. Основная причина – необходимость отдавать детей в наем, недостаток одежды и обуви, невозможность купить хоть какие-то учебные пособия. Плохое питание, низкий санитарный уровень – естественные причины высокой заболеваемости жителей и особенно детей. Корь, скарлатина, дизентерия, тиф, туберкулез, сифилис – вот “стандартный набор” наиболее распространенных заболеваний» [48, с. 151–152].

время село не было обделено ни агротехникой, ни образованием, ни медициной, причем сельхозпроизводство обеспечивало высокую прибыль. Сегодня в селе действуют благоустроенные детский сад, больница, школа, отделение связи, филиал Сбербанка и даже собственная АТС. Жители заняты сельским хозяйством, оптовой и розничной торговлей, обслуживают многочисленные объекты социальной инфраструктуры, работают в 10 успешных ООО и ЗАО, расположенных на территории поселения. Есть условия и для работы «на стороне»: село расположено рядом с автодорогой Москва – Воронеж в 27 км от областного центра и в 17 км – от районного¹⁶. Но не забудем, что это черноземная Воронежская область и что там есть хорошая работа.

Сельская Россия, сформированная веками и последними десятилетиями, *обречена на перемены* – и количественные, и качественные. Сельский уклад жизни и облик сельских поселений, порожденные огромным внутренним рынком далекого прошлого, крупным коллективным (общинным, колхозным, совхозным) сельским хозяйством, навыками жизни и привычностью к инфраструктурно не обустроенной среде, малыми потребностями и уравнительной бедностью населения, подталкиваются к коренной трансформации явлениями последовательного разрушения прежнего хозяйственного, бытового и социально-мотивационного фундамента. Коренные изменения в жизни российского села еще только начинаются, и все они будут связаны со становлением новой товарно-рыночной среды в российском сельскохозяйственном секторе и с началом серьезного социального расслоения в селе, с реально прогнозируемыми изменениями в системе сельского расселения.

За последние 20 лет создания практически всех предпосылок для рыночного капитализма сельская Россия продемонстрировала весь мыслимый и немыслимый потенциал выживания. Сельские жители были наиболее подготовлены к любым тяготам жизни, они в отличие

¹⁶ Поразительный контраст с некогда описанным А.И. Шингаревым жилищем (объявление 2020 г.): «Продаю часть дома в д. Моховатка на участке 15 соток. В доме газ, свет, вода без перебоев даже в летний период (во дворе есть новая скважина с насосом), санузел, ванна, отопление и горячая вода через котел Аристон, стоят счетчики на все. Wi Fi».

от многих горожан имели к тому же не только навыки выживания в любой ситуации, но и собственное производство самого необходимого. Этот потенциал отнюдь не исчерпан, но он бесполезен (а в мотивационном отношении и вреден) для фазы коренных преобразований сельскохозяйственной и иной экономической базы сельских поселений. Теперь требуется иная энергия, которая не может быть ни аккумулирована, ни проявлена в прежнем хозяйственно-бытовом облике и в прежней расселенческой форме сельской России. Перемены неизбежны, но пока что сельская Россия к ним не готова ни в материальном, ни в социальном отношении.

Территорией тотальной депопуляции в постперестроечной России с десятками «вымирающих» или уже «вымерших» поселений и одновременно местом приложения труда сотен тысяч вахтовиков стала Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), протянувшаяся от северной Карелии до Чукотки. Это еще один удивительный пример парадоксального и в то же время логичного явления, суть которого концептуально изложена в начале статьи. Для мировой Арктики вообще характерна неустойчивость численности постоянного населения, что связано прежде всего с естественным истощением конкретных природных ресурсов или уменьшением потребности в конкретных инфраструктурных объектах (в том числе оборонного характера), требующих присутствия именно такого населения. С другой стороны, и рост численности такого населения часто зависит от недолговременных экономических, внешнеполитических и иных ситуаций. Так, уменьшение в начале XX в. численности населения в арктической зоне Северной Америки на 40% вызвал спад клондайкской «золотой лихорадки». Установлено [37], что доля Арктики в мировом населении достигала пика в 1950-е годы, после чего сократилась почти вдвое, численность населения мировой Арктики выросла с 1,3 млн чел. в 1900 г. до 6,1 млн в 1989 г., а затем к 2019 г. снизилась до 5,4 млн чел. Комплекс политических, экономических и социальных причин, связанных с фундаментальными переменами в постсоветской России, привел к убыли постоянного населения Российской Арктики за тридцатилетие этих перемен (1989–2019 гг.) на 1046 тыс. чел., или почти на 30% [22].

Чаще всего, характеризуя депопуляцию в АЗРФ, упоминают ситуацию на Чукотке, где в первое двадцатилетие после переписи 1989 г. общая численность населения сократилась втрое (при росте численности коренных малочисленных народов на 5%) и затем стабилизировалась до настоящего времени на уровне около 50 тыс. чел. В одном из исследований¹⁷ эта ситуация была показана на примере стремительно потерявших часть населения городских поселений Певек и Диксон (бывшей «столицы Арктики»), а также ныне фактически не существующих чукотских поселков Иультин, Бараниха, Апапельгино (здесь оказался ненужным в условиях рынка градообразующий аэропорт), Валькумей, Гудым (бывшая военная база) и Полярный. Но это проблема не только Чукотки.

Характерный пример возникновения, роста и в наши дни угасания поселения в западной части Российской Арктики – пос. Амдерма¹⁸, поразивший при первом (в начале 1980-х годов) знакомстве многолюдностью и кипучей жизнью. Возникшая в начале 1930-х годов около центра добычи ценнейшего флюорита, ставшая поселком городского типа, а затем и районным центром огромной территории, Амдерма и после сокращения добычи флюорита (1950-е годы) не потеряла значения «ворот Арктики»: там был сооружен многопрофильный аэродром с современной взлетно-посадочной полосой, были построены капитальные многоэтажные дома для военных и работников социальной сферы, морского торгового порта, геолого-разведочной экспедиции, мерзлотной станции, гидрометцентра. Аэровокзал принимал регулярные рейсы из Москвы и был местом пересадки на рейсы в Диксон и Тикси. Численность постоянного населения в тот период достигала 7–8 тыс. чел., по переписи 1989 г. в поселке проживало 5,1 тыс. чел. В настоящее время население Амдермы составляет 530 чел., т.е. сократилось почти в 10 (!) раз. Причины тоже типичны:

¹⁷ См.: Лексин В.Н. Социально-экономические проблемы Арктики: между прошлым и будущим // Российский экономический журнал. – 2018. – № 5. – С. 3–25.

¹⁸ Поселок Амдерма расположен на Югорском полуострове Карского моря к востоку от пролива Югорский Шар. Расстояние до окружного центра (Нарьян-Мар) составляет 420 км, до железнодорожной станции (Воркута) – 270 км.

в начале 1990-х годов военные перебазировались в Котлас (с тех пор многоэтажки пустуют), затем последовательно закрылись мерзлотная станция, нефтегазоразведочная экспедиция, стройуправление и даже местный гидрометцентр. Некоторые надежды на возвращение населения в этот некогда благоустроенный поселок возлагаются лишь на реконструкцию аэропорта пос. Амдерма, предусмотренную в Указе Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Вопросы обезлюдения наших арктических территорий часто обсуждаются в контексте общероссийской проблемы непрекращающейся депопуляции страны, но в Российской Арктике в связи и с уникальностью ее освоения «по-советски», и с особенностями современного этапа переосвоения «советского наследия», с появлением новейших объектов экономики, транспортной инфраструктуры и объектов оборонного назначения они требуют системного осмысления, адекватного арктическим реалиям. Отечественные исследователи делают в этом отношении немало, изучая общие параметры демографических и миграционных процессов в Арктике [15], факторы арктической миграции [47], ее интенсивность, направления и результаты [21; 40], арктические рынки труда [32], их типологию по видам деятельности [41] и даже теоретические и практические аспекты создания самодостаточных арктических поселений [7]. Только за последние пять лет стали известны десятки публикаций о проблемах *постоянного* арктического населения, и одно это более настойчиво заставляет ответить на главный вопрос о той его численности, которая будет *адекватна реальным потребностям* в работниках во всех сферах занятости (от буровиков до научных сотрудников и чумработниц¹⁹). От научно обоснованного ответа на этот вопрос зависит правильность

¹⁹ Тем, кто давно не был в Российской Арктике, напомним, что эта, без преувеличения, одна из самых ответственных и трудоемких профессий (обустройство и содержание временных жилищ кочующих оленеводов, забота о детях и муже-оленьеведе) в 2018 г. внесена в официальный реестр профессий России со статусом оленевода 3-го разряда, заработной платой около 15 тыс. руб. и предоставлением стандартного социального пакета.

всех принимаемых стратегий и программ развития Арктики и каждого ее населенного пункта. Пока же на этот вопрос здравомысленно отвечают лишь создатели вахтовых поселков: сколько потребуется работников, такова и будет численность населения поселка.

Было бы наивным полагать, что резкое сокращение численности населения в отдельных городах и поселках и даже прекращение их деятельности («города-призраки» и «заброшенные деревни») по причинам экономической не востребованности или изменения роли в сложившейся системе расселения – явление, свойственное только бывшим советским городам и поселкам. Будем реалистами: существование вполне благоустроенных населенных пунктов во всем мире рано или поздно прекращается, если они создавались исключительно для обслуживания предприятий, эксплуатирующих невозполняемые природные ресурсы. Еще во время моей советской институтской молодости учили: закрылся рудник – закрылся поселок. Впрочем, это в меньшей степени относилось и к поселкам лесозаготовителей. Социально-экономическая ситуация во многих небольших арктических населенных пунктах, созданных в советское время для обеспечения общегосударственных нужд и утративших значительную часть своего потенциала и своего населения с началом либерально-рыночных реформ, может показаться похожей на ту, с которой столкнулись сотни так называемых моногородов Центральной России, Сибири и Дальнего Востока. Но в действительности это принципиально различные явления. Часть населения таких моногородов все же может изменить профиль деятельности (на новых предприятиях, в сервисной экономике и т.п.) или использовать механизмы маятниковой миграции для работы в близлежащих многопрофильных городах. Арктические же поселения типа вышеописанных потеряли не градообразующую, а смыслообразующую основу своего функционирования. Это формирует особую социально-экономическую ситуацию со собственными только ей проблемами всего населения и каждого человека в отдельности.

* * *

В статье представлена попытка осмысления феномена территориально опосредованной депопуляции как системного результата общего демографического кризиса, точечного и неравномерного распределения экономической деятельности, резкого дисбаланса мест приложения труда и проживания трудоспособного населения, расширения возможностей пространственной мобильности, несоответствия унаследованной системы расселения и ее экономических оснований. При этом парадоксальным образом хозяйственная жизнь страны сегодня зависит не от результатов депопуляции, а лишь в какой-то степени от профессиональных качеств трудовых ресурсов. В большинстве же населенных пунктов не «работать некому», а «работы нет», и при возникновении или сохранении возможностей трудоустройства там, где есть относительно неплохо оплачиваемые рабочие места, это немедленно становится стимулом перетока необходимой рабочей силы. Исследование и регулирование территориально опосредованной депопуляции требуют объективной информации об этих процессах на уровне городских и сельских поселений любой людности, и это определяет необходимость принципиального изменения практики статистических работ в регионах и муниципальных образованиях.

Список источников

1. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. – М.: Наука, 1988. – 704 с.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
3. Антонов Е.В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. – 2020. – № 2. – С. 88–100.
4. Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 г. // Вестник МГУ. Сер. географическая. – 2016. – № 2. – С. 54–63.
5. Артемов В.А., Новохацкая О.В. Сельская повседневность в 1970–2000 годы: данные к анализу // Экономическое развитие России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – С. 205–233.

6. Бесков С.К., Глезер О.Б., Гунько М.С., Медведев А.А., Савиных В.П. Методика анализа пространственно-временной динамики обитаемости территорий на примере Центральной России // Известия высших учебных заведений. Сер.: Геодезия и аэрофотосъемка. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 96–105.

7. Бурый О.В., Дмитриева Т.Е. Теоретические и практические вопросы создания самодостаточных арктических поселений // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2015. – № 3. – С. 141–148.

8. Виноградский В.Г. Орудия слабых: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. – Саратов: Изд-во Сарат. ин-та РГТЭУ, 2009. – 292 с.

9. Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П. Крестьянские жизненные практики. 1991–2012. – Саратов: Изд-во Сарат. ин-та РГТЭУ, 2013. – 167 с.

10. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 367 с.

11. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 2: Экономическая демография. Анализ демографических процессов. – М.: Наука, 2005. – 383 с.

12. Вишневский А.Г. Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России: социология, этнология. – 2012. – № 3. – С. 3–40.

13. Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л., Щербакова Е.М. Российское село в демографическом измерении // Мир России. – 2007. – № 1. – С. 17–58.

14. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 48–70.

15. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / Отв. ред. В.В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 158 с.

16. Демографическое развитие России в XXI веке / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. – М.: Мин-во здравоохранения и социального развития РФ; ИСПИ РАН, 2009. – 339 с.

17. Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2008. – 199 с.

18. Казьмин М.А. Земельные реформы в России XIX–XX вв.: Уроки пройденного пути. – М.: URSS, 2015. – 240 с.

19. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 338 с.

20. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М.: ИФ РАН, 2000. – 207 с.

21. Коровкин А.Г., Сеница А.Л. Оценка интенсивности и направлений движения населения в регионах российской Арктики в 1991–2015 годах // Научные

труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2019. – Т. 17. – С. 323–340.

22. *Лыткина Т.С., Смирнов А.В.* Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 3. – С. 27–47.

23. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* Сезонная пульсация населения Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 117–125.

24. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н.* Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. – 2016. – № 3 (53). – С. 71–82.

25. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. – 2012. – № 6 (57). – С. 20–33.

26. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 1 (37). – С. 186–193.

27. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И.* Внутренняя миграция как ресурс развития России: Социально-экономические эффекты, издержки и ограничения. (Доклад для Гайдаровского форума – 2020). – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 76 с.

28. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.

29. *Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2015. – № 3. – С. 41–56.

30. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.

31. *Нефедова Т.Г., Глезер О.Б.* Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – С. 214–251.

32. *Ржаницына Л., Кравченко Е.* Современный рынок труда в Арктической зоне Российской Федерации // Федерализм. – 2020. – Т. 25, № 3 (99). – С. 39–51.

33. *Рыбаковский Л.Л.* Демографические вызовы: что ожидает Россию? // СОЦИС. – 2012. – № 8. – С. 49–60.

34. *Самаруха В.И., Краснова Т.Г., Плотникова Т.Н.* Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия Байкальского госуниверситета. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 56–62.

35. *Селезнёв И.А., Микрюков Н.Ю., Мирзоев Т.Р.* Социологический анализ проблем пространственного развития (на примере регионов Западной и Восточной Сибири) // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2020. – № 6. – С. 5–23.

36. *Селиверстов В.Е.* Сибирь в стратегии пространственного развития России // Вопросы новой экономики. – 2017. – № 3 (43). – С. 27–37.
37. *Смирнов А.В.* Население мировой Арктики: динамика, численность и центры расселения // Арктика и Север. – 2020. – № 40. – С. 270–290.
38. *Стронгина М.Л.* Проблемы совершенствования сельского расселения // Региональные проблемы расселения. – М.: СОПС, 1984. – С. 103–105.
39. *Фадеева О.П.* Социальный капитал сибирского села // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 511–533.
40. *Фаузер В.В., Смирнов А.В.* Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 4 (40). – С. 4–18.
41. *Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. – 2019. – № 2 (34). – С. 4–17.
42. *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с.
43. *Фомин М.В.* Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 3. – С. 15–29.
44. *Фомин М.В., Безвербный В.А.* Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – № 6. – С. 33–53.
45. *Шворина К.В., Фалейчик Л.М.* Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 2. – С. 485–501.
46. *Шевцова Е.В.* Тенденции миграции населения и миграционной политики в Новосибирской области // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 20. – С. 91–101.
47. *Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В.* Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 396–418.
48. *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. – 2-е изд. – СПб.: Общественная польза, 1907. – 223 с.
49. *Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А.* Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскowie (на примере г. Дубны) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 112–122.

Информация об авторе

Лексин Владимир Николаевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (117312, Москва, просп. 60-летия Октября, 9). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20210205

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 101–134

V.N. Leksin

SYSTEMIC CAUSES AND CONSEQUENCES OF SPATIALLY MEDIATED DEPOPULATION

The processes of depopulation of the country, almost all its regions, and localities are similar to those observed in almost all developed countries. They are further intensified during the thirty-year transformation of public relations in Russia itself. This article presents general and specific reasons for the depopulation of mental, social, economic, and political nature in the works of Russian geographers and demographers, sociologists and economists, ethnographers and political scientists. Summarizing and supplementing their results, we propose a verbal model of spatially mediated depopulation processes. It characterizes their logic and the dominance of economic factors regarding their progress in modern Russia. We critically evaluate the statistical accounting methods for geographically mediated depopulation and an ambiguous role of interregional and intraregional migration in the “desertification” of territories.

Keywords: spatially mediated depopulation; interregional migration; intraregional migration; “desertification” of territories

For citation: Leksin, V.N. (2021). Sistemnye osnovaniya i posledstviya territorialno oposredovannoy depolyatsii [Systemic causes and consequences of spatially mediated depopulation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205.

References

1. *Aksakov, I.S.* (1988). *Pisma k rodnym. 1844–1849* [Letters to Relatives. 1844–1849]. Moscow, Nauka (Literaturnye pamyatniki) Publ., 704.
2. *Alaev, E.B.* (1983). *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya. Ponyatiyno-terminologicheskii slovar* [Social and Economic Geography. Conceptual and Terminological Dictionary]. Moscow, Mysl Publ., 350.
3. *Antonov, E.V.* (2020). *Rynki truda gorodskikh aglomeratsiy v Rossii* [Labor markets of urban agglomerations in Russia]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 2, 88–100.
4. *Antonov, E.V.* (2016). *Trudovaya mobilnost naseleniya Rossii po dannym Vserossiyskoy perepisi 2010 g.* [Labor mobility of the population in Russia (according to the 2010 all-Russian census data)] *Vestn. MGU. Ser. Geograficheskaya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 2, 54–63.
5. *Artemov, V.A. & O.V. Novokhatskaya.* (2006). *Selskaya povsednevnost v 1970–2000 gody: dannye k analizu* [Rural everyday life in 1970–2000: data for analysis]. In: *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering RAS Publ., 205–233.
6. *Beskov, S.K., O.B. Glezer, M.S. Gunko, A.A. Medvedev & V.P. Savinykh.* (2018). *Metodika analiza prostranstvenno-vremennoy dinamiki obitaemosti territoriy na primere Tsentralnoy Rossii* [Methodology of analysis of spatial-temporal dynamics of the territories habitability: a case study of Central Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser.: Geodeziya i aerofotosyemka* [Series: Geodesy and Aerophotography], Vol. 62, No. 1, 96–105.
7. *Buriy, O.V. & T.E. Dmitrieva.* (2015). *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy sozdaniya samodostatochnykh arkticheskikh poseleniy* [The theoretical and practical problems of creating self-sufficient Arctic settlements]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 3, 141–148.
8. *Vinogradsky, V.G.* (2009). *Orudiya slabykh: tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* [Weapons of the Weak: Technology and Social Logic of Everyday Peasant Existence]. Saratov, Saratov Institute of the Russian State University of Trade and Economics Publ., 292.
9. *Vinogradsky, V.G., O.Ya. Vinogradskaya, A.M. Nikulin & O.P. Fadeeva.* (2013). *Krestyanskie zhiznennye praktiki. 1991–2012* [Peasant Life Practices. 1991–2012]. Saratov, Saratov Institute of the Russian State University of Trade and Economics Publ., 167.
10. *Vishnevskiy, A.G.* (2005). *Izbrannye demograficheskie trudy: v 2 t.* [Selected Demographic Works: in 2 volumes]. T. 1: *Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya* [Vol. 1: Demographic Theory and Demographic History]. Moscow, Nauka Publ., 367.
11. *Vishnevskiy, A.G.* (2005). *Izbrannye demograficheskie trudy: v 2 t.* [Selected Demographic Works: in 2 volumes]. T. 2: *Ekonomicheskaya demografiya. Analiz demo-*

graficheskikh protsessov [Vol. 2: Economic Demography. The Analysis of Demography Processes]. Moscow, Nauka Publ., 383.

12. *Vishnevskiy, A.G.* (2012). Rossiya: demograficheskie itogi dvukh desyatiletii [Russia: demographic results of the two post-Soviet decades]. Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 3, 3–40.

13. *Vishnevskiy, A.G., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova & E.M. Shcherbakova.* (2007). Rossiyskoe selo v demograficheskom izmerenii [Rural Russia in a demographical study]. Mir Rossii [Universe of Russia], 1, 17–58.

14. *Vishnevskiy, A.G. & E.M. Shcherbakova.* (2018). Demograficheskie tormoza ekonomiki [Demographic brakes on the economy]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 6, 48–70.

15. *Fauzer, V.V.* (Ed.). (2016). Demograficheskie i migratsionnye protsessy na Rossiyskom Severe: 1980–2000 gg. [The demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 158.

16. *Osipov, G.V. & L.L. Rybakovsky.* (Eds.). (2009). Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI veke [The Demographic Development of Russia in the XXI Century]. Moscow, Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation Publ., Institute of Socio-Political Research RAS Publ., 339.

17. *Ziyatdinova, F.G. & E.I. Kuchaeva.* (2008). Rossiyskoe selo v rynochnykh usloviyakh [Russian Rural Areas under Market Conditions]. Moscow, Unity-Dana: Zakon i parvo Publ., 199.

18. *Kazmin, M.A.* (2015). Zemelnye reformy v Rossii XIX–XX vv.: Uroki proyennogo puti [Land Reform in Russia (XIX–XX Centuries.): Lessons Passed Way]. Moscow, URSS Publ., 240.

19. *Kalugina, Z.I. & O.P. Fadeeva.* (2009). Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskije zarisovki [Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 338.

20. *Koznova, I.E.* (2000). XX vek v sotsialnoy pamyati rossiyskogo krestyanstva [XX Century in the Social Memory of Russian Peasantry]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 207.

21. *Korovkin, A.G. & A.L. Sinitsa.* (2019). Otsenka intensivnosti i napravleniy dvizheniya naseleniya v regionakh rossiyskoy Arktiki v 1991–2015 godakh [Assessment of the Intensity and Directions of Population Movement in the Regions of the Russian Arctic in 1991–2015]. Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting RAS], 17, 323–340.

22. *Lytkina, T.S. & A.V. Smirnov.* (2019). Rossiyskiy Sever v usloviyakh globalnoy neoliberalnoy politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the context of global neoliberal politics: Overcoming spatial inequality or expulsion]. Mir Rossii [Universe of Russia], Vol. 28, No. 3, 27–47.

23. *Makhrova, A.G. & P.L. Kirillov.* (2015). Sezonnaya pulsatsiya naseleniya Moskovskoy aglomeratsii pod vliyaniem dachnoy i trudovoy mayatnikovoy migratsii: podkhody k izucheniyu i otsenka [Seasonal fluctuations in population distribution within Moscow metropolitan area under travelling to second homes and labour commuting: approaches and estimations]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 1 (47), 117–125.
24. *Makhrova, A.G., P.L. Kirillov & A.N. Bochkarev.* (2016). Mayatnikovye trudovye migratsii naseleniya v Moskovskoy aglomeratsii: opyt otsenok potokov s ispolzovaniem dannykh sotovykh operatorov [Labour commuting in moscow metropolitan area: evaluation of flows using data from mobile network operators]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 3 (53), 71–82.
25. *Makhrova, A.G., T.G. Nefedova & A.I. Treivish.* (2012). Moskovskaya aglomeratsiya i Novaya Moskva [Moscow Agglomeration and the “New Moscow”]. *Pro et Contra*, 6 (57), 19–32.
26. *Mkrtchyan, N.V. & Yu.F. Florinskaya.* (2018). Trudovaya migratsiya v Rossii: mezhdunarodnyy i vnutrenniy aspekty [Labor migration in Russia: International and internal aspects]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 1 (37), 186–193.
27. *Mkrtchyan, N.V., Yu.F. Florinskaya & K.I. Kazenin.* (2020). Vnutrennyaya migratsiya kak resurs razvitiya Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie efekty, izderzhki i ogranicheniya. (Doklad dlya Gaydarovskogo foruma – 2020) [Internal Migration as a Resource for the Development of Russia: Socio-economic Effects, Costs and Limitations. (Article for Gaidar Forum 2020)]. Moscow, RANEPa Delo Publ., 76.
28. *Nefedova, T.G.* (2013). Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otvetiy geografa [Ten Topical Questions About Rural Areas: Geographer’s Answers]. Moscow, LENAND Publ., 456.
29. *Nefedova, T.G.* (2015). Migratsionnaya podvizhnost naseleniya i otkhodnichestvo v sovremennoy Rossii [Migration mobility of population and otkhodnichestvo in modern Russia]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography], 3, 41–56.
30. *Nefedova, T.G.* (2003). Selskaya Rossiya na pereputye: Geograficheskie ocherki [Rural Russia at a Crossroads. Geographical Essays]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 408.
31. *Nefedova, T.G. & O.B. Glezer.* (2020). Transformatsiya sotsialno-geograficheskogo prostranstva Rossii [Transformation of the social and geographical space in Russia]. In: *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [The Challenges and Policies of Spatial Development in Russia in the 21st Century]. Moscow, KMK Publ. Partnership, 214–251.
32. *Rzhanitsyna, L. & E. Kravchenko.* (2020). Sovremennyy rynek truda v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Modern labor market in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism], Vol. 25, No. 3 (99), 39–51.

33. *Rybakovsky, L.L.* (2012). Demograficheskie vyzovy: chto ozhidaet Rossiiu? [Demographic challenges: What does await Russia?]. *SOTSIS [Sociological Studies]*, 8, 49–60.
34. *Samarukha, V.I., T.G. Krasnova & T.N. Plotnikova.* (2018). Migratsionnoe dvizhenie naseleniya regionov Sibiri [Migration movement of the population of Siberian regions]. *Izvestiya Baykalskogo gosuniversiteta [Bulletin of Baikal State University]*, Vol. 28, No. 1, 56–62.
35. *Seleznev, I.A., N.Yu. Mikryukov & T.R. Miriazov.* (2020). Sotsiologicheskiy analiz problem prostranstvennogo razvitiya (na primere regionov Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri) [The sociological analysis of the spatial development problems (on example of Western and Eastern Siberia regions)]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [Scientific Review. Series 2. Human Sciences]*, 6, 5–23.
36. *Seliverstov, V.E.* (2017). Sibir v strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Siberia in the regional strategy of Russia's development]. *Voprosy novoy ekonomiki [Issues of New Economy]*, 3 (43), 27–37.
37. *Smirnov, A.V.* (2020). Naselenie mirovoy Arktiki: dinamika, chislennost i tsentry rasseleniya [The Arctic population: dynamics and centers of the settlement system]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 40, 270–290.
38. *Strongina, M.L.* (1984). Problemy sovershenstvovaniya selskogo rasseleniya [Problems of improving rural settlement]. In: *Regionalnye problemy rasseleniya [Regional Settlement Problems]*. Moscow, Council for the Study of Productive Forces Publ., 103–105.
39. *Fadeeva, O.P.* (2008). Sotsialnyy kapital sibirskogo sela [Social capital of Siberian village]. In: *T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina, O.E. Bessonova (Eds.). Rossiya i rossiyane v novom stoletii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiya: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly [Russia and Russians in the New Century: Challenges of Time and Horizons of Development]*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 511–533.
40. *Fauzer, V.V. & A.V. Smirnov.* (2020). Migratsii naseleniya rossiyskoy Arktiki: modeli, marshruty, rezul'taty [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economics]*, 4 (40), 4–18.
41. *Fauzer, V.V., A.V. Smirnov, T.S. Lytkina & G.N. Fauzer.* (2019). Lokalnye rynki truda rossiyskoy Arktiki: klassifikatsiya po vidam deyatel'nosti [Local labor markets of the Russian Arctic: classification by activity type]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economics]*, 2 (34), 4–17.
42. *Florinskaya, Yu.F., N.V. Mkrtychyan, T.M. Maleva & M.K. Kirillova.* (2015). Migratsiya i rynek truda [Migration and the Labor Market]. Moscow, RANEPa Delo Publ., 108.
43. *Fomin, M.V.* (2019). Demograficheskie prognozy i korrektnost statistiki prostranstvennogo razvitiya Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [Demographic projections and accuracy of the spatial development statistics of Siberia and Far East of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*, Vol. 22, No. 3, 15–29.

44. *Fomin, M.V. & V.A. Bezverbnyy.* (2018). Prostranstvennyy karkas Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii v usloviyakh demograficheskogo szhatiya: «vtorye» i «tretiy» goroda [The spatial framework of Siberia and Far East of Russia in condition of demographic shrinking: “second” and “third” cities]. Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Scientific Review. Series 2. Human Sciences], 6, 33–53.

45. *Shvorina, K.V. & L.M. Faleychik.* (2018). Osnovnye trendy migratsionnoy mobilnosti naseleniya regionov Sibirskogo i Dalnevostochnogo federalnykh okrugov [Main directions of migration mobility in the Siberian and Far Eastern federal districts]. Ekonomika regiona [Economy of Region], Vol. 14, No. 2, 485–501.

46. *Shevtsova, E.V.* (2017). Tendentsii migratsii naseleniya i migratsionnoy politiki v Novosibirskoy oblasti [Migration tendencies and policy in the Novosibirsk Region]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], Vol. 20, 91–101.

47. *Shelomentsev, A.G., L.V. Voronina, E.V. Smirennikova & A.V. Ukhanova.* (2018). Faktory migratsii v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Migration factors in the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi], Vol. 10, No. 3, 396–418.

48. *Shingarev, A.I.* (1907). Vymirayushchaya derevnya. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvukh seleniy Voronezhskogo uезда (2-oe izdanie) [An Endangered Village: The Experience of Sanitary and Economic Research of Two Villages in the Voronezh District. 2nd ed.]. St. Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 223.

49. *Shitova, Yu.Yu. & Yu.A. Shitov.* (2008). Analiz i prognozirovaniye mayatnikovoy trudovoy migratsii v Podmoskove (na primere g. Dubny) [Analysis and forecast of labor commuting in the Moscow Region, the case of Dubna]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 4, 112–122.

Information about the author

Leksin, Vladimir Nikolaevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Resarcher at Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences (9, 60-letiya Oktyabrya av., Moscow, 117312, Russia). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 05.04.2021.

После доработки 08.04.2021.

Принята к публикации 09.04.2021.

© Лексин В.Н., 2021

Н.Ф. Кадол

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Сегодня во всем мире остро ощущается объективная необходимость в проведении значительных социально-экономических преобразований. Это вызвано целым рядом причин, среди которых стоит отметить расслоение доходов, экономические кризисы и политическую нестабильность. Одним из эффективных инструментов, направленных на решение данных проблем, является социальное предпринимательство. С учетом того, что тема социального предпринимательства мало изучена и нуждается в дальнейшей проработке, в статье рассмотрены вопросы, касающиеся развития социального предпринимательства в странах Евразийского экономического союза. Это позволило выявить достаточную степень единства в развитии социального предпринимательства в странах ЕАЭС на функционально-деятельностном уровне. По подавляющему числу направлений деятельности социальное предпринимательство в этих странах имеет большую степень совпадения. Чаще всего оно представлено в таких областях, как социальная защита и реабилитация, здравоохранение, спорт и туризм, образование. Целевой группой организаций, работающих в сфере социального предпринимательства, как правило, являются социально уязвимые категории граждан. Во многом сходны и проблемы, характерные сегодня для социального предпринимательства в странах ЕАЭС. К ним следует отнести несовершенство законодательного регулирования данной сферы деятельности, недостаточную инфраструктурную поддержку, низкий уровень идентификации социального предпринимательства обществом, а также отсутствие в этой сфере системы учета и отчетности и регулярного мониторинга.

Ключевые слова: предпринимательство; социальное предпринимательство; экономическое развитие; некоммерческие организации; организационно-правовые формы; интеграция; Евразийский экономический союз

Для цитирования: *Кадол Н.Ф.* Опыт развития социального предпринимательства в странах Евразийского экономического союза // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 135–161. DOI: 10.15372/REG20210206.

ВВЕДЕНИЕ

Важным трендом в развитии предпринимательства являются эволюция его социального компонента и, как следствие, возникновение новой формы деятельности – социального предпринимательства. Развитию социального предпринимательства способствуют изменение этических норм рыночного поведения, повышение корпоративной ответственности предпринимательского сообщества.

Как показывает мировая практика, предпринимательская активность проявляется в разных сферах деятельности и не всегда мотивирована доходами. В современных условиях развития общества предприниматель обязан оценивать свою предпринимательскую деятельность не только в русле личной выгоды, но и с государственной и социальной точек зрения. Как результат, появляется новый тип предпринимательской деятельности, основанный на создании общественного богатства в качестве главной цели и в ущерб увеличению экономической выгоды, который можно назвать социальным предпринимательством.

Область социального предпринимательства вызывает интерес как у зарубежных, так и у отечественных исследователей. В последнем десятилетии XX в. стали накапливаться определенный практический опыт в этой области и соответствующий теоретический материал.

Работы таких авторов, как Г. Диз [18], А. Николлс [22], Ж. Дефурни и М. Ниссенс [19], Дж. Томсон и Б. Доэрти [23], Дж. Майр и И. Марти [20], Р. Мартин и С. Осберг [21], Дж. Боши и Дж. МакКлург

[17], К. Альтер [14], С. Элворт, Л. Браун и К. Леттс [15], посвящены исследованию феномена социального предпринимательства, определению его специфических черт, а также анализу практических аспектов и перспектив его развития. Однако в этих работах нет единого подхода к пониманию сущности социального предпринимательства. Например, Дж. Боши и Дж. МакКлург относят к субъектам социального предпринимательства некоммерческие организации, которые ищут новые стратегии финансирования через осуществление предпринимательской деятельности [17]. Г. Диз [18], Дж. Остин, Г. Стивенсон и Дж. Вей-Скиллерн [16] в определении социального предпринимательства делают акцент на возможности использования предпринимательского подхода при решении социальных проблем, при этом они указывают на необходимость соблюдения баланса между социальной и экономической составляющими такой деятельности. К. Альтер [14] предлагает типологию социального предпринимательства, подразумевающую различные модели его развития. Подход таких исследователей, как С. Элворт, Л. Браун и К. Леттс [15], Дж. Майр и И. Марти [20], заключается в рассмотрении социального предпринимательства как инновационной формы деятельности, связанной с решением социальных проблем за счет особой комбинации имеющихся ресурсов.

Главным для социального предпринимательства является возможность решать социальные проблемы путем использования экономических механизмов, что подразумевает создание двойственной ценности: социальной и экономической. Социальное предпринимательство является промежуточным звеном между традиционным предпринимательством и альтруистической деятельностью, образуя диалектическое единство социального и экономического начал. В связи с этим в первую очередь стоит указать на разнохарактерность подобных организационных структур, в работе которых получение прибыли сочетается с неприбыльной деятельностью. Получение социальных ценностей направлено на выполнение миссии компаний. Создание экономической ценности способствует финансовой устой-

чивости. Таким образом, субъектами социального предпринимательства для получения социальной ценности предполагается использование бизнес-инструментов и предпринимательского подхода. Как правило, проекты в сфере социального предпринимательства имеют свою уникальность и развиваются там, где необходимы новые методы решения социальных проблем.

Актуализация тематики социального предпринимательства в качестве научного направления на территории стран Евразийского экономического союза связана с работами Ю.Е. Благова и Ю.Н. Арай [3], А.В. Баркова [2], Е.А. Ветровой [4], С.В. Дегтяревой и Т.О. Дегтярёвой [6], К.И. Краенковой и Е.В. Ванкевич [10], В.В. Жоховой [8], Р.В. Клиндуха [9], И.В. Манаховой [11], Я.С. Гришиной [5], Т.П. Притворовой, Е.С. Петренко и М.П. Аягановой [13].

Несмотря на имеющиеся исследования, тема социального предпринимательства остается недостаточно разработанной и нуждается в дальнейшем изучении. В частности, лишь фрагментарно изучена практика социального предпринимательства в отдельных странах Евразийского экономического союза. Вопросы развития социального предпринимательства в рамках ЕАЭС ранее не исследовались. Это определяет актуальность изучения данной проблемы в части выявления потенциала и определения институциональных основ интеграции процессов развития социального предпринимательства в контексте Евразийского экономического союза.

Целью настоящего исследования является анализ развития социального предпринимательства на территории Евразийского экономического союза. В связи с этим нами были рассмотрены процесс становления и предпосылки развития социального предпринимательства в странах – членах ЕАЭС. Кроме того, обозначены направления развития и организационно-правовые условия функционирования социального предпринимательства на территории стран – членов ЕАЭС, а именно Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Кыргызстан и Республики Армении.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Процесс развития интеграционных отношений и становления Евразийского экономического союза проходил в период, сложный в экономическом и геополитическом отношении. Во-первых, не были до конца преодолены последствия финансового кризиса 2008 г., наблюдалось явное замедление темпов экономического роста у ведущих мировых держав, происходило падение цен на сырьевом рынке, товары которого составляют основную долю экспорта крупнейших экономик стран ЕАЭС, прежде всего Российской Федерации. Во-вторых, на развитие интеграционных процессов повлияли геополитические изменения, связанные с введением санкций в отношении России, с проблемами интеграционного развития Европейского союза, а также с внешнеполитическим поведением США.

Так, например, в Российской Федерации в 2015 г. в результате действия перечисленных факторов стагнация сменилась рецессией, падением социально-экономических показателей. И как следствие, социально-экономическое развитие отягощается проблемами снижения доходов и потребления населения, бедности, а также проблемами демографического характера [1].

Все это не может не повлиять на трансформацию ресурсного обеспечения социальной сферы. Наблюдаются недостаток финансирования и ограниченность возможностей государства для осуществления социальных преобразований и решения проблем социальной сферы, которая оказалась в сложном экономическом положении. В условиях недостатка и экономии бюджетных средств важно привлекать к участию в финансировании различные институты общества и использовать потенциал взаимодействия различных секторов экономики.

Социальное предпринимательство является одним из таких институтов, который способен эффективно работать и взаимодействовать с различными секторами экономики, применять предпринимательский и инновационный подходы для решения проблем в социальной сфере. Использование института социального предпринима-

тельства позволит государствам – членам Евразийского экономического союза снизить бюджетную нагрузку, повысить уровень занятости населения, улучшить качество товаров и услуг социальной сферы, обеспечить развитие социальной инфраструктуры.

Следует отметить, что социальное предпринимательство в странах ЕАЭС существовало и во времена СССР, в состав которого они тогда входили. В рамках СССР на территории этих стран проводилась единая социальная политика государства. Она была направлена на абсолютную ответственность государства за социально-экономическое положение граждан. Государство являлось монополистом в производстве различных благ, в том числе и социальных, которые распределялись централизованно. При этом в существовавших в тот период социальных институтах уже присутствовали некоторые элементы социального предпринимательства¹. Их деятельность была направлена на решение социально-экономических проблем, затрагивающих определенные категории граждан. В качестве примера можно упомянуть деятельность общественных организаций, связанную с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. Для этой категории граждан создавались специализированные хозяйственные организации, которые решали проблемы их трудоустройства и социализации в обществе. Такая модель работы существует в странах ЕАЭС и сегодня. Например, в Российской Федерации действуют Всероссийское общество инвалидов², Всероссийское общество глухих³, в Республике Беларусь – Белорусское общество инвалидов⁴, Белорусское общество глухих⁵, Белорусское товарищество инвалидов по зрению⁶. Их деятельность связана прежде всего с трудоустройством и интеграцией в общество лиц с ограниченными возможностями здоровья.

¹ См.: Кадол Н.Ф. Развитие социального предпринимательства в странах ЕАЭС / Под ред. С.О. Календжяна. – М.: МАКС Пресс, 2020. – С. 16.

² URL: <http://www.voi.ru> .

³ URL: <http://www.voginfo.ru> .

⁴ URL: <https://beloi.by> .

⁵ URL: <http://belog.org> .

⁶ URL: <https://beltiz.by> .

Становление социального предпринимательства в странах ЕАЭС связано с созданием и функционированием различных институтов, оказывающих как информационную, так и финансовую поддержку данному сектору. Так, например, в Российской Федерации это прежде всего Фонд региональных социальных программ «Наше будущее»⁷, в Республике Беларусь можно отметить портал по социальной экономике⁸, а также деятельность некоммерческой организации ОДБ Брюссель⁹, проведение конкурса социальных проектов «Social Weekend»¹⁰. Стимулом в продвижении концепции социального предпринимательства в Республике Казахстан и Республике Кыргызстан послужило создание Ассоциации социальных предпринимателей Казахстана¹¹ и Ассоциации социальных предпринимателей Кыргызстана¹². Кроме того, на рост активности в сфере социального предпринимательства в странах ЕАЭС повлияло развитие краудфандинга. Наиболее популярными краудфандинговыми платформами, оказывающими поддержку социальному предпринимательству, в Российской Федерации являются платформы Planeta¹³ и Boomstarter¹⁴, в Республике Беларусь – «Талака»¹⁵ и «Улей»¹⁶, в Казахстане – Start-time¹⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что на территории стран Евразийского экономического союза наблюдается процесс становления социального предпринимательства. Развитие этого института может стать одним из базисов в увеличении потенциала экономического роста стран ЕАЭС.

⁷ URL: <http://www.nb-fund.ru> .

⁸ URL: <http://soccoop-by.info> .

⁹ URL: <http://www.by.odb-office.eu> .

¹⁰ URL: <http://www.socialweekend.by> .

¹¹ URL: <https://www.facebook.com/socialbusinesskaz> .

¹² URL: <http://asekg.org> .

¹³ URL: <https://planeta.ru> .

¹⁴ URL: <https://boomstarter.ru> .

¹⁵ URL: <https://www.talaka.org> .

¹⁶ URL: <https://ulej.by> .

¹⁷ URL: <https://www.Start-time.kz> .

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из активаторов развития социального предпринимательства в Российской Федерации стала деятельность созданного в 2007 г. Фонда региональных социальных программ «Наше будущее». Диапазон деятельности фонда в области продвижения и поддержки социального предпринимательства достаточно широкий [12].

Содержательная интерпретация социального предпринимательства базировалась, по мнению исследователей, скорее на американской трактовке этого феномена как одной из сфер социальной ответственности бизнеса [12]. Однако практика реализации проектов в сфере социального предпринимательства показала их принадлежность к деятельности некоммерческих организаций. Поэтому в дальнейшем институализация социального предпринимательства в Российской Федерации происходила в плоскости данного сектора.

Для более активного участия некоммерческого сектора в решении социальных проблем в 2010 г. было введено понятие социально ориентированной некоммерческой организации (СОНКО), определены меры государственной поддержки и поддержки органами муниципального самоуправления, составлен реестр таких организаций. Деятельность СОНКО направлена на социализацию общественно уязвимых групп населения. Социально ориентированные некоммерческие организации занимаются трудоустройством данной категории граждан путем предоставления им временных или постоянных рабочих мест. Благодаря деятельности этих организаций социально уязвимые граждане приобретают и развивают профессиональные и трудовые навыки. Такая деятельность способствует дальнейшей интеграции социально уязвимой категории населения в различные общественные процессы, помогает дальнейшему трудоустройству ее представителей в обычные субъекты хозяйствования¹⁸.

¹⁸ См.: *Федеральный закон «О некоммерческих организациях»* от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p49.

Ключевым моментом в развитии социального предпринимательства стало внесение изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и их утверждение в июле 2019 г. Эти изменения указывают на официальный тренд в данном вопросе. Названный законодательный акт дополнен рядом специальных пунктов, в том числе определяющих понятие социального предпринимательства и социального предприятия. Согласно п. 7 ст. 3 данного закона социальное предпринимательство – это «предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными частью 1 статьи 24 настоящего Федерального закона»¹⁹. Согласно п. 8 ст. 3 социальное предприятие – «субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства»²⁰.

Для развития и стимулирования деятельности организаций, оказывающих социальные услуги или производящих товары социального назначения, в России еще до принятия изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» проводилась определенная стимулирующая фискальная политика. Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации для организаций, занимающихся социально значимыми видами деятельности предусмотрены некоторые льготы²¹. Так, в соответствии со ст. 149 Налогового кодекса РФ освобождены от уплаты НДС организации, реализующие протезно-ортопедические изделия и их составляющие, а также технические средства и материалы, используемые для профилактики инвалидности или реабилитации инва-

¹⁹ См.: *Федеральный закон* от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие”». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995 .

²⁰ Там же.

²¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ .

лидов. Кроме того, от уплаты НДС освобождены организации, оказывающие услуги: по уходу за больными, пожилыми людьми и инвалидами; по присмотру и уходу за детьми в организациях дошкольного образования, по проведению занятий с несовершеннолетними детьми в кружках, секциях и студиях, а также другие дополнительные образовательные услуги; по социальному обслуживанию несовершеннолетних детей; по поддержке и социальному обслуживанию граждан пожилого возраста, инвалидов, безнадзорных детей и иных граждан, которые признаны нуждающимися в социальном обслуживании. Освобождены от уплаты НДС также организации, которые осуществляют свою деятельность в области культуры и искусства, занимаются организацией и проведением физкультурных, физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий для населения.

Предусмотрены определенные налоговые преференции по налогу на прибыль, в частности предусмотрено применение нулевой налоговой ставки по этому налогу, в том числе для некоммерческих организаций в рамках их уставной деятельности, а также деятельности по социальному обслуживанию граждан (ст. 284 НК РФ).

Определенные налоговые льготы имеют хозяйственные общества общественных организаций инвалидов. Однако для получения льгот уставный капитал этих хозяйственных обществ должен состоять только из вкладов общественных организаций инвалидов. Кроме того, не менее половины их работников должны составлять люди с ограниченными возможностями здоровья. Наклаываются ограничения и по доле оплаты труда таких работников в общем фонде оплаты труда.

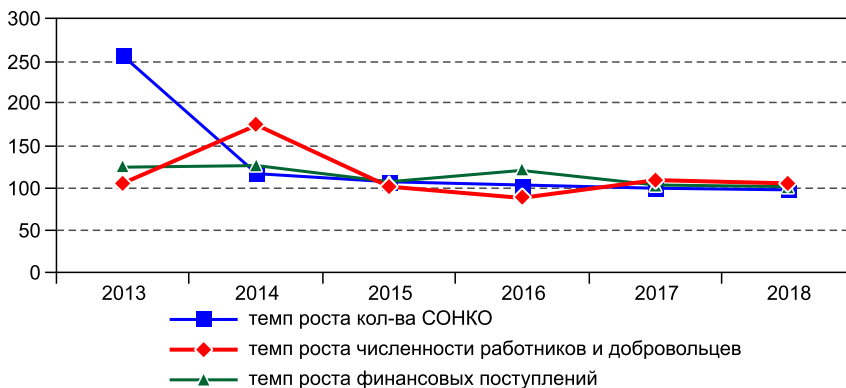
Так как понятие социального предпринимательства на законодательном уровне в Российской Федерации было закреплено лишь в 2019 г., а субъекты социального предпринимательства не выделялись в отдельный сектор экономики, возникает проблема мониторинга данного вида деятельности. В связи с этим базисом статистического исследования основных тенденций развития социального предпринимательства в России послужит его институализация как социально ориентированных некоммерческих организаций в рамках некоммерческого сектора. Рассмотрим характеристики их деятель-

ности в этом контексте согласно имеющимся данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

По данным Росстата, на 1 января 2019 г. на территории России было зарегистрировано 140 247 СОНКО. За период с 2013 по 2019 г. количество СОНКО увеличилось более чем в 3 раза. Наибольший прирост числа этих организаций наблюдался в 2013 и 2014 гг., в дальнейшем темп роста не был столь значительным. После 2016 г. наблюдается небольшое снижение темпа роста количества СОНКО (см. рисунок).

Объем финансовых поступлений в сектор СОНКО имеет определенные колебания. После 2016 г. наблюдается снижение темпов роста финансовых поступлений с последующей стабилизацией.

Средняя численность работников социально ориентированных некоммерческих организаций составила на начало 2019 г. 588 590 чел., т.е. около 4% среднегодовой численности занятого населения страны. По сравнению с 2014 г. их количество сократилось больше чем на 40%. В деятельности СОНКО активное участие принимали добровольцы. Средняя численность добровольцев в данном секторе в Российской Федерации составляет 2 937 318 чел. Их количество по срав-

Динамика развития сектора СОНКО в России, % к предыдущему периоду

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ (URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%BE>)

нению с количеством работников СОНКО за указанный период выросло на 22%.

Основными видами деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, по данным Росстата на 1 января 2019 г., являлись: социальная поддержка и защита граждан; деятельность в области образования, просвещения, науки; деятельность в области культуры и искусства; деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни; содействие патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи; деятельность в области улучшения морально-психологического состояния граждан и духовного развития личности; деятельность в области физической культуры и спорта; развитие межнационального сотрудничества; сохранение и защита самобытности, культуры, языка и традиций народов Российской Федерации.

Анализ имеющихся данных по рассматриваемой проблеме позволил выявить отраслевое распределение деятельности субъектов социального предпринимательства в России, он говорит о ее диверсифицированном характере. Целевой группой таких организаций, как правило, является социально уязвимая категория граждан. Изменения на законодательном уровне идентифицировали, что социальное предпринимательство – отдельное направление деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, ориентированных на достижение общественно полезных целей, способствующей решению социальных проблем граждан и общества. Принятие упомянутых поправок в закон – это первый шаг на пути признания государством социального предпринимательства и социальных предпринимателей, их введения в правовое поле.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, отсутствуют специальные нормативно-правовые акты, определяющие понятие социального предпринимательства и регулирующие соответствующую сферу. В связи с этим деятельность в области социального

предпринимательства на территории Беларуси может осуществляться в рамках организационно-правовых форм коммерческих и некоммерческих организаций, которые закреплены на законодательном уровне. Это, в свою очередь, существенно затрудняет оценку тенденций развития этого института в стране.

Как показывает мировая практика развития социального предпринимательства, очень часто данный вид деятельности сосредоточен в некоммерческом секторе. По этой причине определенное представление о состоянии социального предпринимательства в Республике Беларусь можно составить на основе анализа состояния общественных объединений, занимающихся решением социальных проблем.

За 2019 г. в Республике Беларусь было поставлено на учет 98 новых общественных объединений, 806 организационных структур общественных объединений, одна ассоциация общественных объединений и девять новых фондов²². По сравнению с 2018 г. общее количество зарегистрированных общественных объединений увеличилось на 3,4%, а количество организационных структур общественных объединений – почти на 2%. По состоянию на 1 января 2020 г. в Беларуси зарегистрировано 2 995 общественных объединений, а также 43 545 организационных структур общественных объединений. Кроме того, на территории страны на 1 января 2020 г. зарегистрировано 40 ассоциаций общественных объединений и 217 фондов.

К доминирующим направлениям деятельности общественных объединений в Республике Беларусь относятся: деятельность в физкультурно-спортивной сфере (к этому направлению принадлежат 28% от общего числа общественных организаций); благотворительная деятельность (18%); деятельность молодежных и детских организаций (12%); деятельность просветительских, культурно-досуговых, воспитательных и образовательных организаций; деятельность общественных организаций граждан, относящих себя к национальным меньшинствам. Причем структура распределения общественных организаций в Республике Беларусь существенно не изменилась за рассматриваемый период времени. Практически по всем направлениям

²² URL: https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage.

деятельности наблюдается рост количества общественных организаций, за исключением организаций просветительской, культурно-досуговой и воспитательной направленности, число которых сократилось почти на 26%.

Целевыми группами, на которые направлена деятельность общественных объединений, являются люди с ограниченными возможностями здоровья и психиатрическими проблемами, малоимущие, многодетные семьи, дети в социально опасном положении, лица, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, и другие категории граждан.

Социальное предпринимательство в Республике Беларусь развивается в рамках того же правового поля, что и другие хозяйственные структуры, и таким организациям полагаются некоторые льготы и преференции. На определенную поддержку могут рассчитывать субъекты социального предпринимательства, осуществляющие свою деятельность в сельской местности, а также трудоустраивающие граждан, относящихся к социально уязвимой категории населения, в частности инвалидов. Например, объем государственной помощи для организаций, осуществляющих трудоустройство лиц с инвалидностью, зависит от числа трудоустроенных лиц данной категории в процентном отношении к общему числу работников организации и учредителя коммерческой структуры. Так, организации, учредителями которых являются общественные объединения инвалидов, имеют больше льгот и преференций по сравнению с иными хозяйствующими субъектами.

В целом, меры государственной поддержки для этой категории организаций можно разделить на три группы: налоговые льготы и иные преференции для организаций, учрежденных общественными объединениями инвалидов; льготы для организаций, в которых численность сотрудников-инвалидов составляет не менее 50% от общего числа сотрудников в среднем за период; иные льготы для организаций, желающих трудоустроить лиц с ограниченными возможностями здоровья.

На основании законов Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» и «О социальной защите

инвалидов в Республике Беларусь» было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении положения о порядке финансирования и компенсации затрат на создание и сохранение рабочих мест для инвалидов и положения о порядке организации и финансирования мероприятий по адаптации инвалидов к трудовой деятельности». Согласно этому постановлению за счет средств Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты РБ осуществляется финансирование мероприятий по обеспечению занятости людей с ограниченными возможностями здоровья. Данный фонд финансирует расходы на создание специализированных рабочих мест в организациях, имущество которых находится в собственности общественных объединений инвалидов, а также в организациях, финансируемых за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, которым решениями местных исполнительных и распорядительных органов или специальными государственными программами установлены задания по созданию специализированных рабочих мест для инвалидов. Для адаптации инвалидов к трудовой деятельности государство может оплатить стоимость оборудования рабочих мест для людей с инвалидностью, а также выплачивать им заработную плату в течение 6–12 месяцев.

Коммерческие и некоммерческие организации, оказывающие социальные услуги населению и принимающие участие в реализации социальных проектов, могут рассчитывать на получение финансирования со стороны государства. Финансовые средства выделяются в рамках реализации различных проектов и проведения мероприятий в русле осуществляемой социальной политики. Как правило, эти ассигнования выделяются из средств местных бюджетов, которые были запланированы на развитие и поддержку социальной сферы. Данное финансирование предоставляется на конкурсной основе посредством оплаты государственной закупки социальных услуг в рамках действующего законодательства о государственных закупках товаров, услуг и работ. Для оказания социальных услуг и реализации социальных проектов некоммерческие организации могут получить субсидии.

Для улучшения социально-экономического положения малых населенных пунктов был принят Декрет Президента Республики Беларусь «О стимулировании предпринимательской деятельности на территориях средних, малых городских поселений, сельской местности». Согласно этому декрету коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные и осуществляющие деятельность по производству товаров и оказанию услуг на данных территориях, в течение семи календарных лет со дня их государственной регистрации освобождаются от уплаты налога на прибыль (коммерческие организации) и подоходного налога с физических лиц (индивидуальные предприниматели) соответственно в отношении прибыли и доходов, полученных от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства. Также они освобождаются от уплаты государственной пошлины за выдачу специального разрешения (лицензии) на осуществление юридическими и физическими лицами отдельных видов деятельности; вправе не исчислять и не уплачивать иные налоги и сборы (пошлины); освобождаются от обязательной продажи иностранной валюты, поступившей по сделкам с юридическими лицами-нерезидентами и физическими лицами-нерезидентами от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства, а также от сдачи имущества в аренду²³.

Анализ имеющихся данных позволил выявить направления деятельности субъектов социального предпринимательства на территории Республики Беларусь и их целевые группы. Чаще всего социальное предпринимательство представлено в общественно значимых сферах, таких как спорт и туризм, благотворительность, образование, воспитание, просвещение. Целевой группой таких организаций, как правило, являются люди с ограниченными возможностями здоровья и психиатрическими проблемами, малоимущие, многодетные семьи, дети в социально опасном положении.

²³ См.: Декрет Президента Республики Беларусь «О стимулировании предпринимательской деятельности на территориях средних, малых городских поселений, сельской местности» от 27 июня 2016 г. № 2. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd1200006>.

Разумеется, отсутствие единого подхода к определению института социального предпринимательства, его закреплённой организационно-правовой формы, затруднённость его статистического анализа диктуют необходимость дальнейшей работы по формированию условий, требуемых для его продвижения и развития. Это предполагает разработку нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность субъектов социального предпринимательства, создание и развитие информационной и институциональной инфраструктуры поддержки социального предпринимательства, повышение уровня осведомлённости о социальном предпринимательстве в обществе, разработку соответствующих образовательных программ.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН, РЕСПУБЛИКЕ КЫРГЫЗСТАН И РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИИ

В других странах ЕАЭС – Республике Казахстан, Республике Кыргызстан, Республике Армении, так же как и в Республике Беларусь, социальное предпринимательство может развиваться в форме как коммерческой структуры, так и некоммерческой. Процесс организации социального предпринимательства и ведение деятельности его субъектами регулируются национальным законодательством этих стран. Следует отметить, что в Армении развитие организационно-правового регулирования сферы социального предпринимательства имеет большой потенциал. Об этом свидетельствует имеющийся в стране проект концепции развития социального предпринимательства.

Определённое представление о деятельности субъектов социального предпринимательства в Казахстане и Кыргызстане дают конкурсы, проводимые в этой сфере. К примеру, данные конкурса среди молодежи «Измени мир вокруг себя!», который был проведен в 2017 г. в Кыргызстане и Казахстане, позволили выявить основные проблемные области, в которых могут быть реализованы проекты, относящиеся к социальному предпринимательству.

Так, в Казахстане это трудоустройство лиц с ограниченными возможностями здоровья, обучение и трудоустройство лиц из социально уязвимых групп населения, образование и организация досуга детей и молодежи, а также социальные услуги и здравоохранение. В основном проекты социального предпринимательства реализуются в крупных городах, в частности в Алматы, Нур-Султане, Шымкенте, Костанаве.

Основными сферами деятельности субъектов социального предпринимательства в Кыргызстане являются трудоустройство лиц с ограниченными возможностями здоровья, развитие инфраструктуры, обучение граждан, относящихся к социально уязвимым группам населения, защита окружающей среды и переработка отходов, организация досуга детей и молодежи, социальные услуги, спорт, здравоохранение, обеспечение безопасности и пропаганда здорового образа жизни, этическая сфера и благотворительность. Социальное предпринимательство активно развивается на всей территории Кыргызской Республики. Ежегодно проводится конкурс «Измени мир вокруг себя!», направленный на развитие проектов в сфере социального предпринимательства среди молодежи. Данные конкурса на основе 806 заявок, проведенного в 2017 г., показали, что наибольшее число представленных проектов реализуется в Нарымской области (33% заявок), далее идут Ошская область (19%), Джалал-Абатская область (13%). По 11% приходится на Иссык-Кульскую и Чуйскую области²⁴.

В Армении социальное предпринимательство активно развивается в общественном секторе, основу которого составляют социально ориентированные некоммерческие организации. В их число входят как благотворительные организации, которые в качестве своей миссии специально отмечают социальную направленность своей деятельности, так и различные фонды, инициативы и движения. СОНКО Армении занимаются в основном попечительством, благотворительной деятельностью, участвуют в решении вопросов охраны здоровья, борьбы с нищетой, а также проблем, касающихся женщин и детей. Такие организации тесно сотрудничают с детскими домами, прию-

²⁴ См.: Кадол Н.Ф. Развитие социального предпринимательства в странах ЕАЭС. – С. 101.

тами, домами престарелых, оказывают помощь беспризорным детям, малоимущим гражданам.

Таким образом, социальное предпринимательство в этих трех странах развивается в различных направлениях, обеспечивает занятость местного населения, а также способствует его самозанятости. Наибольшая экономическая активность данного сектора связана с социально значимыми сферами. К основным проблемам, сдерживающим развитие социального предпринимательства в этих странах, можно отнести отсутствие необходимых законодательных основ и четкой политики в сфере социального предпринимательства, отсутствие должной инфраструктуры поддержки социального предпринимательства, низкий уровень осведомленности об этом институте в обществе, отсутствие механизмов мониторинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев развитие социального предпринимательства в странах ЕАЭС, можно сделать вывод, что подавляющее число направлений деятельности, осуществляемой в его рамках, в этих странах совпадают. К ним относятся: обеспечение занятости социально незащищенных слоев населения и лиц с ограниченными возможностями здоровья; обеспечение реализации производимых гражданами, относящимися к уязвимым группам населения, товаров (работ, услуг); обеспечение для этих групп населения деятельности по производству и реализации товаров (работ, услуг) на приемлемых для них условиях; осуществление деятельности в области медицины, общего и дополнительного образования, оказания социальных услуг.

Во многом сходны и проблемы, характерные для современного состояния социального предпринимательства в странах ЕАЭС. Такими проблемами являются: отсутствие законодательных основ социального предпринимательства; ограниченность финансовых ресурсов и отсутствие дешевых кредитных ресурсов; малая доля предпринимателей, ориентированных на создание социальных ценностей в качестве основной цели своего бизнеса; низкая квалификация самих

социальных предпринимателей; отсутствие инфраструктуры поддержки социального предпринимательства; низкий уровень осведомленности о социальном предпринимательстве в обществе; отсутствие системы учета и отчетности и регулярного мониторинга.

Анализ национального законодательства стран ЕАЭС позволил выявить организационно-правовые формы, в которых могут функционировать социальные предприятия. Несмотря на определенные различия, эти формы в основном корреспондируют друг с другом. Действующие в настоящее время законодательные и нормативно-правовые акты, регламентирующие в той или иной степени деятельность социальных предприятий, опираются на схожий набор целей, задач и направлений деятельности, что открывает возможности для активного сотрудничества, для объединения и координации усилий по развитию социального предпринимательства в России, Беларуси, Казахстане, Армении и Кыргызстане.

Несмотря на разный масштаб деятельности субъектов социального предпринимательства в странах – членах Евразийского экономического союза, разный уровень развития этого сектора и его инфраструктуры, в концептуально-содержательном плане наблюдается достаточно высокая степень единства. Это объясняется прежде всего тем, что страны ЕАЭС раньше входили в состав единого высокочентрализованного государства, что во многом определило сходство в институтах, в культуре, включая деловую, а также обусловило выбор русского языка в качестве языка межгосударственного общения.

Все это свидетельствует о наличии интеграционного потенциала социального предпринимательства в Евразийском экономическом союзе. Объединение усилий в рамках ЕАЭС позволит решить общие для стран-участниц проблемы, связанные с выбором наиболее перспективных с позиций развития социального предпринимательства форм его организации, способствующих обеспечению функционирования его субъектов на принципах устойчивого самофинансирования.

Анализ критериев, определяющих сферы экономики ЕАЭС, обладающие интеграционным потенциалом в соответствии с Основными направлениями экономического развития ЕАЭС до 2030 года, пока-

зал, что социальное предпринимательство в настоящее время уже реально (на практическом уровне) выделилось во всех странах – членах ЕАЭС в самостоятельный сектор, что позволяет, на наш взгляд, с учетом всей его специфики считать, что этот сектор удовлетворяет ряду выдвинутых в указанном документе критериям. В частности, критерию, связанному с достижением мультипликативного эффекта в виде не только обеспечения собственного развития, но и создания дополнительных импульсов для развития других сфер экономики, а в нашем случае и в виде расширения рыночного пространства за счет формирования новых рыночных ниш²⁵. Социальное предпринимательство формирует потребительский спрос на товары и услуги со стороны своего целевого сегмента, новые потребности, которые ранее рынок не удовлетворял, а следом развивает и предложение таких товаров и услуг, формируя тем самым предпосылки для расширения участия сектора социального предпринимательства разных стран в производственных цепочках.

С учетом важной роли социального предпринимательства в решении общественных проблем целесообразно рассмотреть вопрос о включении его в действующий в настоящее время перечень направлений интеграции процессов социально-экономического развития в рамках Евразийского экономического союза. В принятой Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза указано на «особую важность инклюзивного развития, подразумевающего реализацию потенциала каждого человека, обеспечение граждан наших стран широкими возможностями профессионального, социально-культурного и других аспектов экономического развития и формирования прогрессивных, инновационных и высокотехнологических условий для будущих поколений» [7].

Инклюзивное развитие, как известно, предполагает возможности создания благоприятных условий для нивелирования социального неравенства, причем не только в экономической, но и в других сферах.

²⁵ См.: *Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года: Решения Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28.* – URL: <http://www.eurasiancommission.org/>.

Это позволяет считать, что включение социального предпринимательства в перечень новых направлений интеграции будет полностью соответствовать вектору дальнейшего развития интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе. Правительство Российской Федерации также указывает на приоритетность в своей деятельности в сфере международной интеграции и экономического сотрудничества работы по расширению направлений евразийской интеграции, в частности в гуманитарной и социальной плоскостях, к которым несомненно может быть отнесено социальное предпринимательство.

Таким образом, интеграционное объединение в сфере социального предпринимательства позволит государствам – членам ЕАЭС получить дополнительные выгоды и преимущества в виде выравнивания в них уровней развития социального предпринимательства, обеспечения взаимного проникновения лучших практик реализации социального предпринимательства, ускорения и масштабирования развития социального предпринимательства на национальном уровне.

Список источников

1. Аганбегян А.Б. О приоритетах социальной политики. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 540 с.
2. Барков А.В. Социальное предпринимательство в условиях формирования правовой модели рынка социальных услуг // Предпринимательское право. – 2012. – № 2. – С. 28–32.
3. Благов Ю.Е., Арай Ю.Н. Социальное предпринимательство: проблемы типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Менеджмент. – 2010. – Вып. 3. – С. 111.
4. Ветрова Е.А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (141). – С. 20–24.
5. Гришина Я.С. Перспективы и предпосылки легализации социального предпринимательства в России // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: Сб. науч. статей / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – Пермь, 2017. – С. 361–369.
6. Дегтярева С.В., Дегтярёва Т.О. Социальное предпринимательство как источник социальных изменений в современной экономике: системный подход // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 99–111.

7. *Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества*, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Бордачев Т.В., Вишневский К.О., Глазатова М.К. и др.; отв. ред. Т.А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИД ВШЭ, 2019. – 123 с. – URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/262128617> (дата обращения: 12.04.2020).

8. *Жохова В.В.* Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // Современная конкуренция. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 77–100.

9. *Клиндух Р.В.* Социальное предпринимательство: понятийно-терминологическая систематизация // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 167–178.

10. *Краенкова К.И., Ванкевич Е.В.* Предпосылки и факторы развития социального предпринимательства в Республике Беларусь // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2018. – № 1 (34). – С. 164–178.

11. *Манахова И.В.* Социальное предпринимательство как экономическое явление // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 4 (29). – С. 166–174.

12. *Московская А.А., Соболева И.В.* Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Экономика и экономические науки. – 2016. – № 6 (159). – С. 103–111.

13. *Прутворова Т.П., Петренко Е.С., Аяганова М.П.* Некоммерческий сектор как базис социального предпринимательства в Казахстане: потенциал и модели развития // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 4. – С. 919–932.

14. *Alter K.* Social enterprise typology. – Virtue Ventures LLC, 2007.

15. *Alvord S.H., Brown L.D., Letts C.W.* Social entrepreneurship and societal transformation // Journal of Applied Behavioral Science. – 2004. – No. 40 (3). – P. 260–282.

16. *Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J.* Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? // Entrepreneurship Theory and Practice. – 2006. – No. 30 (1). – P. 1–22.

17. *Boschee J., McClurg J.* Toward a better understanding of social entrepreneurship: some important distinctions. – URL: <https://www.law.berkeley.edu/php-programs/courses/fileDL.php?fid=7289> (дата обращения: 12.04.2020).

18. *Dees J.G.* The Meaning of “Social Entrepreneurship”. – URL: https://centers.fuqua.duke.edu/case/wp-content/uploads/sites/7/2015/03/Article_Deess_MeaningofSocialEntrepreneurship_2001.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

19. *Defourny J., Nyssens M.* Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and the United States: convergences and divergences // Journal of Social Entrepreneurship. – 2010. – No. 1. – P. 32–53.

20. Mair J., Marti I. Social entrepreneurship research: a source of explanation, prediction, and delight // Journal of World Business. – 2006. – Vol. 41, Iss. 1. – P. 36–44.
21. Martin R.J., Osberg S. Social entrepreneurship: the case for definition // Stanford Social Innovation Review. – 2007. – Spring. – P. 29–39.
22. Nicholls A. Introduction // Social Entrepreneurship: New Models of Sustainable Social Change / Ed. by A. Nicholls. – Oxford University Press, 2008. – P. 1–35.
23. Thompson J., Doherty B. The diverse world of social enterprise: a collection of social enterprise stories // International Journal of Social Economics. – 2006. – Vol. 33, No. 5/6. – P. 361–375.

Информация об авторе

Кадол Наталья Федоровна (Республика Беларусь, Гомель) – кандидат экономических наук, докторант Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Республика Беларусь, 246032, Гомель, ул. Тимофеевко, 12/18). E-mail: NKadol@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20210206

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 135–161

N.F. Kadol

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT PROCESSES IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

In the modern world, an objective need for significant socio-economic transformations is acute. This need is due to a few reasons, among which it is worth noting the income stratification, economic crises, and political instability. One of the effective tools aimed at solving these problems is social entrepreneurship. Given that social entrepreneurship is understudied and needs further elaboration, the article discusses the development of social entrepreneurship in the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU). This made it possible to identify a sufficient degree of unity of social entrepreneurship development in the territory of the EAEU at the functional-activity level.

In these countries, social entrepreneurship shows high overlap in the overwhelming number of focus areas. It is most often represented in social protection and rehabilitation, healthcare, sports and tourism, and education. Organizations of social entrepreneurship, as a rule, target socially vulnerable categories of citizens. The problems inherent in the current state of social entrepreneurship in the EAEU countries are also very similar. They should include imperfection of its legislative regulation, insufficient infrastructure support, low level of identification in society, as well as lack of an accounting system and regular monitoring.

Keywords: entrepreneurship; social entrepreneurship; economic development; non-profit organizations; legal forms; integration; Eurasian Economic Union

For citation: *Kadol, N.F. (2021). Opyt razvitiya sotsialnogo predprinimatelstva v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Social entrepreneurship development processes in the countries of the Eurasian Economic Union]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 135–161. DOI: 10.15372/REG20210206.*

References

1. *Aganbegyan, A.B. (2018). O prioritetakh sotsialnoy politiki [On the Priorities of Social Policy]. Moscow, Delo Publ., RANEPa, 540.*
2. *Barkov, A.V. (2012). Sotsialnoe predprinimatelstvo v usloviyakh formirovaniya pravovoy modeli rynka sotsialnykh uslug [Social entrepreneurship in conditions of formation of legal model of market of social services]. Predprinimatelskoe pravo [Entrepreneurial Law], 2, 28–32.*
3. *Blagov, Yu.E. & Yu.N. Aray. (2010). Sotsialnoe predprinimatelstvo: problemy tipologii: (predislovie k razdelu) [Social entrepreneurship: the problems of typology (preface to the section)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Menedzhment [Vestnik of Saint Petersburg University. Management], 3, 111.*
4. *Vetrova, E.A. (2015). Sotsialnoe predprinimatelstvo kak faktor sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva [Social business as a factor of socioeconomic development of the society]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Tambov University Review: Series Humanities], 1 (141), 20–24.*
5. *Grishina, Ya.S. (2017). Perspektivy i predposylki legalizatsii sotsialnogo predprinimatelstva v Rossii [Prospects and prerequisites for the legalization of social entrepreneurship in Russia]. In: V.G. Golubtsov & O.A. Kuznetsova (Eds.). Sedmoy Permskiy*

kongress uchenykh-yuristov. Sb. nauch. statey [The Seventh Perm Congress of Legal Scholars. Collection of scientific articles]. Perm, 361–369.

6. *Degtyareva, S.V. & T.O. Degtyaryova.* (2019). Sotsialnoe predprinimatelstvo kak istochnik sotsialnykh izmeneniy v sovremennoy ekonomike: sistemnyy podkhod [Social entrepreneurship as the source of the social changes in modern economy: system approach]. Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Ekonomika [Herald of Omsk University], Vol. 17, No. 2, 99–111.

7. *Bordachev, T.V., K.O. Vishnevskiy, M.K. Glazatova et al.; & T.A. Meshkova* (Ed.). (2019). Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya: perspektivy razvitiya i strategicheskie zadachi dlya Rossii: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 9–12 apr. 2019 g. [Eurasian economic integration: Prospects for development and strategic tasks for Russia: Report to the 20th April int. sci. conf. on the problems of economic and social development. Moscow, April 9–12, 2019]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 123. Available at: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/262128617> (date of access: 12.04.2020).

8. *Zhokhova, V.V.* (2015). Sotsialnoe predprinimatelstvo: kontseptsiya, sushchnost i znachenie [Social entrepreneurship: concept, essence and meaning]. Sovremennaya konkurentsia [Journal of Modern Competition], Vol. 9, No. 4, 77–100.

9. *Klindukh, R.V.* (2019). Sotsialnoe predprinimatelstvo: ponyatiyno-terminologicheskaya sistematizatsiya [Social entrepreneurship: conceptual and terminological systematization]. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], Vol. 9, No. 3, 167–178.

10. *Kraenkova, K.I. & E.V. Vankevich.* (2018). Predposylki i faktory razvitiya sotsialnogo predprinimatelstva v Respublike Belarus [Prerequisites and factors of social entrepreneurship development in the Republic of Belarus]. Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Vestnik of Vitebsk State Technological University], 1 (34), 164–178.

11. *Manakhova, I.V.* (2011). Sotsialnoe predprinimatelstvo kak ekonomicheskoe yavlenie [Social entrepreneurship as an economic phenomenon]. Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 4 (29), 166–174.

12. *Moskovskaya, A.A. & I.V. Soboleva.* (2016). Sotsialnoe predprinimatelstvo v sisteme sotsialnoy politiki: mirovoy opyt i perspektivy Rossii [Social entrepreneurship in the system of social policy: global experience and prospects for Russia]. Ekonomika i ekonomicheskie nauki [Economics and Economic Sciences], 6 (159), 103–111.

13. *Pritvorova, T.P., E.S. Petrenko & M.P. Ayaganova.* (2018). Nekommercheskiy sektor kak bazis sotsialnogo predprinimatelstva v Kazakhstane: potentsial i modeli razvitiya [Non-profit sector as a basis for social entrepreneurship in kazakhstan: potential and development models]. Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Journal of Entrepreneurship], Vol. 19, No. 4, 919–932.

14. *Alter, K.* (2007). Social enterprise typology. Virtue Ventures LLC, 12.

15. *Alvord, S.H., L.D. Brown & C.W. Letts.* (2004). Social entrepreneurship and societal transformation. *Journal of Applied Behavioral Science*, 40 (3), 260–282.
16. *Austin, J., H. Stevenson, J. Wei-Skillern.* (2006). Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? *Entrepreneurship Theory and Practice*, 30 (1), 1–22.
17. *Boschee, J. & J. McClurg.* (2003). Toward a better understanding of social entrepreneurship: some important distinctions. *Berkeley.edu*. Available at: <https://www.law.berkeley.edu/php-programs/courses/fileDL.php?fileID=7289> (date of access: 12.04.2020).
18. *Dees, J.G.* (2001). The meaning of social entrepreneurship (original draft: 1998, revised 2001). Duke University, the Fuqua School of Business. Available at: URL: https://centers.fuqua.duke.edu/case/wp-content/uploads/sites/7/2015/03/Article_Deess_MeaningofSocialEntrepreneurship_2001.pdf (date of access: 12.04.2020).
19. *Defourny, J. & M. Nyssens.* (2010). Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and the United States: convergences and divergences. *Journal of Social Entrepreneurship*, 1, 32–53.
20. *Mair, J. & I. Marti.* (2006). Social entrepreneurship research: a source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*, Vol. 41, Iss. 1, 36–44.
21. *Martin, R.J. & S. Osberg.* (2007). Social entrepreneurship: the case for a definition. *Stanford Social Innovation Review*, Spring, 29–32.
22. *Nicholls, A.* (2008). Introduction. In: A. Nicholls. (Ed.). *Social Entrepreneurship: New Models of Sustainable Social Change*. Oxford, Oxford University Press, 1–35.
23. *Thompson, J. & B. Doherty.* (2006). The diverse world of social enterprise: a collection of social enterprise stories. *International Journal of Social Economics*, Vol. 33, No. 5/6, 361–375.

Information about the author

Kadol, Natallia Fedorovna (Gomel, Belarus) – Candidate of Sciences (Economics), doctoral student at the Graduate School of Corporate Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (12/18, Timofeenko st., Gomel, 246032, Belarus). E-mail: NKadol@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 26.06.2020.

После доработки 12.11.2020.

Принята к публикации 16.11.2020.

© Кадол Н.Ф., 2021

М.В. Кондратьев, О.П. Фадеева

ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ: КЕЙСЫ СИБИРСКИХ СЕЛ

Сельское местное самоуправление как самостоятельный политический институт демонстрирует явные признаки деградации, его эффективность и дееспособность со временем заметно снижаются. Сокращение полномочий и финансовых ресурсов местной власти приводит к развитию деструктивных явлений и процессов: ухудшается состояние объектов сельской инфраструктуры, развиваются негативные демографические тенденции. Цель исследования состояла в том, чтобы оценить, каким образом этим тенденциям может противостоять самоорганизация сельских жителей, выявить и классифицировать формы инициативного участия сельского населения в местном самоуправлении. Обобщение результатов социологического исследования с использованием метода case study в сельских поселениях Новосибирской области и Красноярского края позволило выделить основные виды формальных и неформальных практик участия местных жителей в инициировании проектов благоустройства территории, социальной поддержки и в решении других локальных вопросов.

Сделан вывод, что недостаточная эффективность работы органов местной власти, их слабая ресурсная обеспеченность и неготовность к диалогу с населением влекут за собой появление неформальных типов участия жителей в жизни села. Неформальные практики могут способствовать росту сплоченности местных сообществ и содействовать не только сохранению, но и развитию сельских поселений. Активное вовлечение сельского населения в разные формы участия позволяет отчасти компенсировать дефекты местного самоуправления и противодействовать негативным тенденциям в сфере жизнеобеспечения сельских поселений.

Ключевые слова: местное самоуправление; сельские поселения; практики участия; самоорганизация; локальные сообщества; Сибирь, Новосибирская область; Красноярский край

Для цитирования: *Кондратьев М.В., Фадеева О.П.* Практики участия населения в местном самоуправлении: кейсы сибирских сел // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). С. 162–183. DOI: 10.15372/REG20210207.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Институт местного самоуправления в постсоветской России восходит к принятому в октябре 2003 г. Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. В этом законе подробно описаны правовая основа этого института, разделение сфер ответственности федеральных и муниципальных органов власти, структура территориальных образований и органов местного самоуправления, распределение полномочий в решении вопросов местного значения между разными ветвями власти, экономическая основа осуществления власти на местах (источники формирования местных бюджетов и дополняющих их процедур самообложения), способы и механизмы непосредственного участия населения в управлении и другие аспекты местного самоуправления.

За почти двадцатилетний период, прошедший с момента «запуска» данного института, в его первоначальный замысел были внесены существенные коррективы. Так, были расширены полномочия субъектов РФ в регулировании вопросов организации местного самоуправления и облегчены процедуры упразднения поселений и муниципальных районов. Кардинальным образом сократилось количество полномочий муниципальной власти на низовом уровне (с 39 до 13) в сочетании с перераспределением налоговых доходов. Наверх

¹ См.: *Федеральный закон* от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL: https://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

(от поселений к районам, а в некоторых случаях – от городских округов к субъектам РФ) помимо части налоговых отчислений были переданы функции управления муниципальным имуществом, и прежде всего землей [14]. По мнению Э.Э. Маркварта [8], произошедшие законодательные изменения способствовали «регулируемому встраиванию» местного самоуправления в централизованную систему государственной власти. Некоторые авторы полагают, что в недалеком будущем в России в рамках формирования новой системы публичной власти автономия низовых звеньев территориальной структуры власти не сохранится даже на бумаге [3; 11; 12].

Перераспределение полномочий между разными ветвями власти и изменения в структуре закрепленных за ними бюджетных источников способствовали снижению самостоятельности в деятельности как сельских, так и городских муниципалитетов, изначально гарантированной Конституцией РФ. Помимо этого, кардинальным образом изменился порядок формирования местных органов власти. В большинстве случаев прямые выборы глав поселений, муниципальных районов, городских округов стали замещаться конкурсными процедурами, посредством которых местные депутаты, а не жители поселений стали выбирать, а точнее сказать, назначать руководителей территориальных образований [7]. При выборе глав муниципальных районов значительный вес приобрели пожелания губернаторов и других руководителей субъектов Федерации, представляющих своих кандидатов на эти должности. В результате спущенные сверху кадровые рекомендации в меньшей степени стали учитывать мнения граждан, проживающих на этих территориях, и представителей местных бизнес-структур. Стремительный ход набрал процесс слияния территориальных образований, объединения сельских районов в городские округа, а также другие новации в деле «оптимизации» местных органов власти вплоть до упразднения первичной сети сельских муниципалитетов (сельсоветов)².

² См.: *Спешить* медленно. Власти Алтайского края взвесили «за» и «против» ликвидации сельсоветов. – URL: <https://politsib.ru/news/40911-spesit-medlenno-vlasti-altajskogo-kraa-vzvesili-za-i-protiv-likvidacii-selsovetov>.

Сложно однозначно оценить успешность предпринятых усилий для повышения эффективности работы властной вертикали на отдельных территориях. Как правило, ее измеряют экономией затрат на содержание управленческого аппарата, причем без учета таких моментов, как улучшение доступности различных общественных благ для жителей «реорганизованных» территорий. Потребность в подобных административных изменениях и их результативность во многом определяются экономическим потенциалом самих территорий: успешностью и диверсифицированностью местного бизнеса, объемами финансовых потоков и генерируемых ими налоговых отчислений, ситуаций на локальных рынках труда. В этом смысле хозяйственная и политическая слабость местной власти и вызванные этим проблемы финансирования поселенческой инфраструктуры становятся производными от уровня экономического развития территории [6].

В сельской местности рыночные реформы привели к серьезным изменениям [1]. За два последних десятилетия в российских, в том числе сибирских, регионах в несколько раз уменьшилось число действующих сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств, способных принимать активное участие в социально-экономическом развитии сел и выполнять функции надежных налогоплательщиков [5; 13]. Заметно сократилось количество рабочих мест. Отсутствие работы обернулось ростом трудовой миграции жителей села в крупные города и на вахту в регионы добычи природных ископаемых. Таким образом сельские территории лишились значительного числа постоянных жителей, и прежде всего мужчин [9].

Институциональные изменения системы местного самоуправления, которые, вслед за А.А. Аузаном, можно рассматривать как «изменения, распространяемые в соответствии с разработанным планом» [2, с. 221], не решили главные проблемы территориального развития. Из-за перманентного недофинансирования во многих российских селах происходит деградация систем жизнеобеспечения (дорожной сети, систем водо- и теплоснабжения и др.), снижается доступность медицинских и образовательных услуг, сокращаются возможности для организации досуга, не решаются проблемы со сбором, хранением и утилизацией бытовых отходов. Надежды на централизацию средств и полномочий на уровне района или субъекта Федерации

в основном себя не оправдали: больше денег на нужды отдельных поселений выделяться не стало, а перераспределение зон ответственности драматически сократило возможности администраций сельских поселений в решении насущных проблем. Местные бюджеты превратились в хронических реципиентов бюджетов верхнего уровня [10]. Перечисляемые им дотации (прежде всего на выравнивание бюджетной обеспеченности в зависимости от количества зарегистрированных жителей), целевые субсидии и субвенции, как правило, обеспечивают только минимум средств для оплаты труда муниципальных служащих и работников организаций культуры (единственной сферы, сохранившейся в зоне ответственности сельских администраций) и для финансирования части работ по содержанию (в редких случаях – модернизации) территории поселений. Эти межбюджетные отношения, по сути, камуфлируют факт слабой дееспособности сельских муниципальных образований и их фактическое банкротство.

Подобный характер экономических и институциональных трансформаций усилил запрос на поиск нетрадиционных механизмов сохранения сел и деревень, среди которых все чаще стали рассматриваться способы усиления участия населения в развитии своих территорий, которые могли бы хотя бы отчасти компенсировать провалы института местной власти. Цель данной статьи – на примере нескольких территориальных образований, расположенных в сельских районах Новосибирской области и Красноярского края, представить разные практики участия населения в местном самоуправлении, сопряженные с ними возможности и ограничения, а также мотивы и причины вовлечения сельчан в проекты улучшения их среды обитания.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социологическое исследование в формате case study было проведено в 2018–2020 гг. на территории Куйбышевского района Новосибирской области и Енисейского района Красноярского края. Для исследования были выбраны следующие населенные пункты: с. Абрамово (Новосибирская область), с. Верхнепашино, пос. Кривляк, с. Плотбище (Красноярский край). Выбор поселений был не случай-

ным, он основывался на предварительном анализе проявлений гражданской активности, описанных в местной печати³. В сельской местности именно районные газеты отражают хронику текущих событий, формирующих локальную новостную ленту. В жанре «пишем в редакцию» публикуются заметки о проводимых в разных поселениях общественных акциях и организованных праздниках, о благоустройстве очередной улицы или о решении той или иной социальной проблемы. Авторы этих заметок – самодеятельные журналисты из числа неравнодушных активистов, которые таким образом держат публичный отчет перед своими односельчанами за выполнение взятой на себя общественной нагрузки. В своих материалах они не просто отражают факты, но и подробно повествуют о том, как все происходило: кто предложил идею, каким образом удалось воплотить ее в жизнь, какие средства были привлечены, что удалось, а что не удалось сделать.

С жителями обследуемых сел были проведены интервью, касающиеся мотивов и способов их участия в разных электоральных кампаниях, в инициативных проектах по благоустройству территорий поселений и в других событиях местной жизни. Всего было проведено 20 интервью, в том числе с лидерами общественных организаций и представителями местных органов власти.

Обследованные поселения довольно сильно отличаются друг от друга. Два из них – села Абрамово и Верхнепашино относятся к числу крупных: в 2019 г. в Абрамово было зарегистрировано 1 306 чел., в Верхнепашино – 2 340 чел. Эти села расположены недалеко (на расстоянии 8–9 км) от районных центров, что обеспечивает жителям доступ к более разнообразным рабочим местам. Два других населенных пункта – лесной поселок Кривляк и с. Плотбище насчитывают меньшее количество жителей (около 800 и 300 чел. соответственно), при этом пос. Кривляк относится к числу удаленных (расстояние до райцентра составляет более 300 км) и труднодоступных терри-

³ Объектами анализа стали публикации в официальных печатных изданиях – в куйбышевской газете «Трудовая жизнь» и в газете «Енисейская правда», распространяемой в г. Енисейске и Енисейском районе. Обе газеты имеют электронные и печатные версии.

торий. Добраться до поселка можно лишь самолетом или по Енисею в период речной навигации.

В каждом из этих населенных пунктов сложилась особая экономическая ситуация. В с. Абрамово до 2018 г. работало крупное сельхозпредприятие широкого профиля, которое было ликвидировано в результате банкротства. На момент обследования локальный рынок труда был представлен небольшим количеством фермерских хозяйств, предприятий торговли, услуг и бюджетных организаций. В отличие от села в Новосибирской области, работа в красноярских поселениях в основном была связана с лесозаготовительной деятельностью, сбором дикоросов, ловлей рыбы и, в меньшей степени, с сельским хозяйством. Также у жителей сел Красноярского края приобрел популярность вахтовый способ работы «на северах» – на золоторудных приисках, в местах добычи нефти и газа. Наиболее крупный работодатель в рамках нашей выборки – лесоперерабатывающий завод холдинга «Сиблеспроект» находился в с. Верхнепашино. Несмотря на то что он обеспечивал рабочими местами более 200 местных жителей, значительная часть налоговых отчислений от результатов его деятельности местному бюджету не доставалась, а направлялась по месту регистрации головной организации. Тем не менее благодаря спонсорской помощи этого крупного предприятия местной администрации удалось реализовать несколько социальных проектов, новое дыхание обрела сельская школа искусств. В двух других населенных пунктах края организованной экономической деятельности, по сути, не осталось. Кроме традиционных организаций бюджетной сферы (школа, клуб и проч.) работали отдельные частные лесопилки, при этом местное население активно промышляло полулегальной заготовкой и транспортировкой леса.

Бюджетная обеспеченность в расчете на одного зарегистрированного жителя во всех четырех поселениях в течение трех лет варьировалась в пределах от 5 до 9 тыс. руб. Рост поступлений в сельские бюджеты в отдельные годы был вызван не увеличением налогооблагаемой базы или другими экономическими процессами, а включением населенного пункта в какие-то региональные программы, связанные с ремонтом дорог, обустройством центра населенных пунктов и расселением жителей из ветхого жилья. В другие годы расходы местных

бюджетов в основном направлялись на статью «Общегосударственные вопросы», из которой финансировалась деятельность местных администраций, и статью «Культура» – для оплаты труда работников клубов, музыкальных школ и других объектов, оставшихся на балансе муниципалитетов. За трехлетний период в сельских бюджетах практически обнулилась статья «Социальная защита» – в связи с передачей соответствующих полномочий от муниципальных образований к региональным министерствам социальной политики или развития, а также другие статьи, связанные с эксплуатацией жилищно-коммунального хозяйства.

Поступления в бюджеты двух малых сельских поселений (Кривляк и Плотбище) на 95–96% носили дотационный характер. Таким образом, бюджеты других уровней власти как бы содержали эти населенные пункты за свой счет. Но межбюджетные отношения успешно маскируют тот факт, что активное освоение значительных лесных и других природных богатств этих территорий никак не влияет на возможности и условия их развития. Природная рента от масштабной лесозаготовки и экспорта сибирской древесины и других местных богатств поступает в совсем другие бюджеты и практически не доходит до сельского уровня.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ материалов обследования позволяет выделить содержательные элементы различных практик участия населения в местном самоуправлении и классифицировать его основные типы: представительное и проектное участие, ситуативная и проблемно ориентированная самоорганизация.

Представительное участие предполагает делегирование закрепляемых за населением полномочий и прав, связанных с решением вопросов местного значения, официальным органам местного самоуправления (сельским администрациям и советам депутатов) через участие в выборных процедурах. В этом случае практики самоуправления трансформируются в практики субъектно-объектного управления. Для населения это наиболее распространенный и простой способ

участия. Электоральная активность и уровень поддержки выбираемых глав администраций и депутатов у сельских жителей традиционно высоки, однако это не мешает избирателям активно критиковать «слуг народа» за бездеятельность или даже подозревать их в коррупции.

«У нас был тут такой глава администрации, над которым суд вроде до сих пор идет. Он и землей торговал, и компьютер унес из администрации домой. Начал строить себе коттедж – и тут его накрыли, так как он сильно разошелся» (Новосибирская обл.).

Депутатов сельских советов население старается выбирать без оглядки на их партийную принадлежность, а исходя из представлений о той пользе, которую они могли бы принести селу. Подобному прагматичному подходу следуют также работники сельских администраций, участвующие в предвыборных кампаниях. В последнее время они склонны предлагать в депутаты не кандидатов, готовых без каких-либо дискуссий голосовать за принятие очередного бюджета и других решений или же имеющих много свободного времени (речь идет о пенсионерах), а тех, кто имеет свой бизнес, материально хорошо обеспечен и потому может помочь с решением той или иной важной сельской проблемы.

«Раньше здесь то за коммунистов, то за другие партии голосовали. Вот и понавыбирали таких депутатов, которые стали быстро снимать с себя полномочия. Среди них много было пенсионеров, которым либо эта работа надоедала, либо они отказывались от нее из-за болезни. А нам как администрации приходилось эти выборы организовывать вновь. Но это дорого: нужно и работу выборной комиссии оплатить, и разные материалы напечатать. Сейчас пытаемся как-то донести до сознания населения, что поддерживать надо тех кандидатов, кто реально может помочь селу: машину щебня для ремонта пригнать или грейдер для расчистки дорог выделить» (Новосибирская обл.).

Разочарование в своих избранниках у сельчан наблюдается довольно часто. Причем уже на этапе агитации избиратели прекрасно осведомлены о позитивных и негативных качествах кандидатов, но все же надеются на «чудо» и покупаются на предвыборные обещания. Однако утрата доверия к конкретному депутату или главе админист-

рации не отменяет веру сельских жителей в важность выборных процедур. Они считают своей обязанностью присутствовать на собраниях граждан и общественных слушаниях, где главы поселений и депутаты отчитываются о своей деятельности или советуются с ними.

К числу других примеров представительного участия населения можно отнести разнообразные случаи подачи петиций в вышестоящие инстанции с просьбами о помощи в решении наболевших проблем или с жалобами на «властное бездействие» сельских глав. В интервью респонденты не раз отмечали свою «глубокую неудовлетворенность» тем, что происходит вокруг, однако сами не стремились что-то сделать для исправления сложившейся ситуации. При любом удобном случае им проще было высказать свою обеспокоенность по поводу происходящего, «перевести стрелки» на властные органы (ведь те отвечают за решение проблем) и расписаться в собственном бессилии.

«Дороги у нас не в лучшем положении. У сына есть машина, и он постоянно возмущается их состоянием, как только весна или осень наступают. Жалуемся в район: максимум грейдер приедет, когда уже совсем плохо становится» (Новосибирская обл.).

«Наша проблема в том, что район живет сам по себе. Я знаю работников районной администрации: больше, чем они делают сейчас, они не сделают. Нас не устраивает их работа, но мы не можем на это повлиять» (Красноярский край).

В отличие от представительного, **проектное участие** подразумевает более деятельную включенность сельского населения и предпринимателей в решение местных проблем. В последние годы это происходит благодаря набирающим популярность новым организационным формам, таким как инициативное бюджетирование [4] или грантовая поддержка. Этот способ участия, с одной стороны, предполагает высокую степень самоорганизации сельского сообщества и софинансирование расходов, а с другой стороны, проектируется сверху – через специально принимаемые программы на региональном уровне. В зависимости от сценария реализации проектов, которые, как правило, касаются вопросов благоустройства сельских территорий, распределяются роли участников. Местные жители создают инициативные группы, от лица которых выстраивается взаимодействие

с органами власти, ведется сбор денежных средств, изыскиваются возможности оказания дополнительного содействия, например со стороны бизнеса, в поддержке проектов⁴.

«Если что-то хотим сделать в селе, надеемся только на конкурс. Глава всегда помогает нам в этом: документы для участия в программе “Берег Енисея” помогала готовить администрация. Нам тоже много работы надо было сделать: сначала провести собрания в организациях, потом организовать поселковое собрание. Если в целом общественное мнение за нас, то дальше мы проводим анкетирование, чтобы определиться с идеей, ищем спонсора, прикладываем анкеты и фото. Чем больше информации подаешь на конкурс, тем легче будет там победить» (Красноярский край).

Население, которое активно не включено в проектную работу, осуществляет выбор одного из предлагаемых вариантов обустройства поселений: среди предложений могут быть строительство детской или спортивной площадки, ремонт участка дороги или реконструкция системы освещения. На сходах жители обсуждают порядок и нормативы самообложения каждого домохозяйства и другие формы участия, например проведение субботников.

«На сходе получилось обсудить, а затем сделать в поселке уличное освещение. Немного денег с населения собрали, всего по 50 рублей с человека. Полная сумма взносов от жителей составила 30 000 рублей. Теперь на улицах стало светло» (Красноярский край).

Жители, входящие в инициативную группу, занимаются проектированием и подготовкой конкурсной документации, следят за соблюдением публичности в принятии общих решений и за достижением

⁴ В качестве примера подобных программ можно назвать конкурс проектов местных инициатив «Берег Енисея», который проводится в рамках реализации государственной программы Красноярского края «Содействие развитию местного самоуправления». Конкурс предполагает создание инициативной группы из числа жителей муниципального образования, которые должны совместно с местной администрацией разработать и воплотить в жизнь проект по развитию инфраструктуры, благоустройству поселения. Программа предусматривает доленое участие граждан в финансировании проекта, которое должно составлять не менее 3% средств от его общей стоимости. В других программах доля софинансирования граждан может достигать до 30% и более.

консенсуса. Участие населения в такого рода проектах ограничено формальными требованиями и сроками реализации проекта, что составляет дополнительную сложность для его инициаторов и требует проведения специальной экспертизы. В то же время в рамках проекта четко формулируются цели, задачи, определяются конечный результат и объем необходимых средств. Также подробно прописывается ответственность исполнителей. Это способствует достижению запланированных результатов.

Мотивы своего участия в проектах инициативного бюджетирования опрошенные нами сельчане называли разные, но все они тем или иным образом сводились к тому, что созданное совместными усилиями общее благо (например, освещение поселка) обязательно отразится на благополучии каждого домохозяйства и повысит уровень безопасности жизни в селе. Параллельно с этими оценками звучали сомнения в справедливости перекладывания на людей финансирования тех услуг, которые должен оплачивать местный или региональный бюджет. Вместе с тем респонденты признавали, что в сложившейся ситуации по-другому улучшить условия проживания в сельской местности вряд ли получится: необходимых средств у местных бюджетов нет, поэтому нужно участвовать в различных конкурсах для получения дополнительных средств и затем – в финансировании инициативных проектов.

«Триста рублей, которые наша семья сдала на освещение, – не деньги для нас. То, что светло стало, – это здорово: дети раньше возвращались из школы по темени. Но вот сам принцип, что помимо налогов нам еще нужно какие-то фонды пополнять, непонятен. Но хотя кто, кроме нас, это будет делать?!» (Красноярский край).

Ситуативное участие сельчан в местном самоуправлении возможно при угрозе возникновения тех или иных чрезвычайных ситуаций – пожаров, наводнений и других природных катаклизмов, к которым, может быть, в полной мере не готовы ни местные власти, ни сами жители. В качестве примера стихийной инициативы в одном из обследованных нами сел можно назвать организацию временной пожарно-спасательной дружины в период весеннего пала травы, который привел к многочисленным возгораниям и создал угрозу для до-

мов и дач на территории поселения. Сельчане организовывали дежурства, активно помогали ликвидировать термические точки. В борьбе с огнем позитивно проявил себя и созданный относительно недавно институт старост улиц. Именно старосты взяли на себя функцию информирования населения и выявления нарушений.

Угрозы возникновения пожаров в селах возникают достаточно регулярно, но специализированных пожарных бригад, как правило, на местах нет. В лучшем случае в распоряжении администрации может быть пожарная машина, чаще всего не очень маневренная и не рассчитанная на тушение пожаров на больших площадях. Поэтому в интервью люди высказывались за то, чтобы жители ответственнее относились к борьбе с огнем, не поджигали траву, отслеживали ситуацию и имели в своих подворьях предназначенное для тушения пожаров оборудование. Респондентов очень расстраивала беспечность и односельчан, и горожан, приезжающих на отдых в сельскую местность.

«С поджогом травы каждый год история повторяется. Люди думают, что клещей так потравят, кто-то просто так поджигает. Здесь на три села одна “буханка” (УАЗ. – Авт.) с лестницей, куда будут приставлять ее – непонятно. Лесоохрана нам не положена, это же не лес горит. Пока уазик до нас доедет, пожар может и на дома уже перекинуться. Мы стараемся поглядывать по сторонам, сигнализировать, если вдруг заметим возгорание. Хорошо, что тракторы у людей остались. У всех есть бочки – нас попросили их завести» (Новосибирская обл.).

Стихийный и неформальный характер такого типа участия обусловлен трудно идентифицируемой внутригрупповой системой управления, координации и контроля. Каждый из участников стихийных акций отвечает только за выполнение своей задачи, зачастую им и предложенной, исходя из самооценки собственных возможностей и ресурсов. Людьюми движет беспокойность за благополучие близких и судьбу своих усадеб. Успех в немалой степени зависит от степени солидаризации населения для решения общей задачи, предотвращения общей угрозы. В отдельных случаях, когда сельское сообщество не в состоянии повлиять на преодоление режима ЧС (объявленного или нет), формой проявления ситуативного участия могут стать пикеты, митинги или другие собрания граждан, которые

организуются без соблюдения установленных процедур и правового оформления решений.

Проблемно ориентированная самоорганизация сельских жителей возникает в ответ на неэффективность действующих властных институтов для разрешения проблемных ситуаций в границах поселений. Для такого рода самоорганизации требуется наличие активных и обладающих авторитетом неформальных лидеров. Лидеры организуют внутригрупповую коммуникацию, разрабатывают планы реализации возникающих инициатив, ищут спонсоров. При этом местные сообщества могут опираться на свои культурные, религиозные и другие локальные традиции. Специфика сельской жизни способствует образованию разных неформальных коллективов, состоящих из людей, объединенных совместным проживанием на одной территории, т.е. дружескими, соседскими и родственными отношениями. Для активных жителей сельских поселений понятия «патриотизм» и «гражданская ответственность» – не пустой звук. Они привыкли часто собираться вместе, чтобы обсудить актуальную повестку, в кооперации с представителями официальной власти найти способы достойного проведения Дня села или организации историко-рекреационной зоны.

«Как правило, у тех, кто работает, нет времени для участия в таких мероприятиях. Но в клубе у нас полный зал собирается, голосуем, решаем. Сельсовет с нами советуется, глава администрации на всех собраниях присутствует» (Красноярский край).

Другой пласт внутрисельской самоорганизации касается оказания адресной помощи пожилым жителям, семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. В одном из поселков, вошедших в нашу выборку, действует волонтерский отряд, готовый отреагировать на те или иные «местные вызовы», связанные в том числе с внезапно обрушившейся пандемией коронавируса.

«Сейчас, после объявления карантина, мы всем нашим бабушкам носим продукты домой. Социальный работник у нас в поселке остался один, других “оптимизировали”. Помогаем всем, кому помощь нужна, иначе ни социальный работник, ни единственный социальный педагог в школе с этим не справятся» (Красноярский край).

В качестве информационных каналов для самоорганизации в сибирских селах используются современные средства связи: мессенд-

жеры, социальные сети. Население постарше для трансляции просьб о помощи предпочитает надежное «сарафанное радио».

«На WhatsApp люди иногда пишут, что нуждаются в какой-то помощи, тут же можно спросить, как помочь. Еще в “Одноклассниках” группа есть, но там в основном реклама идет: кто-то птицу продает, кто-то холодильник. Моя бабушка все новости о том, что где происходит, кто в чем нуждается, узнает, когда в магазин сходит или на почту» (Красноярский край).

Таким образом, «оптимизированные» функции власти могут отчасти компенсироваться самостоятельной инициативой. Люди прекрасно осведомлены о том, кто из односельчан находится в зоне риска, но не имеет поддержки от государства, и без указки сверху готовы прийти на помощь.

Обобщенное описание разработанной нами типологии практик самоуправления, имеющих формальный и неформальный характер, представлено в таблице. Выделенные типы участия сельчан в местном самоуправлении могут сочетаться друг с другом в зависимости от локальной специфики: социально-экономической ситуации в конкретном поселении, сложившихся отношений между властью и населением, присутствия разных групп интересов. Уровень социально-экономического развития обследованных сельских поселений в определенной степени обусловлен состоянием управленческой системы и ее трансформациями. Деградацию поселенческой инфраструктуры и последствия самых разнообразных «оптимизаций», которые мы зафиксировали в Новосибирской области и Красноярском крае, можно наблюдать также в селах и поселках других регионов России. Однако возможностей и ресурсов для развития у периферийных удаленных территорий Сибири, на наш взгляд, существенно меньше. Недаром из преимуществ сельского образа жизни наши респонденты отметили лишь два пункта – сибирскую природу и свежий воздух, в то время как другие характеристики места жительства – наличие работы, состояние дорог, доступность базовых услуг (медицина, жилищно-коммунальное хозяйство, культура, спорт и рекреация, в том числе условия для занятий с детьми) оценивались, как правило, довольно низко.

Типология практик участия сельского населения в местном самоуправлении

Типы участия населения в местном самоуправлении	Практики участия населения в местном самоуправлении	Мотивы и причины вовлечения населения в практики участия
<i>Формальный характер участия</i>		
Представительное участие	<ul style="list-style-type: none"> Участие в выборах в местные органы власти. Обращения (жалобы) в местные органы власти. Участие в отчетных мероприятиях и слушаниях 	<ul style="list-style-type: none"> Политическая позиция и доступность ее проявления. Неудовлетворенность качеством работы местных органов власти. Навыки и традиции участия в электоральных кампаниях
Проектное участие (подготовка проектов на конкурс и организация софинансирования)	<ul style="list-style-type: none"> Инициация проекта. Реализация проекта. Финансирование проекта (самообложение, привлечение спонсорской помощи от бизнес-структур) 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие необходимых средств у официальных органов власти. Наличие региональных программ поддержки для реализации дорогостоящих сельских проектов. Заинтересованность жителей и бизнес-структур в развитии социальной и инженерно-технической инфраструктуры села
<i>Неформальный характер участия</i>		
Ситуативная самоорганизация	<ul style="list-style-type: none"> Посильное противодействие чрезвычайным ситуациям. Ликвидация последствий стихийных бедствий 	<ul style="list-style-type: none"> Ситуативное бездействие уполномоченных лиц. Удаленность (отсутствие) оборудования и объектов инженерной инфраструктуры. Прямая угроза безопасности жизни населения, жилищной и деловой зонам поселений
Проблемно ориентированная самоорганизация	<ul style="list-style-type: none"> Помощь односельчанам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Самодетельная реализация социально ориентированных инициатив. Самодетельная реализация инициатив по развитию инфраструктуры поселения 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие необходимых средств и полномочий у официальных органов власти. Гражданская позиция представителей инициативной группы. Навыки и традиции самоорганизации локальных сообществ

Как уже отмечалось выше, наиболее деятельные руководители администраций сельских поселений и местные активисты пытаются улучшить локальные условия жизни за счет участия в конкурсах проектов инициативного бюджетирования, которые спускаются сверху. Хотя не всегда уже готовые проектные решения могут охватить весь спектр сельских проблем, но для сохранения поселений важна любая возможность привлечения дополнительных ресурсов. Сельчане редко отказываются от участия в разного рода слушаниях, выборах проектов и процедурах самообложения для претворения в жизнь хоть и скромных (особенно по городским меркам) мер по улучшению жизненного пространства. Как правило, речь идет о частичной модернизации системы уличного освещения (буквально в пределах одной улицы) или создании единственной на территории села детской или спортивной площадки.

ВЫВОДЫ

Обобщение результатов обследования позволило построить классификацию практик участия сельского населения в местном самоуправлении. Часть спектра формализованных практик отнесена нами к типу представительного участия, при котором жители полностью делегируют свои права официальным органам власти. Другим относительно новым форматом стало проектное (конкурсное) участие, которое подразумевает получение сельскими активистами в кооперации с местной администрацией прав на реализацию проекта развития с привлечением средств региональных и местных бюджетов, а также пожертвований от населения и бизнеса. Неформальное участие населения рассматривается нами в рамках ситуативной и проблемно ориентированной самоорганизации.

Своеобразную роль в местном самоуправлении играют люди пенсионного возраста. Они инициатируют проекты по благоустройству и развитию территорий и возглавляют движение по их реализации. При этом стоит отметить, что молодые жители далеко не всегда солидарны с инициативами старших по преобразованию окружающей среды. У них могут вызывать отторжение предлагаемые возрастными активистами проекты и структуры неформального взаимодействия.

По этой причине человеческий капитал сельской молодежи может оставаться невостребованным, а потребности молодых сельчан – неудовлетворенными.

Усилившийся в последние несколько лет тренд на более активное вовлечение граждан в принятие решений, касающихся развития «малой родины» (места проживания)⁵, не снимает вопрос о необходимости возвращения местным органам власти полномочий реального самоуправления и соответствующих ресурсов. В условиях, когда решение ключевых вопросов жизнеобеспечения передано наверх (будь то полномочия по распоряжению землей, обустройству территории и уходу за ней, включая передачу ответственности за утилизацию мусора единому оператору), не следует ожидать, что образовавшиеся из-за сжатия сферы действия муниципальной власти лакуны будут заполнены практиками самоорганизации. В специфических условиях выживания или же при создании общин экологического или религиозного толка люди в своей повседневной жизни вполне могут обойтись без участия государства. Но в «нормальных условиях» удалять официальную власть все дальше и дальше от населения под лозунгом оптимизации и централизации как минимум недальновидно. В то же время, как показало наше исследование, не надо отказываться от уже сложившегося потенциала гражданской активности и жизнеспособных локальных практик. Важно подумать над тем, как можно и дальше стимулировать и конструировать механизмы самоорганизации, чтобы учесть интересы разных групп, предотвратить острые конфликты и обеспечить возможность консенсуса при взаимодействии власти, бизнеса и населения.

*Статья подготовлена по плану НИР СО РАН, проект
«Акторы, драйверы, последствия социальных изменений
в современном обществе: теория и эмпирика» № 121040100280-1*

⁵ Согласно положениям Федерального закона от 20.07.2020 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» с 1 января 2021 г. в России заработал Закон о «народном» бюджетировании (URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/63662.html/>).

Список источников

1. *Андреенков С.Н.* Реформирование системы хозяйств и землепользования в 1990-е гг. в Новосибирской области // *Крестьяноведение*. – 2019. – Т. 4, № 4. – С. 58–75.
2. *Аузан А.А.* Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. – М.: Проспект, 2016. – 543 с.
3. *Блинова Н.В.* Инфляция местного самоуправления // *PolitBook*. – 2019. – № 2. – С. 63–83.
4. *Вагин В.В., Шаповалова Н.А.* Инициативное бюджетирование и смежные практики // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2016. – № 38. – С. 2–19.
5. *Дец И.А.* Агропромышленный комплекс Сибири как ресурс территориального развития // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология*. – 2019. – № 3. – С. 38–53.
6. *Копотева И.В.* Теоретические подходы к изучению реформы местного самоуправления в России // *Крестьяноведение*. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 31–55.
7. *Майкова Э.Ю., Симонова Е.В.* Проблема использования механизма выборов при формировании органов местного самоуправления в современной России // *Власть*. – 2014. – № 11. – С. 105–109.
8. *Маркварт Э.Э.* Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // *Российский экономический журнал*. – 2016. – № 6. – С. 3–17.
9. *Между домом и... домом: Возвратная пространственная мобильность населения России* / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.
10. *Мысляева И.Н., Науменко Т.В.* Специфика финансовых механизмов местного самоуправления в России // *Журнал исследований социальной политики*. – 2020. – № 1. – С. 69–82.
11. *Платонов В.М.* Принцип единства исполнительной власти в федеративном устройстве современной России // *Вестник РУДН. Сер.: Социология*. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 145–160.
12. *Позаненко А.А.* Последствия укрупнения сельских поселений: взгляд снизу // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2015. – № 1. – С. 168–184.
13. *Фадеева О.П.* Оскудеет ли сибирская нива? Аграрная политика в зеркале всероссийских сельскохозяйственных переписей // *ЭКО*. – 2018. – № 12. – С. 143–162.
14. *Фадеева О.П.* Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // *ЭКО*. – 2019. – № 4. – С. 71–94.

Информация об авторах

Кондратьев Михаил Викторович (Россия, Новосибирск) – аспирант Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: kondratev.post@gmail.com.

Фадеева Ольга Петровна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17); доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2). E-mail: fadeeva@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20210207

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 162–183

M.V. Kondratyev, O.P. Fadeeva

PRACTICES OF PUBLIC PARTICIPATION IN LOCAL SELF-GOVERNANCE: CASE STUDIES OF SIBERIAN VILLAGES

Rural local self-governance as an independent political institution shows clear signs of degradation, its efficiency and capacity decreasing markedly over time. With local administrations having fewer powers and financial resources, destructive phenomena and processes are taking shape: rural infrastructure facilities are deteriorating, and negative demographic trends are emerging. This study intends to assess how these trends can be counteracted with rural residents self-organizing, to identify and classify the forms of public initiative participation in local self-governance. Having generalized the results of sociological research and presented them as case studies of rural settlements in Novosibirsk Oblast and Krasnoyarsk Krai, we managed to determine the main types of formal and informal public participation practices in initiating projects aimed at territorial improvement, social support, and other local issues.

We conclude that local authorities' insufficient performance, poor resource endowment, and unpreparedness for dialogue with the population encourage informal types of public participation in the life of the village. Such informal practices can draw local communities closer and help not only preserve but improve rural settlements. If the rural population is actively involved in various forms of public participation, it may partially compensate for the local government defects and counteract negative trends pertinent to sustaining the village.

Keywords: local self-governance; rural settlements; practices of participation; self-organization; local communities; Siberia; Novosibirsk Oblast; Krasnoyarsk Krai

For citation: *Kondratyev, M.V. & O.P. Fadeeva. (2021). Praktiki uchastiya naseleniya v mestnom samoupravlenii: keysy sibirskikh syol [Practices of public participation in local self-governance: case studies of Siberian villages]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 162–183. DOI: 10.15372/REG20210207.*

The publication is prepared within the research plan of the IEIE SB RAS under the project “Actors, drivers, and consequences of social change in contemporary society: theory and empiricism” No. 121040100280-1

References

1. *Andreenkov, S.N. (2019). Reformirovanie sistemy khozyaystv i zemlepolzovaniya v 1990-e gg. v Novosibirskoy oblasti [Reforms in the economies' system and land use in the Novosibirsk Region in the 1990s]. Krestyanovedenie [Russian Peasant Studies], Vol. 4, No. 4, 58–75.*
2. *Auzan, A.A. (2016). Institutsionalnaya ekonomika: Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya [Institutional Economics. New Institutional Economic Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 543.*
3. *Blinova, N.V. (2019). Inflyatsiya mestnogo samoupravleniya [Local Government Inflation]. PolitBook Publ., 2, 63–83.*
4. *Vagin, V.V. & N.A. Shapovalova. (2016). Initsiativnoe byudzhetrovanie i smezhnye praktiki [Participatory budgeting and related practices]. Finansovaya analitika: problemy i resheniya [Financial Analytics: Science and Experience], 38, 2–19.*
5. *Dets, I.A. (2019). Agropromyshlennyy kompleks Sibiri kak resurs territorialnogo razvitiya [Siberian agro-industrial complex as a resource for territorial development]. Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology], 3, 38–53.*
6. *Kopoteva, I.V. (2017). Teoreticheskie podkhody k izucheniyu reformy mestnogo samoupravleniya v Rossii [Theoretical approaches to the study of local self-government reform in Russia]. Krestyanovedenie [Russian Peasant Studies], Vol. 2, No. 4, 31–55.*
7. *Maikova, E.Yu. & E.V. Simonova. (2014). Problema ispolzovaniya mekhanizma vyborov pri formirovani organov mestnogo samoupravleniya v sovremennoy Rossii [Problem of using the election mechanism in formation of bodies of local self-government in modern Russia]. Vlast [The Authority], 11, 105–109.*
8. *Markwart, E.E. (2016). Rossiyskoe mestnoe samoupravlenie pered glavnymi vyzovami sovremennosti [Local self-government in Russia facing main challenges of modern times]. Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal], 6, 3–17.*
9. *Nefedova, T.G., K.V. Averkieva & A.G. Makhrova (Eds.). (2016). Mezhdudomom... i domom: Vozvratnaya prostanstvennaya mobilnost naseleniya Rossii [Bet-*

ween Home and... Home: The Return Spatial Mobility of Population in Russia]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 504.

10. *Myslyayeva, I.N. & T.V. Naumenko.* (2020). Spetsifika finansovykh mekhanizmov mestnogo samoupravleniya v Rossii [Financial mechanisms in local government across the Russian Federation]. Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki [The Journal of Social Policy Studies], 1, 69–82.

11. *Platonov, V.M.* (2020). Printsip edinstva ispolnitelnoy vlasti v federativnom ustroystve sovremennoy Rossii [The principle of the executive power unity in the contemporary Russian federative model]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology], Vol. 20, No. 1, 145–160.

12. *Pozanenko, A.A.* (2015). Posledstviya ukрупneniya selskikh poseleniy: vzglyad snizu [Implications resulting from the enlargement of rural settlements: view from below]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues], 1, 168–184.

13. *Fadeeva, O.P.* (2018). Oskudeet li sibirskaya niva? Agrarnaya politika v zerkale vserossiyskikh selskokhozyaystvennykh perepisey [Will the Siberian fields become poorer? Agrarian policy in the mirror of all-russian agricultural censuses]. EKO [ECO], 12, 143–162.

14. *Fadeeva, O.P.* (2019). Sibirskoe selo: ot formalnogo samoupravleniya k vyznuzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: from formal self-government to forced self-organization]. EKO [ECO], 4, 71–94.

Information about the authors

Kondratyev, Mikhail Viktorovich (Novosibirsk, Russia) – post-graduate student at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: kondratev.post@gmail.com.

Fadeeva, Olga Petrovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia); Associate Professor at Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: fadeeva@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 01.03.2021.

После доработки 09.03.2021.

Принята к публикации 10.03.2021.

© Кондратьев М.В., Фадеева О.П., 2021

УДК 332.025.12+332.056

Регион: экономика и социология, 2021, № 2 (110), с. 184–210

Ж.А. Кулекеев, Е.А. Пак

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье обозначены и подробно проанализированы основные проблемы, препятствующие углублению интеграции стран ЕАЭС, в частности России и Казахстана. Также рассматриваются вызовы 2020 г., которые непосредственно повлияли на сотрудничество стран в рамках ЕАЭС, усугубив ранее существовавшие ограничения евразийской интеграции. В качестве основных ограничений для сотрудничества отмечаются несогласованность макроэкономических политик, высокая волатильность валют стран – участниц ЕАЭС, а также структура экономики ЕАЭС, в которой доминируют добывающие отрасли. Последнее обуславливает слабость внутрорегиональных связей между государствами-членами, а также значительную подверженность интеграционного объединения внешним шокам. В свою очередь, рассогласованность макроэкономических политик стран – участниц ЕАЭС объясняется авторами различиями в уровнях их социально-экономического развития. Учитывая, что пандемия COVID-19 оказывает дополнительное негативное воздействие на интеграционные процессы в ЕАЭС, авторы приходят к выводу о необходимости того, чтобы Россия и Казахстан, будучи самыми крупными участниками объединения, взяли на себя инициативу по углублению сотрудничества стран, планомерно решая стоящие перед ЕАЭС задачи.

Ключевые слова: евразийская интеграция; экономическое интеграционное объединение; ЕАЭС; Таможенный союз; Единое экономическое пространство; международное сотрудничество; пандемия COVID-19

Для цитирования: Кулекеев Ж.А., Пак Е.А. Проблемы экономических взаимодействий Казахстана и России в рамках Евразийского экономического союза // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 184–210. DOI: 10.15372/REG20210208.

ВВЕДЕНИЕ

2020 год стал испытанием для всех стран мира, одновременно поставив под вопрос дальнейшие процессы глобализации и международной интеграции. Пандемия COVID-19 заставила многие страны в целях обеспечения национальной безопасности и защиты граждан приостановить свободное движение товаров, услуг и трудовых ресурсов. Так, согласно прогнозу ВТО, международная торговля по итогам 2020 г. должна сократиться на 9,2% в сравнении с предыдущим годом. В научном сообществе эти процессы вызвали дискуссии относительно того, является ли сегодняшний протекционизм событием перманентным.

Несмотря на оптимизм ряда аналитиков, прогнозирующих восстановление международной торговли уже в 2021 г., и тот факт, что 2020 г. ознаменован появлением нового крупного интеграционного объединения – Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), стоит отметить, что процессы глобализации стали угасать еще с 2007 г. [6]. 2020 год лишь усугубил наметившуюся ранее тенденцию.

Вопросы международного взаимодействия актуальны и для экономики Казахстана. Сегодня основным торговым партнером Казахстана является Россия, взаимодействие с которой развивается преимущественно в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Однако несмотря на это, до сих пор существуют ограничения, препятствующие полноценному взаимодействию этих двух стран, и 2020 г. наиболее ясно показал пробелы в их международном сотрудничестве.

Так, согласно итогам заседания Евразийского межправительственного совета (ЕМПС), состоявшегося 9 октября 2020 г. в Ереване, несмотря на взаимные усилия стран – участниц ЕАЭС по снижению торговых барьеров, общий объем внутренней торговли ЕАЭС в связи с коронавирусным кризисом за январь-июль 2020 г. уменьшился на

13,4% в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. И Казахстан оказался на втором месте по сокращению торгового оборота внутри Союза (–19,6%) после Кыргызстана (–23,5%). Одновременно следует отметить, что доля стран ЕАЭС в товарообороте Казахстана с момента создания интеграционного объединения не превышала 22%. Отсюда следует, что даже несмотря на сегодняшнюю высокую степень взаимодействия Казахстана с Россией, вопросы углубления сотрудничества по-прежнему стоят на повестке дня.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА С РОССИЕЙ

В настоящее время Российская Федерация является одним из основных торговых партнеров Республики Казахстан, и с каждым годом торгово-экономические отношения между двумя странами динамично развиваются. Это объясняется объективными причинами:

во-первых, Россия и Казахстан, будучи самыми крупными среди стран СНГ как по территории, так и по объемам внутреннего рынка, традиционно имеют тесные связи во многих отраслях, что обусловлено общностью их исторического прошлого;

во-вторых, за годы независимости Казахстаном и Россией создана достаточная правовая база, охватывающая все сферы двусторонних отношений этих стран и способствующая развитию взаимного сотрудничества на высоком уровне.

Благодаря значительному экономическому потенциалу и наличию развитой правовой базы на протяжении последних 10 лет Россия остается главным торговым партнером Казахстана. Традиционно на долю России приходятся основные объемы казахстанского импорта, поэтому она устойчиво занимает первое место среди стран – торговых партнеров, а также третье место среди стран, куда экспортируется казахстанская продукция (табл. 1).

В Казахстане также уделяется повышенное внимание научно-техническому сотрудничеству с Россией: объединяются потенциал научных коллективов, финансовые, материальные ресурсы двух стран

Таблица 1

Основные торговые партнеры Республики Казахстан

2011				2019			
Экспорт		Импорт		Экспорт		Импорт	
Страна	Уд. вес страны в общем объеме экспорта, %	Страна	Уд. вес страны в общем объеме импорта, %	Страна	Уд. вес страны в общем объеме экспорта, %	Страна	Уд. вес страны в общем объеме импорта, %
Италия	17,8	Россия	41,5	Италия	14,4	Россия	36,0
Китай	17,5	Китай	13,4	Китай	13,8	Китай	17,1
Россия	8,3	Германия	5,6	Россия	9,8	Корея	8,7
Нидерланды	7,8	Украина	4,7	Нидерланды	7,6	Италия	4,0
Франция	6,4	США	4,6	Франция	6,3	Германия	3,8
Швейцария	5,9	Италия	3,1	Корея	5,3	Узбекистан	3,6
Австрия	4,6	Узбекистан	2,1	Швейцария	4,6	США	3,4
Канада	3,1	Турция	2,0	Турция	4,2	Турция	2,1
Украина	3,0	Франция	1,9	Испания	3,7	Франция	1,8
Турция	2,7	Япония	1,7	Узбекистан	3,4	Беларусь	1,7
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

Источник: составлено по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6>).

через создание совместных научно-исследовательских организаций, центров и лабораторий для реализации новейших инновационных идей. Наличие огромного научно-технического потенциала для осуществления совместных проектов служит основой для дальнейшего углубления сотрудничества Казахстана и России в этой сфере.

Таблица 2

Численность студентов из стран ЕАЭС, обучающихся в вузах России, чел.

Страна, откуда прибыли студенты	2013/2014 уч. г.	2014/2015 уч. г.	2015/2016 уч. г.	2016/2017 уч. г.	2017/2018 уч. г.	2018/2019 уч. г.
Армения	3 840	3 902	3 606	3 245	3 049	2 851
Беларусь	25 055	18 427	14 964	12 414	10 792	10 162
Казахстан	46 862	55 969	66 821	67 403	65 700	67 316
Кыргызстан	4 140	4 663	5 729	6 627	7 247	7 159
<i>Всего по ЕАЭС</i>	<i>79 897</i>	<i>82 961</i>	<i>91 120</i>	<i>89 689</i>	<i>86 788</i>	<i>87 488</i>

Источник: составлено по данным официального сайта Евразийской экономической комиссии (URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx).

Важным аспектом углубления интеграции с Россией является развитие сотрудничества в гуманитарной сфере, направленного на формирование общего культурного, образовательного и информационного пространства. В связи с этим подготовка научно-управленческих кадров нового поколения в ведущих вузах России была и остается национальным приоритетом Казахстана. Ежегодно Казахстан направляет в российские вузы не менее 16 тыс. выпускников школ и молодых ученых. По последним данным, ежегодно в вузах России обучается около 240 тыс. иностранных студентов, из которых более 67 тыс. чел., или 28%, являются гражданами Казахстана (табл. 2), что служит ярким свидетельством растущего потенциала взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕАЭС: ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В последние годы важную роль в сотрудничестве Казахстана и России играет участие в интеграционных объединениях, среди которых ведущее место занимает Евразийский экономический союз, куда

в настоящее время входят пять стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Поэтому развитие торгово-экономических отношений Казахстана и России все чаще стали рассматривать в контексте развития ЕАЭС, поскольку в рамках этого интеграционного объединения созданы необходимые условия для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами – участниками.

Формирование Евразийского экономического союза имеет длительную историю. Сама идея создания этого объединения берет начало в выступлении первого президента Казахстана Н. Назарбаева, состоявшемся в 1994 г. в МГУ, в котором он предложил создать на пространстве СНГ Евразийский союз стран. Хотя первые шаги к интеграции предпринимались и ранее, в частности еще в декабре 1991 г. было принято решение о создании зоны свободной торговли товарами между Россией, Казахстаном, Беларусью и другими странами СНГ.

Уже после упомянутого выступления Н. Назарбаева в 1996 г. Россия, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, в котором провозгласили формирование Единого экономического пространства (ЕЭП). В 1998 г. к данному договору присоединился Таджикистан.

Наконец, в 1999 г. Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. И в 2000 г. эти страны учредили Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В рамках ЕврАзЭС была создана Межпарламентская ассамблея в качестве органа межпарламентского сотрудничества, основной задачей которой была гармонизация национальных законодательств стран-участниц.

Создание ЕврАзЭС является важной вехой в истории становления международного сотрудничества России, Беларуси и Казахстана, поскольку если до 2000 г. попытки создания полноценного интеграционного объединения носили фрагментарный характер, то с момента организации ЕврАзЭС начинается ключевая работа по созданию

Таможенного союза, а затем и Единого экономического пространства. Так, в 2007 г. между Россией, Казахстаном и Беларусью был подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза.

На пути к реализации намеченной цели – созданию Таможенного союза страны-участницы к 1 января 2010 г. сформировали все необходимые правовые условия для начала его функционирования. Для осуществления функций внешнеторгового регулирования была образована Комиссия Таможенного союза, которая в январе 2012 г. была реорганизована в Евразийскую экономическую комиссию. К середине 2010 г. стал функционировать единый Таможенный кодекс, а также единая система таможенного регулирования на территории трех стран-участниц. С 1 июля 2011 г. был снят таможенный контроль на внутренних границах между Россией, Беларусью и Казахстаном. Все виды таможенного контроля были перенесены на внешнюю границу Таможенного союза. Так завершилось формирование единой таможенной территории.

Уже 1 января 2012 г. решением Высшего Евразийского экономического совета были введены в действие 17 международных договоров, которые институционально обеспечили формирование Единого экономического пространства. Суть ЕЭП состоит в гарантировании свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и в координации экономической политики государств-членов. В рамках Единого экономического пространства продолжилась работа стран по упразднению оставшихся таможенных пошлин и сборов во взаимной торговле, было утверждено изображение единого знака обращения продукции на рынке Таможенного союза.

Создание Евразийского экономического союза стало следующим и завершающим этапом экономической интеграции. 20 мая 2014 г. в Нур-Султане (Астане) на заседании Высшего Евразийского экономического совета главы государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства подписали Договор о Евразийском экономическом союзе.

Таблица 3

Основные цели и принципы ЕАЭС

Основные цели ЕАЭС	Основные принципы ЕАЭС
<ul style="list-style-type: none">• Создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения.• Стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.• Всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики	<ul style="list-style-type: none">• Уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности.• Уважение особенностей политического устройства государств-членов.• Обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов.• Соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции.• Функционирование Таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов

Источник: составлено по данным Договора о Евразийском экономическом союзе (с изменением от 15.03.2018 г.) (URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31565247&doc_id2=31568307#pos=7;-98&pos2=0;0).

Отличительная особенность ЕАЭС заключается в том, что это *экономическое* интеграционное объединение, обладающее *международной правосубъектностью* и работающее на основе *норм Всемирной торговой организации*. Данное интеграционное объединение позиционирует себя на мировой арене как открытое объединение, которое должно стать геополитическим центром многополярного мира. Основные принципы функционирования ЕАЭС и преследуемые им цели (табл. 3) определены Договором о Евразийском экономическом союзе. Стоит, однако, обратить внимание на то, что среди принципов ЕАЭС отмечено функционирование Таможенного союза без изъятий и ограничений «после окончания переходных периодов». Но конкретные сроки и этапы завершения переходного периода в договоре не указаны. Это частично объясняет, почему степень взаимодействия между странами ЕАЭС все еще ниже, чем, к примеру, в Европейском союзе.

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН В РАМКАХ ЕАЭС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

Несмотря на наличие исторических предпосылок к формированию ЕАЭС [5], из-за того, что его создание было быстрым, гармонизация уровней экономического развития стран-участниц была достигнута не в полной мере, что обуславливает *экономическую асимметричность* в плане получения странами выгод от этого объединения. Основная причина такой асимметричности – разница в объемах рынков и масштабах экономик стран. Так, объемы ВВП, характеризующие емкость внутренних рынков государств – членов ЕАЭС, сильно различаются. В таблице 4 представлены данные по ВВП стран – участниц ЕАЭС, из которых видно, что наибольший потенциал для развития торгово-экономических отношений имеется у России и Казахстана. По этой причине, согласно докладу ЕАЭС, 89% экспорта Казахстана на единый рынок и 94% импорта из стран ЕАЭС приходится на долю России.

Из таблицы 4 видно, что масштабы экономики России в 9 раз больше масштабов экономики Казахстана и в 20 раз больше масштабов экономик остальных трех стран, при этом ВВП на душу населения

Таблица 4

Валовой внутренний продукт стран ЕАЭС в текущих ценах, млн долл. США

Страна	2000	2005	2010	2015	2019	Динамика номинального ВВП, раз
Армения	1 911,5	4 900,0	9 260,0	10 553,3	13 672,7	7,1
Беларусь	12 736,9	30 192,0	56 941,0	55 316,8	63 174,5	4,9
Казахстан	18 292,4	57 123,7	148 052,4	184 387,0	181 665,9	9,9
Кыргызстан	1 369,7	2 460,0	4 795,0	6 678,4	8 454,5	6,2
Россия	259 710,1	764 136,0	1 525 314,0	1 369 722,4	1 700 078,0	6,5

Источники: <http://cisstat.org/index.html> ; <http://www.eurasiancommission.org/> .

Таблица 5

Валовой внутренний продукт на душу населения стран ЕАЭС, долл. США

Страна	2000	2005	2010	2015	2019
Армения	593,0	1 557,0	3 041,0	3 512,0	4 616,0
Беларусь	1 267,3	3 124,0	6 000,0	5 829,0	6 691,0
Казахстан	1 229,0	3 771,3	9 071,0	10 509,9	9 812,5
Кыргызстан	279,6	477,0	920,0	1 163,0	1 310,0
Россия	1 771,6	5 324,0	10 677,8	9 355,6	11 584,0

Источники: <http://cisstat.org/index.html> ; <http://www.eurasiancommission.org/> .

ния, характеризующий в общем виде уровень жизни населения, в этих трех странах от 2 до 8 раз ниже аналогичного индикатора России (табл. 5). Это обстоятельство, в числе прочих факторов, определяет, почему основные торговые операции в ЕАЭС приходится на долю самых крупных из входящих в него стран – Россию и Казахстан. Такая особенность усложняет процессы углубления интеграции между странами-участницами.

Более того, необходимо учитывать еще одну особенность входящих в ЕАЭС стран: в рамках Союза объединяются страны, которые всего 30 лет назад обрели независимость, что неизбежно накладывает отпечаток на *восприятие ими своих суверенитета и независимости*. Последние воспринимаются в качестве высших ценностей государств, поэтому ЕАЭС должен строиться одновременно на принципах взаимовыгодного сотрудничества, что подразумевает согласование экономических решений вплоть до проведения единой политики, и на принципах уважения независимости входящих в Союз стран.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе прописаны этапы *формирования единой экономической политики* на территории объединения. В частности, предполагается постепенный переход от координации экономических политик к их постепенной гармонизации и унификации. Однако пока данные процессы идут противоречиво: уровни инфляции, процентных ставок, бедности в странах-участницах различаются (табл. 6), что накладывает ограничения на процессы

сближения их макроэкономических политик. Все это требует выработки особого подхода к развитию интеграционного объединения, который будет учитывать специфику данного региона и входящих в него стран.

Между тем, несмотря на ограничения, возникающие на пути к полноценной интеграции стран ЕАЭС, некоторые выгоды от сотрудничества проявляются уже на настоящем этапе развития объединения.

Таблица 6

Основные социально-экономические показатели стран – участниц ЕАЭС

Страна	2016	2017	2018	2019
<i>ВВП на душу населения на основе ППС валют, долл. США</i>				
Армения	10 704,23	12 115,06	13 014,99	14 219,63
Беларусь	17 725,75	18 280,20	19 330,87	19 943,29
Казахстан	23 818,82	24 862,97	26 147,05	27 443,57
Кыргызстан	4 681,17	5 046,69	5 254,28	5 470,81
Россия	24 125,40	26 005,98	28 763,52	29 181,36
<i>Уровень инфляции, % к предыдущему году</i>				
Армения	–1,4	1,0	2,5	1,4
Беларусь	11,8	6,0	4,9	5,6
Казахстан	14,5	7,4	6,0	5,2
Кыргызстан	0,4	3,2	1,5	1,1
Россия	7,0	3,7	2,9	4,5
<i>Коэффициент Джини</i>				
Армения	32,5	33,6	34,4	Нет данных
Беларусь	25,3	25,4	25,2	25,0
Казахстан	27,8	28,7	28,9	29,0
Кыргызстан	26,8	27,3	27,7	Нет данных
Россия	41,2	41,1	41,3	41,1

Окончание табл. 6

Страна	2016	2017	2018	2019
<i>Процентная ставка Центрального (Национального) Банка, %</i>				
Армения (процентная ставка по операциям Центрального Банка РА на финансовом рынке)	С 8,75 снизилась до 6,5	6,25	6,25	С 6,0 снизилась до 5,75
Беларусь (ставка рефинансирования в среднем за год)	21,16	13,41	10,3	9,75
Казахстан (базовая ставка)	С 17,0 снизилась до 12,0	С 12,0 снизилась до 10,25	С 9,75 снизилась до 9,25	9,25 (в апреле-августе составляла 9,0, но в сентябре 2019 вновь вернули 9,25)
Кыргызстан (учетная (ключевая) ставка)	С 10,0 снизилась до 5,0	5,0	С 5,0 снизилась до 4,75	С 4,5 снизилась до 4,25
Россия (ключевая ставка)	С 11,0 снизилась до 10,0	С 10,0 снизилась до 7,25	С 7,25 выросла до 7,75	С 7,75 снизилась до 6,25

Источник: составлено по данным Статистического комитета Республики Армения, Национального статистического комитета Республики Беларусь, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Федеральной службы государственной статистики РФ, Национального Банка Республики Казахстан, Национального Банка Республики Кыргызстан, Центрального Банка Республики Армения, Национального Банка Республики Беларусь, Банка России.

Анализ динамики взаимной торговли товарами между странами ЕАЭС показывает, что наблюдается увеличение объемов поставок на единый рынок товаров двух отраслей экономики – промышленности и сельского хозяйства, прежде всего благодаря созданному свободному торговому режиму. В связи с этим следует отметить, что устойчивый рост взаимной торговли промышленными товарами в рамках ЕАЭС дал заметный толчок динамичному развитию промышленнос-

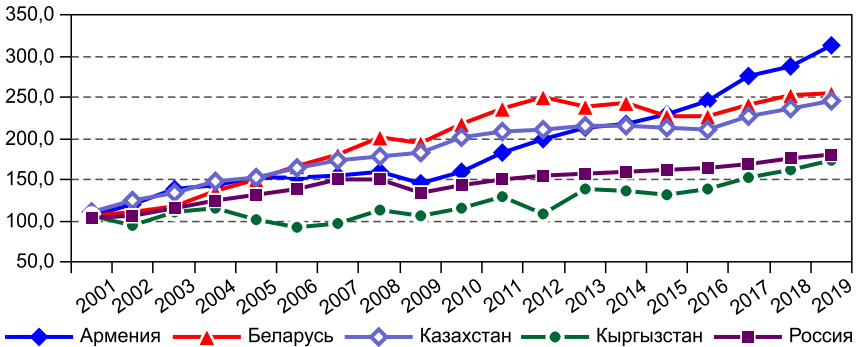

Рис. 1. Динамика производства продукции промышленности в странах ЕАЭС, 2000 г. = 100%

Источники: <http://cisstat.org/index.html> ; <http://www.eurasiancommission.org/>

ти в таких странах, как Армения и Кыргызстан, о чем свидетельствует рис. 1. С момента вступления Армении и Кыргызстана в ЕАЭС объемы промышленного производства в этих странах стали стремительно расти, в первую очередь за счет поставок продукции на единый рынок ЕАЭС.

Сельское хозяйство является важной отраслью экономики для всех стран ЕАЭС в силу ряда объективных причин. Во-первых, оно обеспечивает население жизненно важными продуктами питания, формируя тем самым продовольственную безопасность государств, и, во-вторых, в этой отрасли занята значительная часть трудовых ресурсов стран – участниц объединения. Поэтому содействие устойчивому развитию сельского хозяйства является приоритетной политикой стран ЕАЭС.

В настоящее время создание единого рынка товаров сельскохозяйственного производства в рамках ЕАЭС оказывает разнонаправленное влияние на развитие этой отрасли в разных странах Союза, о чем свидетельствуют данные табл. 7. Как видно из этой таблицы, с момента создания единого рынка положительную динамику сельскохозяйственного производства сумели обеспечить Россия, Кыргызстан

Таблица 7

**Объемы производства продукции сельского хозяйства в странах ЕАЭС,
млн долл. США**

Страна	2000	2005	2010	2015	2019	Рост к 2000, %
Армения	521,2	1 077,0	1 705,0	1 978,2	1 851,0	355
Беларусь	3 435,4	5 976,0	12 069,0	8 329,1	9 986,7	291
Казахстан	2 843,5	5 637,0	9 793,0	14 980,9	13 698,3	482
Кыргызстан	858,0	1 519,0	2 503,0	3 055,2	3 151,8	367
Россия	26 403,1	48 830,0	81 205,0	79 040,6	91 270,7	346

Источники: <http://cisstat.org/index.html> ; <http://www.eurasiancommission.org/> .

и Беларусь, а Казахстан и Армения оказались в менее выгодном положении.

Однако в ЕАЭС проводится ряд мероприятий по выравниванию динамики сельскохозяйственного производства стран-участниц. В рамках ЕАЭС поддержка государствами сельского хозяйства осуществляется на основе подходов, предусмотренных Протоколом о мерах государственной поддержки сельского хозяйства (Приложение № 29 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.). Согласно этому документу, в отличие от других секторов экономики, разрешается прямая поддержка государством сельского хозяйства в оговоренных суммах и в пределах, не допускающих искажающего воздействия на торговлю.

Помимо развития промышленного и сельскохозяйственного производства, ЕАЭС создает условия для инвестиционного сотрудничества и инновационного развития стран-участниц. Сегодня наибольшие инвестиционные потоки аккумулируются между Россией и Казахстаном. Так, в соответствии с Национальной инвестиционной стратегией Казахстана Россия присутствует в списке приоритетных стран для привлечения инвестиций. В настоящее время объем инвестиций, привлеченных из России в Казахстан, составляет около 20 млрд долл.

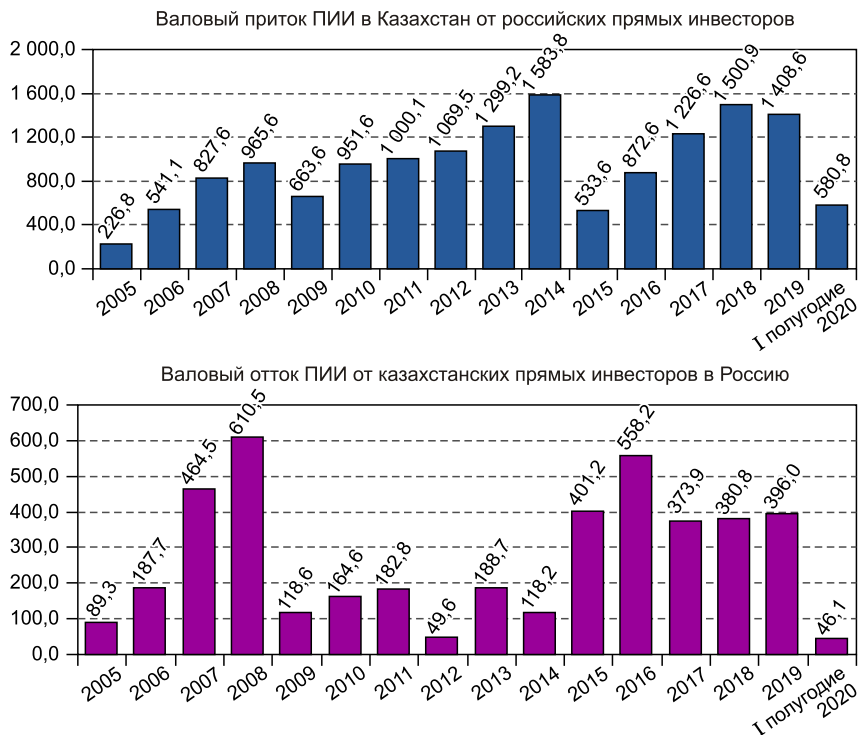

Рис. 2. Валовый приток/отток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), млн долл. США

Источник: Национальный Банк Республики Казахстан (URL: <https://www.nationalbank.kz/ru>)

США, а из Казахстана в Россию – около 4 млрд долл. США, что свидетельствует о наличии тесной связи между бизнес-сообществами двух стран (рис. 2). Сейчас Россия занимает шестое место по накопленному объему привлеченных инвестиций в Казахстан. Рисунок 2 отчетливо показывает динамичный рост инвестиций в обоих направлениях, что служит свидетельством укрепления горизонтальных связей между хозяйствующими субъектами двух стран после образования интеграционного объединения.

Также благодаря расширению правовой базы функционирования единого рынка стран ЕАЭС¹ у бизнес-сообществ России и Казахстана появились новые возможности для осуществления совместной деятельности. Об этом свидетельствуют следующие данные. На 1 января 2020 г. в Казахстане зарегистрировано 10 653 совместных предприятия с участием российского капитала, из них малых – 10 513, средних – 98, крупных – 42². При этом российский капитал присутствует во всех отраслях казахстанской экономики. В торговле действует 5 390 совместных предприятий, в строительстве – 1 018, в сфере научно-технической деятельности – 657, в обрабатывающей промышленности – 492, в транспортной отрасли – 491, в сфере информации и связи – 336, в сфере финансово-страховой деятельности – 175, в горнодобывающей промышленности – 97³.

Как видим, большинство совместных предприятий являются субъектами малого бизнеса, однако в стране хорошо представлен и крупный бизнес России. Например, такие крупные российские компании, как ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром», ПАО «ИНТЕР ПАО», ОК «Русал», Госкорпорация «Росатом», ПАО «Роснефть», ПАО «Банк ВТБ», ПАО «Сбербанк», Госкорпорация «ВЭБ. РФ», ПАО «Мечел», ПАО «Северсталь», и многие другие активно осуществляют инвестиции в экономику Казахстана. Большинство совместных предприятий создано в сферах торговли и строительства. Однако количество совместных предприятий в сфере научно-технической деятельности

¹ См.: *Решение* ВЕЭС «О вступлении в силу Соглашения об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики, от 6 июня 2019 года». – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/Decisions/DispForm.aspx?ID=4522&ContentTypeId=0x01006872D938993A6F4C9BA853652EA2CD18> ; *Решение* ВЕЭС «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2020–2021 годы». – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/Decisions/DispForm.aspx?ID=3610&ContentTypeId=0x01006872D938993A6F4C9BA853652EA2CD18> .

² URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/13/statistic/6> .

³ Там же.

занимает третье место, что указывает на приоритетность сотрудничества в области науки и высоких технологий. Особое значение приобретает сотрудничество в космической сфере, в развитии нано- и биотехнологий, в создании искусственного интеллекта, а также во многих других направлениях науки и техники, способствующих развитию наукоемких производств.

Таким образом, отношения Казахстана со странами ЕАЭС, в частности с Россией, будучи исторически обоснованными, носят и стратегический характер, способствуя инновационному развитию экономик.

ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА И РОССИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 2020 г.

Ранее уже было отмечено, что быстрое формирование евразийского интеграционного объединения не способствовало широкомасштабной гармонизации уровней экономического и социального развития стран-участниц, что накладывает ограничение на дальнейшие процессы их сотрудничества, в том числе на процессы сотрудничества Казахстана и России. По-прежнему существуют серьезные нетарифные барьеры в торговле между странами ЕАЭС (по оценкам экспертов, они устранены только на 63%), отсутствуют единые органы ветеринарного и фитосанитарного контроля, существует высокий риск реэкспорта товаров через Беларусь, Кыргызстан и Казахстан, не налажена до конца транспортная логистика в обмене товарами и ресурсами между странами интеграционного союза.

2020 год еще сильнее обострил проблемы, сдерживающие дальнейшее углубление процессов интеграции государств – членов ЕАЭС. Эти проблемы, стоящие на пути к сотрудничеству стран ЕАЭС, можно разделить на две категории: экономические и политические.

К первой категории относится проблема структуры экономики всего ЕАЭС. Она связана прежде всего с высокой долей добывающих отраслей в структуре экономик России и Казахстана – крупнейших по объемам рынка и по территории стран-участниц. Перекося структуры

экономики ЕАЭС в сторону добывающих отраслей, в свою очередь, находит отражение в меньшей доле производства продукции с высокой добавленной стоимостью и торговли такой продукцией. Эта особенность ЕАЭС является одной из ключевых, отличающих данное интеграционное объединение от Европейского союза. В рамках ЕС доля стран, обладающих богатыми запасами природных ресурсов, низкая, что и определило структуру экономики ЕС и его внутренней торговли: в экономике ЕС доминирует обрабатывающая промышленность. Бурное развитие обрабатывающей промышленности дало толчок тесному внутрирегиональному сотрудничеству стран, чего нельзя сказать о ЕАЭС.

В итоге структура экономики ЕАЭС делает это интеграционное объединение, и в частности сотрудничество России и Казахстана, несамодостаточным и подверженным шокам со стороны мировых цен на энергоносители. Свидетельство тому – эффект снижения цен на нефть в 2015 г., когда цена на нефть марки Brent упала почти вдвое – с 98,9 до 52,4 долл./барр. В результате этого, согласно данным статистики, все страны – участницы ЕАЭС столкнулись с кризисными тенденциями, которые, однако, имели разную степень остроты.

В частности, если в России падение реального ВВП в 2015 г. составило -2% ⁴, то в Казахстане наблюдалось лишь снижение темпов роста реального ВВП до $1,2\%$ по отношению к предыдущему году⁵. В итоге в 2015 г. общий товарооборот в рамках ЕАЭС уменьшился на $25,4\%$ ⁶.

В 2020 г. меры по борьбе с пандемией COVID-19 привели к сокращению экономической активности во всех странах мира, вследствие чего цены на нефть марки Brent за январь-сентябрь 2020 г. снизились на $38,2\%$ по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Снижение цен на нефть происходило на фоне закрытия странами своих экономик в целях предотвращения дальнейшего распространения ко-

⁴ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> .

⁵ URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> .

⁶ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/2015/12_180_1.aspx .

ронавируса. Как итог, за январь-сентябрь 2020 г. взаимная торговля стран ЕАЭС уже сократилась на 12,8% по отношению к соответствующему периоду предыдущего года. При этом импорт Казахстана из России за январь-сентябрь 2020 г. уменьшился на 9,3% к соответствующему периоду 2019 г., а экспорт Казахстана в Россию за тот же период сократился на 16,5%.

Кроме того, препятствием к углублению интеграции стран в рамках ЕАЭС является высокая волатильность их национальных валют. Изменение стоимости валют по отношению к американскому доллару и валютам друг друга искажает данные о реальных объемах торгового оборота.

Еще в 2010 г. между Россией, Казахстаном и Беларусью было подписано соглашение о согласованных принципах валютной политики. Позднее вопросы валютной политики были отражены в XIV разделе Договора о Евразийском экономическом союзе. В этом документе указаны основные цели и принципы согласованной валютной политики и направления сотрудничества стран-участниц в валютной сфере⁷. Данные шаги были сделаны в связи с пониманием странами ЕАЭС того факта, что сотрудничество в сфере денежно-кредитной и валютной политики может стать дополнительным импульсом к развитию взаимной торговли. Тем не менее, несмотря на предпринятые меры по сближению валютной и денежно-кредитной политик стран-участниц де-юре, де-факто валютное регулирование и валютный контроль, а также денежно-кредитная политика этих стран существенно различаются, что препятствует валютной интеграции.

Роль валютного фактора в качестве препятствия к углублению интеграции стран ЕАЭС наиболее сильно проявилась в том же 2015 г., когда произошел обвал цен на нефть, который повлек за собой обесценивание рубля, что отразилось на состоянии экономик всех стран-участниц, поскольку Россия играет ведущую роль в интеграционном объединении. При этом кризисные процессы в каждой из стран ЕАЭС

⁷ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31565247.

сопровождались процессами «передачи» кризиса из экономик других участников объединения во многом через валютный канал.

В период 2015–2016 гг. наблюдалась рассогласованная динамика обменных курсов национальных валют [2], в частности рубля и тенге. Корректировка обменных курсов стран ЕАЭС происходила разно-моментно, что привело к волатильности макроэкономических показателей этих стран. Такая временная несогласованность в корректировке обменных курсов валют стран-участниц объясняется разными режимами обменного курса в этих странах. Так, Армения с января 2006 г. использовала режим плавающего обменного курса, однако в 2014 г. перешла на форму мягкой привязки к доллару США для снижения волатильности обменного курса. Кыргызстан использует режим управляемого плавания. Россия к режиму плавающего обменного курса перешла только в ноябре 2014 г. Казахстан также перешел к режиму плавающего курса, но в августе 2015 г. Беларусь же сохранила фиксированный режим: в начале 2015 г. страна отказалась от привязки белорусского рубля к доллару США и перешла к привязке к корзине валют, в которой доля российского рубля составляет 40%.

Разная динамика обменных курсов стран ЕАЭС в 2015–2016 гг. оказала неоднозначное влияние на инфляцию в данных странах: в России, Беларуси и Казахстане в эти годы наблюдался рост уровня цен (инфляция), в то время как Армения и Кыргызстан боролись с дефляцией.

Поскольку валютная проблема оставалась нерешенной, с этим фактором, ограничивающим сотрудничество в рамках ЕАЭС, страны вновь столкнулись в 2020 г. на фоне повторного снижения цен на нефть.

Таким образом, волатильность обменных курсов стран ведет к макроэкономической несбалансированности экономик в целом, а это выступает препятствием для валютной интеграции в ЕАЭС, поскольку «объединение подверженных высокой волатильности валют при создании валютного союза обуславливает множество проблем как для финансового, так и для реального сектора экономики в будущем» [4, с. 127].

Помимо экономических проблем, процессы углубления интеграции в рамках ЕАЭС оказались затруднены рядом проблем политического характера. Стоит отметить, что ЕАЭС, будучи экономическим интеграционным объединением, создан для решения исключительно экономических задач, касающихся сотрудничества государств-членов. Политическая сторона взаимоотношений стран находится вне компетенций ЕАЭС. Тем не менее военные конфликты между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах, политический переворот, приведший к ситуации, когда отсутствуют легитимные органы власти, в Кыргызстане, политический кризис в Беларуси, угрозы новых санкций против России – все эти события, носящие сугубо политический характер, мешают поступательному развитию интеграционных процессов.

Однако важно отметить, что во многом с «переносом» упомянутых национальных и региональных политических проблем на ЕАЭС активно борется Казахстан, будучи одним из участников объединения. Так, спор Армении и Азербайджана за территорию Нагорного Карабаха, который берет начало в 1990-х годах, грозил отразиться на всем евразийском интеграционном объединении. Понятно, что ЕАЭС вынужден реагировать на международные конфликты, в которых задействованы его участники, а потому спор Азербайджана и Армении, в 2020 г. переросший в открытый конфликт, мог привести к процессам дезинтеграции. Однако здесь стала ключевой позиция Казахстана, согласно которой Армения должна выступать в ЕАЭС в границах, определенных ООН. «Это способствовало снятию политического напряжения и дало руководству Азербайджана ясный сигнал о том, что ЕАЭС является экономической структурой и не планирует затрагивать вопросы межнациональных конфликтов и территориальных споров, подменяя собой политические объединения» [1].

Ранее известную тревогу на международной арене вызывала напряженность в отношениях между Россией и Украиной. Воссоединение Крыма с Россией могло перерасти в конфликт, который мог бы также повлиять на интеграционные процессы в рамках ЕАЭС. В связи с этим Казахстан одним из первых в целях снижения напряженности

между странами заявил о том, что «воспринимает референдум в Крыму как свободное волеизъявление населения украинской автономии и с “пониманием” относится к решению России. Более того, Казахстан и Президент Н. Назарбаев сыграли важную посредническую роль в налаживании диалога между Россией и ЕС по ситуации на востоке Украины, стимулировав запуск Минского процесса» [1].

Таким образом, Казахстан как член ЕАЭС вносит большой вклад в урегулирование взаимоотношений между странами, препятствуя манипулированию этим объединением в политических целях, путем приверженности нейтралитету во всех геополитических конфликтах его участников.

Тем не менее усилий одного или нескольких участников ЕАЭС для его дальнейшего развития недостаточно. Слабая исполнительская дисциплина в отношении части экономических вопросов у остальных участников в совокупности с рядом политических проблем может привести к тому, что данный союз рискует повторить судьбу предыдущих объединений, таких как СНГ, если в скором времени не появятся эффективные и действенные механизмы контроля за ходом выполнения принятых странами обязательств. В этих условиях также затрудняется сотрудничество Казахстана и России. Напряженность в отношениях России с Западной Европой и США, риски повторных санкций – все это затрудняет процессы дальнейшей экономической интеграции двух стран, поскольку продиктованные политическими интересами решения ЕС отражаются на экономике России, что косвенно отражается и на экономике Казахстана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия COVID-19, другие существующие геополитические и экономические проблемы принуждают политическое руководство стран к объективно обусловленной экономической и политической самоизоляции. Сложившаяся ситуация требует от руководящих органов ЕАЭС больших усилий в плане выработки адекватных решений, гарантирующих выполнение принятых членами Союза обязательств, в качестве неперемennого условия успешного развития интеграци-

онных процессов. Однако сегодня все еще остаются нерешенными ряд экономических вопросов, связанных с углублением и расширением сотрудничества стран в рамках ЕАЭС, в том числе сотрудничества России и Казахстана.

В числе таких вопросов – экономическая асимметричность ЕАЭС, существующая в силу объективных причин. Эту асимметричность усугубляют попытки участников объединения добиться односторонних льгот и преференций в рамках интеграции. Так, Кыргызстан пытался получить масштабные финансовые компенсации со стороны ЕАЭС из-за возникших затруднений в реализации совместных с Китаем инфраструктурных проектов, мотивируя это тем, что затруднения возникли как раз из-за участия в ЕАЭС. Страна сумела добиться увеличения своей доли в получении таможенных сборов ЕАЭС до 1,9%, а также ряда торгово-экономических льгот и преференций на пять лет вперед.

В целом, в вопросе решения проблемы экономической асимметричности ЕАЭС и достижения экономического и политического равенства стран ответственную позицию в первую очередь должна занять Россия. Как крупнейшему участнику ЕАЭС, России необходимо прикладывать больше усилий по недопущению формирования «центрально-периферийных» взаимоотношений между участниками интеграции. В этом плане огромную роль играет установление четких институциональных рамок, не допускающих каких-либо форм оппортунистического поведения стран, в частности поведения «донора». Пока же в ЕАЭС правила игры для участников различаются, так как страны часто пытаются добиться исключений из правил, мотивируя это проблемами внутренней экономики. Подобные прецеденты лишь усугубляют экономическую асимметричность, делая работу объединения непрозрачной, а потому создают имидж ЕАЭС, непривлекательный для новых участников.

Углублению интеграции стран ЕАЭС препятствует, как уже было отмечено, и рассогласованность их экономических политик. Страны должны прилагать усилия по гармонизации уровней экономического

и социального развития. Однако текущий кризис лишь сильнее дифференцировал уровни экономического развития участников объединения, остро обозначив необходимость диверсификации их экономик, в особенности экономик России и Казахстана. Последнее возможно путем углубления сотрудничества стран в создании внутрирегиональных кластеров в обрабатывающей промышленности, образовании и медицине. Однако сейчас процессы внутрирегионального взаимодействия стран идут крайне противоречиво.

Таким образом, на данный момент для ЕАЭС характерны разобщенность экономических интересов и различие уровней развития экономик входящих в его состав стран. Это, в свою очередь, создает мотивы для оппортунистического поведения стран-участниц.

Для решения подобных вопросов требуется следующее:

1) проработка плана приведения уровней экономического развития, инфляции, бедности, безработицы стран к единому стандарту с учетом различий в их территориальном масштабе [3, с. 15]. В рамках данной инициативы необходимо также расширить статистику, собираемую Евразийской экономической комиссией по странам. Статистика не должна ограничиваться показателями внешней и внутренней торговли, но должна также давать информацию об основных макроэкономических показателях участников объединения;

2) разработка институциональных основ для предотвращения лоббизма и оппортунистического поведения стран-участниц. Это подразумевает определение четких правил игры без исключений и создание органа, ответственного за выявление нарушений и штрафование нарушителя;

3) развитие транспортной инфраструктуры Единого экономического пространства, без которой становится проблематичным развитие торгово-экономических отношений между странами. Инициативу в этом следует взять на себя России и Казахстану.

Часть этих задач уже зафиксирована в принятой Стратегии развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Но требу-

ется не просто констатировать проблемы, а реализовать соответствующие меры. Пока же, вопреки официальным заявлениям, мотивация у стран относительно сближения в рамках евразийской интеграции остается слабой.

Список источников

1. Бирюков С., Барсуков А., Березняков Д., Козлов С. Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС. – URL: <http://svom.info/entry/676-problemy-i-perspektivy-rasshireniya-eaes/> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Демиденко М., Ковач М., Кориунов Д. Колебания валютных курсов в ЕАЭС в 2014–2015 годах: анализ и рекомендации: Докл. № 44 / Евразийский Банк Развития, Центр интегр. исслед. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 78 с.
3. Евстафьев Д.Г., Кусаинов А.М., Масалуов С.И. Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество: Аналитический доклад Российско-белорусского экспертного клуба ЦИПИ. 2018. – URL: https://www.perspectivecenter.org/publications/analytical/tochki_rosta_eaes_ekonomika_bezopasnost_obshchestvo/ (дата обращения: 12.09.2020).
4. Кабзимаян М. Проблемы и перспективы валютного регулирования в условиях ЕАЭС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 5. – С. 125–129.
5. Очирова Т. Геополитическая концепция евразийства. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/999/742/1217/005Tatyana_Ochirova.pdf (дата обращения: 30.08.2020).
6. Sachs A., Funke Cl., Kreuzer Ph., Weiss J. Who Benefits the Most from Globalization? Globalization Report 2020. – URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/user_upload/GlobalizationReport2020_2_final_en.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

Информация об авторах

Кулекеев Жаксыбек Абдрахметович (Казахстан, Нур-Султан) – кандидат экономических наук, профессор, советник генерального директора ТОО «КМГ Инжиниринг»; научный руководитель ТОО «Центр исследований прикладной экономики». E-mail: zh.kulekeyev@niikmg.kz.

Пак Евгения Александровна (Казахстан, Нур-Султан) – аспирант НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, Москва); старший аналитик ТОО «Центр исследований прикладной экономики». E-mail: epak@hse.ru; zhenyapak@aerc.org.kz.

DOI: 10.15372/REG20210208

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 184–210

Zh.A. Kulekeev, Ye.A. Pak

THE ISSUES OF ECONOMIC INTERACTION BETWEEN KAZAKHSTAN AND RUSSIA WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article identifies and analyzes in detail the root problems that hinder the strengthening of EAEU integration, particularly between Russia and Kazakhstan. It also considers the challenges of 2020, which have directly affected cooperation within the EAEU, exacerbating Eurasian integration's previously existing limitations. Inconsistent macroeconomic policies, highly volatile EAEU member states' currencies, and the EAEU economy being dominated by extractive industries are all recognized as major constraints to successful cooperation. The latter leads to weak intra-regional ties between member states and exposes the association to external shocks. As for macroeconomic policy discrepancies, the article explains them by showing how different EAEU countries are in their social and economic development. Given that the COVID-19 pandemic exerts additional negative pressure on integration processes within the EAEU, we conclude that Russia and Kazakhstan, the largest EAEU members, should take the initiative in enhancing cross-country cooperation by systematically addressing the challenges faced by the union.

Keywords: Eurasian integration; economic integration association; EAEU; Eurasian Customs Union; Common Economic Space; international cooperation; the COVID-19 pandemic

For citation: Kulekeev, Zh.A. & Ye.A. Pak. (2021). O problemakh ekonomicheskikh vzaimodeystviy Respubliki Kazakhstan i Rossii v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The issues of economic interaction between Kazakhstan and Russia within the Eurasian Economic Union]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 184–210. DOI: 10.15372/REG20210208.

References

1. Biryukov, S., A. Barsukov, D. Bereznyakov & S. Kozlov. (2016). Problemy i perspektivy rasshireniya EAES [Prospects and problems of EAEU expansion]. Available at:

<http://svom.info/entry/676-problemy-i-perspektivy-rasshireniya-eaes/> (date of access: 10.09.2020).

2. Demidenko, M., M. Kovach & D. Korshunov. (2017). Kolebaniya valyutnykh kursov v EAES v 2014–2015 godakh: analiz i rekomendatsii: Doklad No. 44 [Exchange rate fluctuations within the EAEU in 2014–2015: analysis and recommendations: Report 44]. Eurasian Development Bank Centre for Integration Studies. St. Petersburg, EDB Centre for Integration Studies, 78.

3. Evstafyev, D.G., A.M. Kusainov & S.I. Masaulov. (2018). Tochki rosta EAES: ekonomika, bezopasnost, obshchestvo [EAEU Growth Points: Economy, Security, Society]. Analiticheskiy doklad Rossiysko-belorusskogo ekspertnogo kluba TSIPI [An Analytical Report by the PIRC Russian-Belarusian Expert Club]. Available at: https://www.perspectivecenter.org/publications/analytical/tochki_rosta_eaes_ekonomika_bezopasnost_obshchestvo/ (date of access: 12.09.2020).

4. Kabzimanyan, M. (2017). Problemy i perspektivy valyutnogo regulirovaniya v usloviyakh EAES [Problems and prospects of currency integration of Eurasian Economic Union]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo universiteta [Journal of St. Petersburg State University of Economics], 5, 125–129.

5. Ochirova, T. (1994). Geopoliticheskaya kontseptsiya evraziystva // Rossiyskaya tsivilizatsiya. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/999/742/1217/005Tatyana_Ochirova.pdf (date of access: 30.08.2020).

6. Sachs, A., Cl. Funke, Ph. Kreuzer & J. Weiss. (2020). Who benefits the most from globalization? Globalization Report 2020. Available at: https://www.bertelsmannstiftung.de/fileadmin/files/user_upload/GlobalizationReport2020_2_final_en.pdf (date of access: 12.09.2020).

Information about the authors

Kulekeev, Zhaksybek Abdrakhmetovich (Nur-Sultan, Kazakhstan) – Candidate of Sciences (Economics), Professor, Advisor to the CEO of KMG Engineering LLP; Scientific Director of the Applied Economics Research Centre LLP. E-mail: zh.kulekeyev@niikmg.kz.

Pak, Yevgeniya Aleksandrovna (Nur-Sultan, Kazakhstan) – post-graduate student at the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); Senior Analyst at the Applied Economics Research Centre LLP. E-mail: epak@hse.ru; zhenyapak@aerc.org.kz.

Поступила в редколлегию 10.12.2020.

После доработки 10.12.2020.

Принята к публикации 14.12.2020.

© Кулекеев Ж.А., Пак Е.А., 2021

Ли Юнцюань

**СОВМЕСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИНИЦИАТИВЫ
«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ
СТЫКОВКИ СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КИТАЯ И РОССИИ**

«Один пояс – один путь» – стратегическая инициатива Китая, направленная на совершенствование международного сотрудничества. Она предусматривает обеспечение взаимосвязанности инфраструктуры, реализацию беспрепятственной торговли и финансовых взаимосвязей на основе усиления политического взаимодействия между странами-партнерами с целью достижения взаимной выгоды. Сотрудничество между Китаем и Россией в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза, а также Большого евразийского партнерства стало важной частью стратегического партнерства двух стран. Сопряжение стратегий развития – гарантия получения значимых результатов сотрудничества. Многостороннее сотрудничество Китая и России, в том числе в стратегических областях, строится на принципах, изложенных в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Сегодня, когда мир переживает огромные потрясения, китайско-российское сотрудничество является не только существенным внешним условием развития обеих стран, но и важной гарантией стабильности в регионе и мире.

Ключевые слова: российско-китайские отношения; «Один пояс – один путь»; Большое евразийское партнерство; согласование стратегий развития; региональное сотрудничество; глобальная стабильность

Для цитирования: Ли Юнцюань. Совместная реализация инициативы «Один пояс – один путь» в контексте согласования стратегий экономического развития Китая и России // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 211–235. DOI: 10.15372/REG20210209.

В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую инициативу международного сотрудничества «Один пояс – один путь»¹. За прошедшие с тех пор более чем семь лет эта инициатива все больше поддерживалась партнерами, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству усилилось, количество совместных проектов увеличилось, а результаты сотрудничества оказались обнадеживающими.

В мае 2017 г. на круглом столе, проведенном в рамках Форума по международному сотрудничеству «Один пояс – один путь» в Пекине, Си Цзиньпин подчеркнул, что выстраивание партнерства «Один пояс – один путь» уходит своими корнями в историю, но нацелено на будущее. Инициатор этого партнерства – Китай, но оно реализуется в мировом пространстве. Си Цзиньпин подчеркнул важность мира и сотрудничества, открытости и терпимости, обмена опытом и взаимовыгодного сотрудничества во взаимоотношениях стран, которые объединяет Экономический пояс Шелкового пути.

Внезапная пандемия коронавируса нанесла огромный ущерб всем странам и сильно ударила по мировой экономике. Но несмотря на пандемию, в ноябре 2020 г. была проведена 3-я Международная китайская выставка импортных товаров и услуг (China International Import Expo, СИЕ). Проведение Китаем этого грандиозного мероприятия в соответствии с графиком свидетельствует о его искреннем желании способствовать восстановлению мировой экономики. СИЕ-2020 дает возможность превратить экспонаты в товары, экспонентов в инвесторов, содействует обмену идеями, сближает Китай с миром, становится платформой для международных закупок, осуществления инвестиций, культурных обменов и открытого сотрудничества.

В 2020 г. в СИЕ активно участвовали компании из многих стран, а площадь выставки увеличилась почти до 30 тыс. кв. м. Только в организованной недавно зоне, посвященной общественному здоровью

¹ Здесь и далее стратегическая инициатива «Один пояс – один путь» будет также именоваться «инициатива» или «мегапроект». В научных публикациях и в средствах массовой информации также часто используется ее сокращенное наименование «Пояс – путь».

охранению и профилактике эпидемий, приняли участие компании из списка Fortune-500 и множество других ведущих компаний разных отраслей.

В реализации инициативы «Один пояс – один путь» согласование стратегических целей Китая и России составляет ядро в выстраивании партнерства двух стран, включая их практическое сотрудничество.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ЯСНЫЕ ЦЕЛИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

После того как стратегическая инициатива «Один пояс – один путь» была изучена и интерпретирована китайским правительством и академическими кругами Китая, она широко обсуждалась в странах, по территории которых проходит Шелковый путь. Поначалу были сомнения и даже неприятие, но несколько стран эту инициативу поддерживали. Сомнения были вызваны недостатком информации. Например, часто возникал вопрос относительно того, отражает ли инициатива «Один пояс – один путь» геополитические амбиции Китая. Означает ли эта инициатива, что Китай, став сильным, начинает расширять свое влияние? На что направлена инициатива и на основе каких принципов определяется ее направление? Будет ли Китай использовать инициативу «Один пояс – один путь», чтобы избавиться от лишних товаров и избыточных производственных мощностей? И так далее.

Непонимание преодолевается в общении, а сомнения исчезают по мере достижения понимания. Понять суть стратегической инициативы «Один пояс – один путь» помогли многочисленные конференции, семинары и круглые столы на эту тему, проведенные в разных странах. Международное сообщество получило представление о том, что инициатива направлена на взаимовыгодное сотрудничество с учетом интересов участников и построения общего будущего. Сотрудничество предусматривает консультации и совместные инвестиционные проекты. Не будет допущено доминирование какого-то одного участника, партнерство должно быть прозрачным. Сотрудничество строится на рыночных принципах с учетом социальной ответственности.

Еще 28 марта 2015 г. по поручению Госсовета КНР Государственный комитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел КНР и Министерство торговли КНР опубликовали документ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”»². Также была поставлена задача способствовать реализации концепции стратегического партнерства в рамках мегапроекта «Один пояс – один путь».

Участие в партнерстве «Один пояс – один путь» является открытым для всех стран, для различных международных и региональных организаций. Оно создает основу для экономического сотрудничества КНР с заинтересованными странами.

Предполагается пять основных направлений (географических маршрутов) реализации сотрудничества в рамках стратегической инициативы «Один пояс – один путь». *Экономический пояс Шелкового пути* включает три маршрута. Первый – из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря)³. Второй – из Китая через Центральную Азию и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю. Третий – из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию к Индийскому океану. *Морской Шелковый путь 21-го века* включает два маршрута. Первый – из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы. Второй – из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана.

В соответствии с упомянутыми пятью основными географическими направлениями сотрудничества и пространственной организации Китай предложил структуру сотрудничества, включающую «шесть коридоров, шесть дорог, несколько стран и несколько портов».

«Шесть коридоров» – это международные коридоры экономического сотрудничества: Новый евразийский континентальный мост, Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная

² URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm>.

³ См.: *Инициатива* «Один пояс – один путь»: идеи, практика и вклад Китая. Информационное агентство Синьхуа, Пекин, 10 мая 2017 г.

Азия, Китай – Индокитай, Китай – Пакистан и Бангладеш – Индия – Мьянма – Китай⁴.

«Шесть дорог» представляют собой интегрированную транспортно-логистическую и информационную сеть железных дорог, автомагистралей, судоходных путей, авиамаршрутов, маршрутов трубопроводов и составляют основу единой, внутренне взаимосвязанной инфраструктуры в зоне реализации инициативы «Один пояс – один путь».

Понятие «несколько стран» связано с группой стран, начавших сотрудничество. В то же время предполагается, что партнерство в рамках инициативы «Один пояс – один путь» охватит много сопредельных государств. Китай должен сотрудничать с другими странами на равноправной и взаимовыгодной основе, играя ведущую роль в сотрудничестве с некоторыми из них исходя из реальной ситуации. Он будет стремиться демонстрировать позитивные результаты сотрудничества и привлекать к участию в этом мегапроекте большое число стран.

«Несколько портов» означает, что будет задействован ряд международных портов, которые будут гарантировать безопасное и беспрепятственное использование крупных морских транспортных путей. Благодаря строительству узловых портов с соответствующей инфраструктурой в странах, участвующих в партнерстве «Один пояс – один путь», сотрудничество в сфере морских перевозок будет развиваться, становиться высокоэффективным и безопасным. Таким образом, внутренняя интеграция и взаимодействие по схеме «шесть коридоров, шесть дорог, несколько стран и несколько портов» становятся концептуальной основой международного сотрудничества в рамках стратегической инициативы «Один пояс – один путь».

Очевидно, что эта схема сотрудничества служит ориентиром, указывает на общее направление сотрудничества, а не является планом правительства Китая. С тех пор как была выдвинута стратегическая инициатива «Один пояс – один путь», именно в соответствии с таким видением Китай и его партнеры совместно ее продвигали, предлагали

⁴ URL: <https://ria.ru/20170911/1502017345.html>.

проекты сотрудничества, искали точки соприкосновения интересов, изучали модели сотрудничества и накапливали опыт в этой области.

Китай не только декларирует, но и реализует такое партнерство. С 2014 по 2016 г. общий объем торговли между Китаем и странами, расположенными вдоль Нового шелкового пути, превысил 3 трлн долл. США. Более 50 млрд долл. Китай инвестировал в экономику этих стран. Китайские компании создали 56 зон экономического и торгового сотрудничества в более чем 20 странах, тем самым сгенерировав в них налоговые поступления на сумму около 1,1 млрд долл. США и создав 180 тыс. рабочих мест.

Продолжает расширяться финансирование капиталовложений. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций предоставил займы на сумму 1,7 млрд долл. США для девяти проектов в странах – участниках мегапроекта «Один пояс – один путь», а Фонд Шелкового пути инвестировал 4 млрд долл. США в финансовый холдинг «16+1» с участием Китая и стран Центральной и Восточной Европы.

На саммите в Пекине в мае 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай увеличит финансовую поддержку стратегической инициативы «Один пояс – один путь» и намерен выделить еще 100 млрд юаней (14,5 млрд долл. США) в Фонд Шелкового пути. Финансовые учреждения разных стран будут простимулированы для осуществления зарубежных финансовых операций в юанях. Также Председатель КНР добавил, что два китайских банка предоставят еще 380 млрд юаней (55 млрд долл. США) в виде займов на развитие инициативы «Один пояс – один путь». Для поддержки создания инфраструктуры, развития производственных мощностей и финансового сотрудничества в рамках мегапроекта «Один пояс – один путь» Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк предоставят специальные ссуды на сумму 250 и 130 млрд юаней соответственно. Китай также будет сотрудничать с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Новым банком развития БРИКС, Всемирным банком и другими институтами развития с целью поддержки данной стратегической инициативы.

Эти меры демонстрируют уверенность китайского правительства в перспективах стратегической инициативы «Один пояс – один путь».

Китайская философия поиска путей совместного развития, достижения общего процветания и взаимной выгоды не только пропагандирует эти принципы интеграции и взаимодействия, но и способствует их практической реализации.

В 2015 г. Правительство КНР опубликовало меморандум «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”», в котором были обозначены принципы и приоритеты совместных действий, идейные рамки и механизмы сотрудничества. В частности, в документе сказано, что продвигая мегапроект «Один пояс – один путь», Китай будет в полной мере использовать сравнительные преимущества регионов страны, более активно осуществлять стратегию открытости, укреплять взаимодействие и кооперацию между своими восточными, центральными и западными регионами, всемерно повышать уровень экономической открытости этих территорий. Были сформулированы основные направления включения в эту стратегическую инициативу северо-западных, северо-восточных, юго-западных, прибрежных регионов. И это были не только идеологические лозунги, но и реальные дела.

Так, по данным китайских СМИ и согласно правительственному отчету о работе провинций «Две сессии», только в 2015 г. общий масштаб инфраструктурных проектов в составе мегапроекта «Один пояс – один путь» достиг 1,04 трлн юаней. Инвестиционные проекты сосредоточились в сфере строительства железных дорог, автомагистралей, аэропортов и объектов водного хозяйства (инвестиции в железнодорожное строительство составили в тот период почти 500 млрд юаней, в строительство автомагистралей – 123,5 млрд, в строительство аэропортов – 116,7 млрд, в портовое хозяйство – более 170 млрд юаней)⁵.

Провинции КНР убедились, что реализация инициативы «Один пояс – один путь» может изменить условия функционирования и статус ряда территорий в системе национальной экономики. Тридцать лет реформ и открытости КНР привели к поляризации китайских регионов: некоторые провинции уже завершали процесс реформации, некоторые – находились лишь в начале пути. Особенно отставали

⁵ URL: http://news.xinhuanet.com/finance/2015-03/30/c_127635766.htm .

в модернизации периферийные северные и северо-восточные территории Китая. Но реализация стратегической инициативы «Один пояс – один путь» дала новый импульс их развитию: ряд таких территорий стали важными приграничными регионами, узловыми городами, новыми точками роста трансграничного сотрудничества. Особенно это касается провинций и городов в приграничных регионах на западе или северо-востоке Китая.

В продвижении инициативы «Один пояс – один путь» правительство КНР работало по двум направлениям сотрудничества – западному и восточному, используя для этого существующие механизмы и международные организации. На восточном векторе были достигнуты хорошие результаты во взаимодействии с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), на западном – в сотрудничестве Китая и стран Центральной и Восточной Европы, организованном в формате «16+1» («17+1»), который стал важной структурой для продвижения трансграничных взаимодействий в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

ШОС, созданная в 2001 г., играет важную роль в поддержании мира в регионе и в развитии сотрудничества между государствами-членами. В мае 2015 г. Китай и Россия подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению создания Экономического пояса Шелкового пути и деятельности Евразийского экономического союза, в котором было четко указано, что ШОС станет основной площадкой такого сотрудничества. В ноябре 2016 г. лидеры Китая и стран Центральной и Восточной Европы провели встречу в формате «16+1», на которой обсуждались вопросы сотрудничества в рамках мегапроекта «Один пояс – один путь». В своем выступлении на этом саммите премьер-министр КНР Ли Кэцян выдвинул предложения по углублению сотрудничества в четырех сферах: инфраструктуры и сетевых коммуникаций, финансов, «зеленой экономики» и гуманитарной сфере⁶. Эти предложения были полностью поддержаны участниками встречи. Следует констатировать, что благодаря усилиям китайского правительства на международном уровне стало нарастать желание различных стран участвовать в реализации мегапроекта «Один пояс – один путь».

⁶ URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2016/1106/c1024-28838729.html> .

Пресс-секретарь Национальной комиссии по развитию и реформам КНР отметил первые достижения в реализации стратегической инициативы «Один пояс – один путь»:

1) достижение консенсуса по сотрудничеству, усиление взаимодействия со странами, входящими в ареал этой стратегической инициативы, и подготовка к совместному планированию конкретных мероприятий. Особое внимание уделяется выработке плана создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия и подписанию плана создания коридора с Польшей, Чешской Республикой и другими странами;

2) помимо формирования экономического коридора Китай – Монголия – Россия, инвестирование транспортных коридоров «суша – море». В результате в рамках экономического коридора Азия – Западная Азия количество грузовых поездов, курсирующих между Китаем и Европой, к 2020 г. достигло 12,4 тыс., увеличившись в годовом исчислении на 50%. Эти составы перевезли 1,135 млн вагонов в условных единицах TEU;

3) углубление международного сотрудничества в создании новых производственных мощностей, рост инвестиций и взаимной торговли. Ожидается, что китайские компании в ареале мегапроекта «Один пояс – один путь» сформируют 46 зон сотрудничества;

4) усиление приграничного сотрудничества, а также сотрудничества в финансовой, гуманитарной и образовательной сферах. Инициатива «Один пояс – один путь» включает в себя концепции сотрудничества, укоренившиеся в сердцах людей⁷, а не только в планах лидеров и правительств стран.

Безусловно, что инициатива «Один пояс – один путь» имеет очень многосторонний характер. Но основными прагматическими направлениями сотрудничества являются международные взаимодействия при реализации конкретных инвестиционных проектов, при создании новых предприятий и производственных мощностей, в сфере расширения товарооборота.

⁷ URL: <http://finance.china.com.cn/news/20160816/3861128.shtml> .

СОГЛАСОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ КИТАЯ И РОССИИ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДВУХ СТРАН

Стратегическая инициатива «Один пояс – один путь» учитывает как внутренние, так и внешние реалии КНР и других стран-участниц. С позиций внутренних условий и целей развития КНР это важная часть национального плана социально-экономического развития. Практика «реформ и открытости», начатая в 1978 г., полностью изменила лицо Китая, который превратился из бедной и отсталой страны в крупнейшую мировую державу. Однако многие проблемы развития, с которыми Китай сталкивается сегодня, требуют новых идей, нового мышления, новых концепций и углубления реформ. И именно в этом направлении работает данная стратегическая инициатива.

Для зарубежных стран «Один пояс – один путь» – это в первую очередь инициатива сотрудничества. Председатель Си Цзиньпин отметил, что это «инициатива в области развития, совместная инициатива и открытая инициатива»⁸. Она предполагает равноправное участие в консультациях, совместный вклад и взаимовыгодный обмен⁹.

Экономики стран, расположенных в ареале «Одного пояса – одного пути», в значительной степени дополняют друг друга, и эти страны обладают большим потенциалом для экономического и торгового сотрудничества. Пока страны укрепляют инфраструктуру сотрудничества и добиваются упрощения процедур взаимной торговли, они могут рассчитывать на экономический рост и повышение благосостояния своего населения.

Ключом к продвижению инициативы «Один пояс – один путь» является согласование (сопряжение, стыковка) стратегий развития стран-участниц. Для этого необходимо согласовать концепции сотрудничества и повысить уровень взаимного доверия в политической сфере. Без выполнения этих условий будет сложно реализовать данный мегапроект, имеющий глобальное стратегическое значение.

⁸ URL: http://news.gmw.cn/2015-11/08/content_17649527_4.htm .

⁹ URL: <http://www.chinanews.com/gn/2017/01-18/8128554.shtml> .

Согласование концепций сотрудничества означает, что у участников двусторонних или многосторонних партнерств одинаковое понимание сотрудничества, одинаковые ожидания относительно его результатов и у них достигнут консенсус в отношении согласования интересов и ответственности сторон. Стыковка стратегий развития означает, что содержание и направленность стратегий развития стран-партнеров не противоречат совместным интересам. Председатель Си Цзиньпин предложил «углубить стыковку стратегий развития... Изучить новый импульс сотрудничества в каждой стратегии развития, сформировать новое видение сотрудничества, зафиксировать его новые результаты... Обеспечить больший импульс для экономического роста в каждой стране»¹⁰.

За семь лет, прошедших с начала реализации инициативы «Один пояс – один путь», в деле согласования стратегий развития стран-партнеров были достигнуты важные результаты. Согласование китайско-российских стратегий развития стало не только ядром проекта «Один пояс – один путь», но и основой практического сотрудничества между двумя странами.

Возьмем, к примеру, китайско-российское сотрудничество в области энергетики. Энергетические рынки Китая и России в значительной степени дополняют друг друга. Китай является крупным потребителем и импортером энергии, а Россия – ее крупным производителем и экспортером. Энергетика имеет важное стратегическое значение в социально-экономическом развитии России. С конца 1990-х годов Китай и Россия провели множество консультаций и переговоров по энергетическому сотрудничеству. Примером их практических результатов стали знаменитый нефтепровод «Ангарск – Дацин» и нефтепровод «Ангарск – Находка».

Однако объем энергетических поставок нефти из России в Китай долгое время не превышал 15 млн т в год. Главная причина заключалась в том, что стратегии развития энергетики двух стран не были увязаны. После корректировки Энергетической стратегии Российской Федерации Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в ключевое

¹⁰ URL: http://news.gmw.cn/2015-11/08/content_17649527_4.htm .

направление российского экспорта энергоносителей. В 2015 г. Китай стал крупнейшим импортером российской нефти, когда ее поставки в КНР достигли 41 млн т¹¹. В 2016 г. экспорт нефти из России в Китай составил уже 52,5 млн т, а в 2019 г. – 77,6 млн т¹².

Здесь уместно упомянуть, что 21 мая 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент РФ В.В. Путин присутствовали при подписании китайско-российского Меморандума о взаимопонимании по поставкам газа по «восточному» маршруту, подписанного правительствами двух стран, Китайской национальной нефтяной корпорацией и «Газпромом». Одновременно был подписан договор по поставкам газа по китайско-российскому восточному маршруту. В соответствии с соглашением между двумя странами начиная с 2018 г. Россия поставляет газ в Китай по восточному маршруту китайско-российского газопровода, объем транспортируемого газа будет ежегодно увеличиваться и в итоге достигнет 38 млрд куб. м в год. Общий срок поставки газа в соответствии с этим соглашением составит 30 лет¹³.

Этот пример масштабного энергетического сотрудничества КНР и Российской Федерации наглядно демонстрирует последовательность стратегического партнерства и необходимость согласования долгосрочных интересов в энергетической сфере, а также взаимное доверие стран-партнеров.

Китай и Россия участвуют и в двух других стратегических инициативах, которые также требуют согласования. Речь идет, во-первых, об организации интеграционных взаимодействий участников проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и членов Евразийского экономического союза (что фактически формирует новую концепцию «Один пояс – один альянс»), во-вторых, о согласовании инициативы «Один пояс – один путь» и Большого евразийского партнерства.

8 мая 2015 г. в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву лидеры двух стран подписали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотруд-

¹¹ URL: <http://oil.in-en.com/html/oil-2444913.shtml> .

¹² URL: <http://mt.sohu.com/20170206/n480033892.shtml> .

¹³ См.: *China News Network*.

ничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Это был первый случай с момента выдвижения стратегической инициативы «Один пояс – один путь», когда Китай подписал документ о сотрудничестве, касающийся согласования со своими партнерами стратегий развития в рамках данной инициативы. Подписание этого документа заложило прочную политическую основу для прагматичного сотрудничества Китая и России со странами – участницами Евразийского экономического союза. В совместном заявлении говорилось, что Россия поддерживает создание Экономического пояса Шелкового пути и готова тесно сотрудничать с Китаем для содействия реализации этой инициативы, а Китай поддерживает Россию в активном продвижении интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и инициирует переговоры по торгово-экономическому сотрудничеству с ЕАЭС¹⁴.

Китай и Россия договорились приложить все усилия, чтобы связать создание Экономического пояса Шелкового пути с развитием Евразийского экономического союза с целью обеспечения устойчивого и стабильного роста национальных экономик, укрепления региональной экономической интеграции и поддержания мира в регионе. В упомянутом документе выдвигался ряд важных принципов сотрудничества. Один из них – готовность Китая и России сотрудничать в рамках Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза с констатацией, что это сотрудничество может осуществляться как на двусторонней основе, так и с использованием механизмов многосторонних отношений, особенно платформы ШОС, с соблюдением принципа открытости.

В мае 2018 г. в Астане (с 2019 г. – Нур-Султан, Казахстан) Китай и государства – члены Евразийского экономического союза подписали соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, что заложило основу для трансграничных взаимодействий в формате сопряжения стратегической инициативы «Один пояс – один путь» и развития ЕАЭС. Перед подписанием этого соглашения в ходе переговоров,

¹⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> .

которые продолжались в течение двух лет, были согласованы многие вопросы, касающиеся сотрудничества (таможенные процедуры и упрощение процедур международной торговли, защита прав интеллектуальной собственности, сотрудничество между ведомствами, государственные закупки, электронная торговля и конкуренция и др.).

Это был высокий уровень взаимодействий, достигнутый Китаем и Евразийским экономическим союзом. Было четко зафиксировано, что горизонтальные механизмы содействия международной торговле будут играть значительную роль в развитии экономического и торгового сотрудничества между Китаем и странами – членами ЕАЭС. Подписание упомянутого соглашения имело особое значение на фоне тенденций торгового протекционизма и антиглобализации, инициированных в то время Соединенными Штатами. Соглашение, достигнутое между Китаем и странами ЕАЭС, стало позитивным и четким сигналом миру о том, что Китай продолжает поддерживать экономическую глобализацию и многостороннюю торговую систему, продвигать либерализацию и упрощение процедур международной торговли.

Другим полигоном сотрудничества Китая и России стало Большое евразийское партнерство, основные направления которого также должны согласовываться со стратегической инициативой «Один пояс – один путь».

Инициатива по созданию Большого евразийского партнерства была выдвинута Президентом РФ В.В. Путиным. В своем выступлении на Санкт-Петербургском экономическом форуме в 2016 г. он заявил: «Предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения, – Китай, Индия, Пакистан, Иран и, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений»¹⁵.

Эта стратегическая инициатива Российской Федерации, по нашему мнению, является важным шагом в укреплении позиций России в мировом экономическом пространстве, и здесь Россия последовательно проводит свою политику. Вначале в рамках постсоветской

¹⁵ URL: <https://tass.ru/ekonomika/3376295>.

экономической и политической интеграции в 2015 г. был создан Евразийский экономический союз, в который вошли Россия и бывшие советские республики Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения. Очевидно, что в условиях экономической глобализации развитие России и других стран ЕАЭС невозможно вне мирового экономического пространства. Наиболее выгодный способ реализации национальных интересов на международной арене – это отстаивать формулировку адекватных правил и систем международного порядка, международной торговли и межстранового сотрудничества. Однако развитые страны Запада пытались исключить Россию из этого процесса, сами при этом формируя новые мировые экономические правила. Понятно, что как большая страна и бывшая сверхдержава, Россия не может мириться с такой реальностью.

Чтобы интегрироваться в экономическую систему западных стран, Россия прилагала различные усилия. Еще М.С. Горбачев предлагал построить «единое европейское здание». На заре правления Б.Н. Ельцина в отношениях с США был период «медового месяца». Когда Д.А. Медведев стал Президентом Российской Федерации, Россия провозгласила идею «перезагрузки» в отношениях с США. И так далее.

Кризис на Украине привел к напряженности в отношениях России с западными странами, особенно сложная ситуация образовалась во взаимодействии с США. Администрация Б. Обамы заявила, что они «полностью разочарованы» политикой России и президентом В.В. Путиным. Россия также заявила о разочаровании в демократическом правительстве США. Эти тенденции усилились после прихода к власти Д. Трампа. Очевидно, что в таких условиях России было очень трудно улучшить отношения с Америкой и ее западными партнерами.

Следует сказать, что укрепление отношений с западным блоком – это традиционное стремление России и одна из основ ее национальной политики. В то же время Российская Федерация предлагает и новые дипломатические идеи, учитывающие реалии времени. Как игрок мирового класса, Россия хорошо разбирается в общей ситуации, поэтому идея Большого евразийского партнерства является в определенном смысле альтернативой традиционному внешнеполитическому мышлению страны, ориентированному на Соединенные Штаты и Запад.

Большое евразийское партнерство – важная концепция сотрудничества, выдвинутая Россией в новой ситуации, и ее, так же как и стратегическое партнерство «Один пояс – один путь», можно назвать инициативой нового этапа евроазиатского трансграничного сотрудничества, учитывающей вызовы и угрозы XXI века. Эта концепция была впервые предложена российским ученым и политиком С.А. Карагановым, и суть ее заключается в построении Большого евразийского партнерства от Лиссабона до Владивостока¹⁶. Поначалу эта идея не привлекла внимания политических и академических кругов, потому что считалось, что для России самое главное – это реализовать экономическую интеграцию постсоветского пространства, охватывающего бывшие республики СССР, которое обычно и называют евразийским.

В декабре 2015 г. Президент РФ В.В. Путин выступил с ежегодным посланием Федеральному Собранию. В этом послании он заявил: «Рекомендуется проконсультироваться со странами – членами ШОС и АСЕАН и странами, которые присоединяются к ШОС, по налаживанию возможного экономического партнерства с Евразийским экономическим союзом»¹⁷. Говоря о взаимодействии в рамках ШОС и инициативы «Один пояс – один путь»¹⁸, он отметил: «Мы обсудим установление широкого транснационального партнерства с участием Евразийского экономического союза, АСЕАН и ШОС»¹⁹.

В Сочинской декларации, подписанной в 2016 г. в рамках диалога «Россия – АСЕАН», была отмечена необходимость взаимовыгодного сотрудничества между АСЕАН, Евразийским экономическим союзом и ШОС и содержалось предложение России, Евразийскому экономическому союзу и АСЕАН приступить к формированию всеобъемлющей зоны свободной торговли.

Все эти направления сотрудничества четко вписывались в идею создания Большого евразийского партнерства.

¹⁶ См.: *Да Пэн*. Большое евразийское партнерство России // Русский журнал. – 2017. – Вып. 2. (На кит. яз.).

¹⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>.

¹⁸ URL: <http://russian-asean20.ru/transcripts/20160520/194566.html>.

¹⁹ URL: <http://russian-asean20.ru/transcripts/20160519/169250.html>.

У России есть серьезные основы для реализации этой стратегической инициативы. Во-первых, степень интеграции в Евразийском экономическом союзе уже очень высока. Во-вторых, сотрудничество между Россией и АСЕАН стало широкомасштабным и набирает обороты. В-третьих, серьезный потенциал интеграционных взаимодействий заложен Шанхайской организацией сотрудничества, в которой восемь стран являются членами ШОС, четыре страны имеют статус государства-наблюдателя при ШОС и шесть стран являются партнерами по диалогу в рамках ШОС. В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что Шанхайская организация сотрудничества реально участвует в построении евразийского партнерства и играет в нем важную роль, обеспечивая гарантии его гармоничного развития.

Китай первым откликнулся на российскую инициативу «Большое евразийское партнерство». 25 июня 2016 г. после участия в Ташкентском саммите ШОС Президент РФ В.В. Путин посетил Китай. Одним из результатов китайско-российского саммита стало Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В нем, в частности, говорится: «Стороны подчеркивают первостепенное значение, придаваемое ими реализации российско-китайской договоренности о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути, зафиксированной в соответствующем Совместном заявлении от 8 мая 2015 года. Россия и Китай выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. В этой связи главы государств поручили правительствам двух стран проработать по линии компетентных ведомств и предложить меры по реализации этой инициативы в целях содействия углублению интеграционных процессов в регионе»²⁰.

Выделим несколько важных принципов такого сотрудничества: 1) основой для установления евразийского партнерства являются от-

²⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>.

крытость, прозрачность и учет интересов друг друга; 2) основными участниками на начальном этапе являются Китай, Россия, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и АСЕАН; 3) целью евразийского партнерства является углубление региональной интеграции.

В ноябре 2016 г. в совместном коммюнике, опубликованном после встречи премьер-министров двух стран, был положительно оценен прогресс в развитии российско-китайских отношений. Впоследствии соответствующие ведомства²¹ Китая и России выполнили поручения глав правительств КНР и РФ и начали подготовку технико-экономических обоснований евразийского партнерства по конкретным направлениям. В июне 2018 г. страны объявили о завершении Совместного технико-экономического обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве²².

В ходе многочисленных консультаций и обменов мнениями на всех уровнях стороны достигли консенсуса в совместном технико-экономическом обосновании конкретных областей будущих переговоров между Китаем и Россией в рамках реализации этого соглашения. Правительствам двух стран было предложено сосредоточить внимание на следующих вопросах: торговля, инвестиции, мобильность физических лиц и электронная коммерция, права интеллектуальной собственности, конкуренция, прозрачность, энергосбережение и повышение эффективности, экономическое и техническое сотрудничество, малые и средние предприятия, государственные закупки, институциональные механизмы и вопросы, связанные с международной торговлей.

Таким образом, сопряжение стратегической инициативы «Один пояс – один путь» с Большим евразийским партнерством будет способствовать созданию всеобъемлющего механизма либерализации торговли и инвестиций в Евразийском регионе.

²¹ В Китае – Министерство торговли КНР, в России – Министерство экономического развития РФ.

²² URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/depTorg/201808062> .

РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОСТРОЕНИЕ СООБЩЕСТВА С ОБЩИМ БУДУЩИМ

В инициативе «Один пояс – один путь» заложена не только новая концепция трансграничных экономических взаимодействий, но и новая концепция реализации мирного развития и построения гармоничного мира, предложенная Китаем и получившая название «Сообщество единой судьбы человечества»²³. Благодаря научно-технической революции и развитию экономической глобализации интересы и судьбы всех стран мира сегодня тесно связаны. Но также связаны люди и локальные сообщества, они едины в стремлении к максимальному удовлетворению собственных интересов и к безопасности своего существования.

Экономическая глобализация привела к формированию глобальной мировой экономики. Производство многих продуктов, особенно высокотехнологичных, основано на производственных цепочках, распределенных по всему миру. Немногие страны сейчас работают в одиночку, и рынок по своей сути глобален.

Что касается окружающей среды, у человечества есть только одна общая Земля, и в защите окружающей среды нет границ. О состоянии же экологической среды можно с сожалением сказать, что весь ущерб уже нанесен.

В отношении безопасности самая большая угроза, с которой сегодня сталкивается мир, – это не опасность в традиционном смысле, а ее нетрадиционные проявления: нищета, терроризм, распространение ядерных материалов, незаконная торговля наркотиками, экологические риски. Эти новые угрозы трансграничны по своей сути, и борьба с ними требует совместных усилий всего человечества. Перед лицом этих вызовов и угроз ни одной стране невозможно выжить в одиночку, и ни одна страна не может доминировать в мире. Поэтому Китай выступает за то, чтобы все страны добивались всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности.

²³ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm.

На новом витке научно-технической и промышленной революции все страны стремятся решать возникшие экономические и социальные проблемы, модернизировать управление экономическим ростом и ориентироваться на инновационное развитие. В этой ситуации построение открытой мировой экономики, создание и развитие прозрачной, инклюзивной и недискриминационной многосторонней торговой системы, преодоление торгового протекционизма способствуют развитию всех стран.

Инициатива «Один пояс – один путь» – это инициатива сотрудничества, основанная на 5000-летней истории цивилизации Китая. Ядро китайской цивилизации составляет стремление к «миру, гармонии и мирным отношениям», что означает гармонию между человеком и природой и гармонию между народами. «Сообщество единой судьбы человечества» – наследие китайской цивилизации и культуры.

«Один пояс – один путь» – это инициатива, направленная прежде всего на многостороннюю торговлю и прагматичное сотрудничество многих стран-участниц. Она учитывает особенности экономического развития стран и регионов, уже реализуемое в них сотрудничество, а также особенности и проблемы реструктуризации экономики, трансформации методов производства и моделей управления, содействия развитию торговли и инвестициям. Она основана на принципах открытости, прозрачности и взаимной выгоды, а при реализации любого проекта в ее рамках используется практика консультаций и совместного выполнения.

Тем не менее от призывов к созданию сообщества с общим будущим и отстаивания модели взаимовыгодного сотрудничества до реализации конкретных проектов межстрановых взаимодействий необходимо пройти нелегкий путь, на котором подстерегает ряд трудностей.

Во-первых, согласование стратегий развития зависит не только от объективных экономических условий, но и от воли лиц, принимающих политические решения. Хотя объективно экономики всех стран – участниц инициативы «Один пояс – один путь» дополняют друг друга, реальное сопряжение стратегий их развития все еще ограничивается множеством факторов и условий, таких как конкретная эко-

номическая политика национальных правительств, соответствие или несоответствие приоритетов стратегической инициативы «Один пояс – один путь» национальным приоритетам конкретных стран, конкурентные позиции стран-участниц в отношении развития транспортной инфраструктуры, интересы различных групп влияния в этих странах (в том числе интересы третьих стран, негативно оценивающих данную инициативу) и т.д. Принимая во внимание особенности политических систем, культурные и исторические традиции различных макрорегионов мира (особенно Евразийского региона), нельзя игнорировать роль лиц, принимающих важные государственные решения.

Во-вторых, необходимы корректировка механизмов и «подстройка» институциональных условий разных экономических систем. Так, страны географического ареала «Одного пояса – одного пути» имеют разные исторические традиции, в них разные политические реалии, условия их социально-экономического развития существенно различаются. Эти различия в первую очередь проявляются в политике и условиях привлечения иностранных инвестиций и зарубежных технологий, в системе регулирования валютных операций, в статусе иностранных инвестиций, в политике использования рабочей силы, в визовой системе и т.д. Однако нужно быть реалистами и понимать, что корректировка механизмов экономической политики в различных странах – участницах инициативы требует времени и проблемы гармонизации механизмов управления и институциональных условий не могут быть решены в одночасье.

В-третьих, необходимы практические меры для защиты инвестиций. Большинство проектов стратегической инициативы «Один пояс – один путь» – это крупные или сверхбольшие проекты, требующие огромных инвестиций. В то же время существуют объективные риски и факторы нестабильности, препятствующие их безопасной реализации. В некоторых странах постоянно меняются правительства, их политические системы недостаточно стабильны, в ряде стран и регионов напряженная внутривнутриполитическая ситуация. В странах Центральной Азии, прилегающих к Афганистану, существование враждующих сил напрямую угрожает безопасности мегапроекта «Один пояс – один путь». В этом случае необходимы меры по защите

интересов инвесторов, включая действенные законодательные меры и государственные гарантии.

В-четвертых, необходима поддержка со стороны государства и бизнеса гуманитарной составляющей инициативы «Один пояс – один путь». Для реализации крупных и эффективных проектов требуется не только согласование стратегий развития, но и хорошая гуманитарная среда (в том числе культурные обмены, сотрудничество со СМИ, локальные гуманитарные инициативы приграничного сотрудничества). Между тем нередки случаи, когда ряд информационных агентств и средств массовой информации распространяют недостоверную информацию об инвестиционных проектах или партнерах инициативы «Один пояс – один путь», преследуя интересы недобросовестной конкуренции. Поэтому укрепление сотрудничества со СМИ, осуществление культурного обмена, создание международного и межнационального дружественного и гармоничного гуманитарного пространства с целью формирования объективного общественного мнения о данной стратегической инициативе являются важными условиями ее успешной реализации.

В-пятых, продвижение инициативы «Один пояс – один путь» должно осуществляться в соответствии с принципами рыночной экономики, что обеспечит справедливость и взаимную выгоду при реализации конкретных проектов путем предотвращения монополии и противодействия протекционизму. Монополия – это самое большое препятствие на пути к социально-экономической справедливости, а также фактор, препятствующий развитию и ведущий к коррупции. Протекционизм – это не только барьер на пути к глобализации, но и препятствие для регионального и многостороннего сотрудничества.

Действовать в соответствии с принципами рыночной экономики – значит поощрять равное участие всех экономических форм международного сотрудничества. В реализации инициативы «Один пояс – один путь» совместное и равноправное участие различных форм бизнеса является гарантией успеха, а основными участниками проектного сотрудничества должны быть предприятия разных форм собственности, и особенно частные.

Действовать в соответствии с принципами рыночной экономики – значит защищать инвестиции и защищать права интеллектуальной собственности. Здесь самое важное – следовать закону. Инвесторы должны повышать свою правовую осведомленность, обращая внимание на соответствующие законы страны – объекта инвестирования, соблюдать ее законы. В то же время они должны защищать свои законные права и интересы в соответствии с международным и национальным законодательством.

Действовать в соответствии с принципами рыночной экономики – значит неизбежно будет конкуренция, в том числе между предприятиями, между отраслями и даже между странами. Эта конкуренция должна быть честной и прозрачной. Поскольку реализация инициативы «Один пояс – один путь» основана на взаимных консультациях, на совместной реализации проектов, на разделении труда и на использовании собственных конкурентных преимуществ, здесь не должно быть недобросовестной конкуренции.

Для содействия реализации рыночных принципов в рамках стратегической инициативы «Один пояс – один путь» правительство КНР инициировало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути. С целью гармонизации и сопряжения стратегий развития необходимо также использовать такие институты развития и финансовые структуры, как Банк развития БРИКС и Банк развития Шанхайской организации сотрудничества. Работа этих институтов, безусловно, будет играть важную роль в продвижении инициативы «Один пояс – один путь».

В целом, Китай и Россия придерживаются принципов добрососедства, взаимной выгоды и учета взаимных интересов, что гарантирует эффективное и дружественное развитие двух стран. В 2021 г. исполняется 20 лет со дня подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Договор обеспечивает важные принципы и правовые гарантии для развития отношений между КНР и Российской Федерацией.

В этот важный момент академическое сообщество Китая и России несет особую ответственность за интеллектуальную поддержку долгосрочного развития российско-китайских отношений. Мы считаем,

что согласование стратегий развития двух государств (в том числе в рамках реализации инициативы «Один пояс – один путь») – это не только важное направление повышения уровня и качества экономических взаимодействий КНР и РФ, но и область, в которой академическое сообщество может лучше всего сыграть свою роль и реализовать свои научные компетенции. Поэтому китайско-российское сотрудничество в гуманитарных науках имеет хорошие перспективы, и аналитическим центрам, работающим в этой сфере (к которым принадлежат, в частности, Исследовательский центр «Пояс и Путь» Академии общественных наук КНР и Международный научный центр Сибирского отделения РАН по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии), предстоит долгий и плодотворный путь!

Информация об авторе

Ли Юнцюань (*Li Yongquan*) (Пекин, КНР) – профессор, председатель Всекитайской ассоциации изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии, директор Института китайско-российских отношений Университета Китайской академии общественных наук.

DOI: 10.15372/REG20210209

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 211–235

Li Yongquan

JOINT WORK ON THE BELT AND ROAD INITIATIVE WITHIN THE STRATEGIC CONJUGATION OF CHINA'S AND RUSSIA'S ECONOMIC STRATEGIES

The Belt and Road Initiative is a strategic project initiated by China and aimed at improving international cooperation. It calls for pursuing coherent infrastructure solutions, seamless trade, and financial interconnectedness by

strengthening political interaction between partner states to achieve mutual benefits. The Sino-Russian ties within the Belt and Road Initiative, the Eurasian Economic Union, and the Greater Eurasian Partnership have become an integral part of their general strategic cooperation. Conjugating the development strategies is crucial for this cooperation to reach meaningful results. Comprehensive partnership between China and Russia, which includes their strategic interactions, relies on the basic principles outlined in the Treaty of Good-Neighborhoodliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation. Now, at a time when the world is undergoing tremendous turmoil, Sino-Russian cooperation is not only an important external development factor for both countries but also a guarantee of regional and global stability.

Keywords: Sino-Russian relations; the Belt and Road Initiative; the Greater Eurasian Partnership; conjugation of the development strategies; regional cooperation; global stability

For citation: *Li Yongquan*. (2021). Sovmestnaya realizatsiya initsiativy «Odin poyas – odin put» v kontekste stykovki strategiy ekonomicheskogo razvitiya Kitaya i Rossii [Joint work on the Belt and Road Initiative within the strategic conjugation of China's and Russia's economic strategies]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 211–235. DOI: 10.15372/REG20210209.

Information about the author

Li Yongquan (Beijing, China) – Professor, President of Chinese Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Dean of the School of International Relations, University of the Chinese Academy of Social Sciences.

Поступила в редколлегию 16.03.2021.

После доработки 22.03.2021.

Принята к публикации 23.03.2021.

© Ли Юнцюань, 2021

УДК 338.98

Регион: экономика и социология, 2021, № 2 (110), с. 236–266

А.С. Новоселов, А.Е. Ковалев, Е.А. Гайдук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье исследованы методологические проблемы управления социально-экономическим развитием муниципальных образований, рассмотрены подходы к разработке новой концепции муниципального управления социально-экономическими процессами, проанализированы современные подходы к изучению проблем муниципального управления на основе моделирования социально-экономических процессов. Обоснована необходимость системного подхода в муниципальном управлении и использования современного экономико-математического инструментария с целью повышения эффективности принимаемых управленческих решений. Разработаны методологические основы и методический аппарат для моделирования процессов управления экономикой муниципальных образований как сложных институциональных систем. Предложена балансово-оптимизационная модель, предназначенная для прогнозирования социально-экономических процессов развития муниципального образования и управления ими.

В основу предлагаемых методов положены следующие предпосылки. Управление муниципальным образованием представляет собой сложный многоплановый процесс, включающий в себя решение стратегических и тактических задач. Необходимость повышения сбалансированности принимаемых решений в муниципальном управлении с учетом долгосрочных целей требует совершенствования многофункционального инструментария. Развитие муниципального образования осуществляется в рамках финансово-бюджетных циклов, равных по длительности од-

ному году. В каждом таком цикле принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета и использование средств бюджета в текущем году и в последующие годы, а также влияющие на качественные, нефинансовые показатели развития города.

Предлагаемая модель прогнозирует показатели развития муниципального образования на длительную перспективу. На основе обобщения положительного опыта использования модели на примере двух небольших городов – Бердска (Новосибирская область) и Кызыла в статье рассматривается применение указанной модели для одного из крупнейших муниципальных образований РФ – г. Новосибирска. Результаты исследования показали, что с помощью разработанной модели могут быть сделаны прогнозы изменений, которые будут происходить в муниципальном образовании в ответ на определенные виды управленческих воздействий. При этом можно рассчитывать показатели развития муниципального образования в ходе финансово-бюджетных циклов, в каждом из которых принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета не только в следующем году, но и в последующие годы, а также влияющие на социально-экономические показатели развития города.

Ключевые слова: муниципальное управление; стратегическое планирование; моделирование; прогнозирование; социально-экономическое развитие

Для цитирования: Новоселов А.С., Ковалев А.Е., Гайдук Е.А. Совершенствование муниципального управления на основе моделирования социально-экономических процессов // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 236–266. DOI: 10.15372/REG20210210.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время актуально создание теоретических и методических подходов к формированию нового механизма управления муниципальной экономикой. Это становится необходимым условием реализации социально-экономических реформ во всех муниципальных образованиях. Развитие теории регионального управления свя-

зано с исследованием пространственного аспекта механизма управления, включая анализ социально-экономических противоречий на уровне муниципальных образований и обоснование подходов к согласованию интересов бизнеса, органов управления и населения [2; 4; 6; 11]. Актуальность проблемы усиливается тем обстоятельством, что система управления на муниципальном уровне только формируется, ее становление происходит в условиях недостаточной изученности пространственного аспекта социально-экономического развития и слабой разработанности методов интеграции муниципального уровня в общую систему управления субъектом Федерации.

Проблема формирования системы управления пространственным развитием региона и развитием муниципальных образований, безусловно, находит широкое освещение в научной литературе. Вместе с тем следует отметить, что решается эта проблема в период административной реформы и становления всей системы управления в РФ, когда еще нет устоявшихся представлений о распределении полномочий, адекватном распределении бюджетных ресурсов и разрешении противоречий между правовыми полномочиями территориальных образований различного уровня и финансово-экономическими возможностями реализации этих прав [5; 7; 9; 10].

Особенность формирования такой системы управления определяется несколькими обстоятельствами:

- закон об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации оставляет ряд нерешенных вопросов, касающихся распределения полномочий между муниципальным и региональным уровнями;
- самостоятельность муниципальных образований в принятии управленческих решений значительно возрастает;
- законодательные изменения в налогово-бюджетной системе не ведут к усилению собственной финансовой базы муниципальных образований;
- большая часть муниципальных образований (во многих регионах) не обладают финансовой самодостаточностью и получают значительные дотации из областного бюджета;

- отсутствует адекватный механизм управления, обеспечивающий разрешение противоречий между финансовой неспособностью муниципальных образований и их законодательными полномочиями.

Осуществляемые реформы оказывают непосредственное влияние на экономику муниципальных образований, которая характеризуется высокой степенью открытости. Все в большей степени усиливаются взаимосвязанность и взаимозависимость городов и районов, являющихся подсистемами региональной экономической системы. Открытый характер региональных систем предполагает тесную зависимость процессов формирования товарных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов и реализации конечной продукции каждого города и района от размещения производства и потребления, от структуры межрегиональных связей в масштабе России, стран ближнего и дальнего зарубежья [5–17; 21]. Развитие инновационной среды, проявляющееся в быстром распространении новых технологий, компьютеризация экономической деятельности меняют характер муниципальных отношений, глобальная информатизация усиливает интеграционные процессы посредством обмена коммерческой, производственной, научно-технической информацией, резко возрастает роль знаний и инноваций в экономическом развитии городов и районов и в обеспечении устойчивой конкурентоспособности.

Таким образом, возникает необходимость в новом подходе к формированию механизма муниципального управления и разработке методов регулирования процессов социально-экономического развития городов и районов. Поскольку в условиях перехода к развитым рыночным отношениям создаются новые рыночные институты, функционирующие одновременно с элементами старой системы, требуется изучить проблемы формирования механизма муниципального управления в регионе с учетом взаимодействия с различными хозяйствующими субъектами, проанализировать экономические предпосылки и закономерности формирования структуры этого механизма.

В настоящее время наиболее актуальными становятся следующие основные задачи:

- исследование предпосылок и ограничений социально-экономического развития муниципальных образований с целью определения приоритетных направлений развития;
- проведение сравнительного анализа социально-экономического развития муниципальных образований и изучение их взаимосвязей в экономическом пространстве региона;
- определение направлений повышения инвестиционной привлекательности муниципальных образований;
- разработка принципов и методов формирования финансово-экономических отношений региона и муниципальных образований;
- разработка структуры и элементов механизма управления пространственным развитием региона;
- исследование форм и методов консолидации различных структур местного сообщества при разработке стратегии развития муниципальных образований.

Задача исследования заключается также в том, что необходимо создание новой методологии управления пространственным развитием субъекта Федерации в изменившихся условиях, когда большая часть муниципальных образований объективно экономически несамостоятельны, и должны быть разработаны новые формы, методы и механизм участия региональных органов власти в управлении муниципальными образованиями.

Методологической основой разработки нового механизма управления является теория регионального воспроизводства. С опорой на эту теорию обосновываются полномочия и функции управления на региональном и муниципальном уровнях, изучаются противоречия на региональном и муниципальном уровнях, формы и методы их разрешения, анализируются функции и полномочия различных уровней территориальной системы, исследуются формирование и распределение финансовых потоков в регионе, оцениваются источники формирования инвестиционных ресурсов и методы их привлечения [12; 14; 18; 19].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Особенность предлагаемого подхода к решению проблемы формирования нового механизма управления социально-экономическим развитием муниципальных образований состоит в том, чтобы рассматривать в единстве вопросы практического становления местного самоуправления и создания такой подсистемы управления муниципальными образованиями, которая бы являлась частью общей системы управления социально-экономическим развитием субъекта Федерации. Одной из проблем муниципального управления является отсутствие четкой системы управления воспроизводственными процессами. Поэтому главная задача в сфере управления экономикой региона на современном этапе состоит в том, чтобы из имеющихся отдельных элементов создать единую систему управления. При создании новой системы муниципального управления следует опираться на понимание того, что, во-первых, региональная экономическая система имеет сложную структуру, во-вторых, для управления составными элементами этой системы (муниципальными образованиями) требуется разработка специфических механизмов управления, в-третьих, эти механизмы должны быть взаимно непротиворечивы.

При распределении полномочий, связанных с управлением, между территориями различных рангов (субъект Федерации, город, район) важно опираться на положение о том, что совокупность региональных воспроизводственных циклов, пространственно локализованных на территории определенного ранга, должна определять круг функций и полномочий того или иного уровня власти. Критерий распределения социально-экономических функций управления между различными уровнями территориальной системы – степень локализации использования результатов выполняемых функций. Не масштабы и количественные параметры социально-экономического развития, а совокупность осуществляемых функций управления должна стать отличительной особенностью административно-территориальных образований различных рангов. Такой подход к решению данной проблемы позволяет конкретизировать ответственность за решение

социально-экономических задач на каждом уровне муниципального управления.

В задачи муниципальных органов управления входят эффективное управление муниципальной собственностью, экономическое регулирование процессов функционирования предприятий и организаций производственной и непроизводственной сфер различных форм собственности, регулирование деятельности населения, занимающегося частным предпринимательством, деятельности организаций рыночной инфраструктуры и других сфер. Для эффективного управления социально-экономическим развитием муниципального образования необходимо выполнение следующих условий.

Муниципальные органы управления, не вмешиваясь в дела экономически самостоятельных предприятий, должны играть интегрирующую роль в создании социально-экономической среды местного сообщества, т.е. управлять теми процессами, в которых заинтересованы бизнес и население муниципального образования и которые непостоянны отдельным предприятиям.

Взаимоотношения муниципальных органов власти и бизнеса должны рассматриваться с позиций каждого субъекта во взаимосвязи различных аспектов (социального, экономического, финансового, инвестиционного, инновационного и др.). При рассмотрении вопросов муниципального налогообложения с точки зрения бизнеса выделяются такие аспекты, как влияние на прибыль, инвестиции, технологии, а при оценке с позиций муниципальных органов власти – возможность выбора состава местных налогов, налоговых ставок, а также влияние внешних источников доходов. Таким образом, создается возможность всестороннего учета экономических интересов бизнеса, что позволяет обеспечить согласованность и взаимовыгодность рыночных отношений.

Взаимодействие муниципальных органов управления и бизнеса должно рассматриваться как муниципально-частное партнерство, а местные налоги выступают эффективным средством поддержания взаимовыгодных отношений. Располагая устойчивой базой налогообложения, муниципальные органы управления обеспечивают развитие инфраструктуры, необходимой для бизнеса, охрану окружаю-

щей среды, развитие образования и здравоохранения. Партнерство рассматривается главным образом как вопрос местной компетенции, и в этом вопросе муниципальные власти должны быть самостоятельны и не должны зависеть от воли федеральных и региональных органов.

Практическая реализация намеченных реформ в местном самоуправлении и трансформирование муниципальных образований в реальные самостоятельные структуры общественно-экономической системы невозможны без создания адекватного механизма управления, основанного на принципах функционирования гражданского общества, требующего активного участия населения в управлении развитием местного сообщества. В связи с этим необходима разработка элементов механизма управления муниципальными образованиями, обеспечивающих формирование стратегии развития с участием всех групп местного сообщества, заинтересованных в социально-экономическом развитии муниципального образования, в создании привлекательного инвестиционного климата. При этом также требуется разработка элементов механизма финансовой поддержки муниципальных образований, включающего формы и методы оказания финансовой помощи, основанные на реализации как принципов справедливого формирования межбюджетных отношений, так и принципов экономической эффективности.

Одно из условий повышения эффективности муниципального управления – создание новой технологии ведения планово-прогнозных документов, обеспечивающей единство и взаимосвязь различных уровней пространственной системы: федерального, регионального, муниципального. Это требует новых методических подходов к системе управления на муниципальном уровне, в которой должны быть определены полномочия регионального и муниципального уровней, а также бюджетно-финансовый механизм взаимодействия региональных и муниципальных органов власти.

Приведенные выше положения составляют основу новой концепции муниципального управления социально-экономическими процессами, которая предполагает, что отношения муниципальных органов управления с бизнесом и населением строятся на принципах взаимной выгоды.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Исследование проблем управления муниципальными образованиями как сложными экономическими системами имеет давние традиции как в России, так и за рубежом. Зарубежные ученые исследуют проблемы муниципального управления в основном с позиций развития городов и агломераций и концентрируют внимание преимущественно на области применения моделей общего равновесия [26; 30]. Их работы связаны главным образом с выбором оптимальных функциональных форм для описания рынков и экономических субъектов, с заданием различных априорных предположений, с расширенным описанием внешних условий, с переходом от экзогенного определения показателей модели к эндогенному и т.д. При этом выбор функциональных форм и прочих параметров моделирования осуществляется в рамках решения отдельно взятой специализированной задачи или отдельных проблем, например проблем рынка жилья на муниципальном уровне [22; 23; 27], демографии отдельно взятого города, перенаселенности, влияния миграции на экономический рост городов [24; 34], экстерналий в городской экономике [23], конкурентных преимуществ городов [25] и других проблем развития муниципалитетов [29].

Примером системного подхода к моделированию развития муниципальной экономики является работа [28]. Данное направление исследований продолжено и расширено в работах [31; 32], в которых моделируется развитие городов, рассматриваются развитие и взаимосвязь этих городов по нескольким параметрам, в число которых входят миграция, доходы домохозяйств, занятость, потребление. Анализируются варианты миграции населения, стремящегося максимизировать свои доходы и минимизировать затраты на аренду жилья, на проезд к месту работы, на повышение уровня образования. Для описания фирм-работодателей используется производственная функция, которая помимо количества рабочих учитывает человеческий капитал. В итоге модель демонстрирует зависимость между эффектив-

ностью пространственной организации города и уровнем экономической отдачи от факторов производства, которыми он обладает (в частности, от земли и человеческого капитала). При этом в модели не присутствуют муниципальные власти как активные агенты, влияющие на развитие городской экономики и городского хозяйства.

Недостатком используемых в упомянутых работах моделей муниципальных образований является то, что в них не учитывается роль муниципальной власти как активного участника экономических и политических процессов, влияющего на развитие городского хозяйства. В основном эти модели предназначены для выявления отдельных закономерностей и для проверки выдвигаемых исследователями гипотез, и результат оценки эффективности проведения местными администрациями той или иной экономической политики на моделях такого типа будет в значительной степени зависеть от спецификации функциональных форм при описании экономических агентов.

Подходы, представленные в работах российских ученых, различаются как по набору инструментов моделирования и анализа, так и по выбору объекта исследования. Так же как и зарубежные коллеги, отечественные ученые рассматривают не муниципальное образование в целом, а некоторые его функции или процессы. Как правило, это распределение финансовых средств, иных ограниченных ресурсов или налоговой нагрузки. Работы российских специалистов условно можно разделить по видам применяемых подходов на две основные группы: опирающиеся на качественные подходы и на количественные. Указанные подходы не являются взаимоисключающими и на практике дополняют друг друга. В то же время их совместное применение позволяет использовать максимум доступной информации и, как следствие, получать более качественные модели с точки зрения их соответствия наблюдаемым в жизни состояниям объекта и применимости в практике управления.

Примером использования качественного анализа является исследование [13], в котором для изучения внутренней и внешней среды муниципального образования применен метод SWOT-анализа. Применение этого метода обусловлено тем, что в управлении (стратегическом или текущем) решения часто принимаются на основании экс-

пертных оценок, имеющих, как правило, качественные, а не количественные значения. В дальнейшем [20] данное исследование было дополнено методами количественного анализа задачи оценки влияния различных действующих сил на ожидаемый итоговый результат разработки согласованной программы развития города. С нашей точки зрения, серьезным недостатком описанной модели является неприменимость ее для решения задачи распределения ограниченных ресурсов, которая весьма актуальна для любого хозяйствующего субъекта и любого муниципального образования. Кроме того, представленная интерпретация модели выполнена с учетом целого ряда упрощающих предположений, что значительно снижает эффективность ее применения.

В работе, посвященной методике двухуровневого распределения муниципального бюджета на основе нейросетевой модели [1], изложен опыт использования количественного анализа для расчета распределения муниципальных финансовых ресурсов, выбранных в качестве основного объекта исследования. Описанная методика охватывает более широкий круг показателей и значительно более приближена к решению реальных задач муниципального образования, чем предыдущий подход. При этом в модели затрагивается пространственный аспект за счет рассмотрения не единственного, а всех муниципальных образований на территории региона. Согласно данной методике объект исследования рассматривается с точки зрения существования двух уровней бюджетных отношений: муниципальных образований и муниципальных учреждений. Для оценки показателей эффективности работы учреждений за отчетный период строится уникальная с точки зрения используемых методик обучения нейросетевая модель. Данная работа представляет собой отдельную ветвь исследований на основе нейросетевых моделей, но использование ее результатов для разработки планов социально-экономического развития муниципального образования в настоящий момент носит, на наш взгляд, весьма ограниченный характер.

Следующая предлагаемая модель решает узкоотраслевую задачу управления муниципальным образованием [8], в ней использован принцип Беллмана для решения оптимизационной задачи по распределению инвестиционных ресурсов среди конечного числа проектов,

направленных на восстановление инженерных сетей муниципального образования. Данная работа является примером использования методов динамического программирования для нахождения оптимального распределения финансовых ресурсов в муниципальном образовании. Решение оптимизационной задачи динамического программирования с максимизацией совокупного экономического эффекта для муниципального образования от реализации всех указанных проектов представляет собой план распределения финансовых средств среди этих проектов. При этом предлагается использовать в качестве меры экономического эффекта интегральный показатель, который учитывает ряд введенных автором критериев полезности конкретных проектов. Однако сам интегральный индикатор или подходы к его разработке не предложены.

Таким образом, в настоящее время в России продолжается разработка управленческого инструментария в форме экономико-математических моделей муниципальных образований, а также их внутренних и внешних процессов. При этом все чаще применяются методы многоэтапного анализа с использованием различных подходов, направленных на повышение качества итоговых результатов исследования. Тем не менее в экономической литературе представлено недостаточно работ, в которых муниципальное образование рассматривается в целом как система. Зачастую авторы работ выбирают для анализа отдельные направления деятельности, что, среди прочих причин, может объясняться недостаточной развитостью вычислительных продуктов, не способных учесть при расчетах все необходимые для получения качественных результатов данные, ограничения и взаимосвязи.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК СЛОЖНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Применение системного подхода к управлению с целью повышения эффективности принимаемых управленческих решений предполагает необходимость совершенствования многофункционального экономико-математического инструментария для регионального и муни-

ципального уровней. Определение направлений, факторов и условий устойчивого социально-экономического развития региона или муниципального образования, находящегося во взаимодействии как с другими муниципальными, так и с региональными и федеральными органами управления, требует применения аналитического инструментария, обеспечивающего системность представления взаимосвязей и процессов функционирования всех звеньев региональной и муниципальной экономики, сбалансированность прогнозирования потребностей экономических субъектов региона, муниципальных образований и возможностей их удовлетворения, научно обоснованные оценки последствий управляющих воздействий, возможности проведения многовариантных сценарных расчетов траекторий экономического и социального развития, в том числе по сценариям различных уровней власти с различными горизонтами планирования.

Социально-экономическое развитие муниципальных образований оценивается по многим параметрам, и система показателей, характеризующих достижения в этих направлениях, в настоящее время активно развивается. Правительством Российской Федерации были утверждены показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. В список показателей для оценки эффективности работы органов местного самоуправления включены натуральные показатели, такие как количество муниципальных общеобразовательных учреждений, медицинских учреждений, и относительные показатели, которые приводятся в расчете на одного жителя или рассматриваются в процентах от установленных нормативов.

Администрация муниципального образования способна воздействовать на экономику за счет внедрения различных проектов, финансирования, субсидирования и административной, законодательной поддержки того или иного направления ее развития. Эти воздействия принято называть управляющими. Решения, принимаемые в муниципальном управлении, проявляются в изменении доходной и (или) расходной части муниципального бюджета, а также в изменении качественных показателей удовлетворения потребностей населения в каждом финансовом цикле. Такие решения, как правило, имеют

долгосрочные последствия, т.е. оказывают существенное влияние на показатели развития муниципального образования в течение нескольких лет. При этом важнейшим инструментом муниципального управления является бюджетный процесс, и наполнение бюджета становится одним из главных критериев эффективности работы органов власти. Способы наполнения бюджета должны содействовать росту экономики и пространственному выравниванию экономического развития. Пополнение бюджета и использование бюджетных средств муниципального образования обусловлены свойствами финансово-бюджетной системы, в которой изменение одних факторов в определенной перспективе сказывается на других. Так, наполнение бюджета зависит не только от управленческих решений, принятых в предыдущие периоды, это результат целого комплекса факторов, на многие из которых могут и должны оказывать влияние органы власти.

Развитие муниципальных образований в Российской Федерации в значительной степени зависит от решений, принимаемых и воплощаемых региональными властями. Муниципалитеты являются опорными центрами реализации региональных программ развития. Необходимость повышения сбалансированности принимаемых решений в муниципальном управлении с учетом долгосрочных целей приводит к потребности совершенствования многофункционального экономико-математического инструментария на региональном и муниципальном уровнях. Измерение и прогнозирование комплекса факторов развития муниципального образования представляют собой довольно сложную задачу. В этих условиях особую актуальность приобретают исследования в области моделирования социально-экономического развития муниципального образования, позволяющие построить план-прогноз с учетом долгосрочной перспективы и взаимозависимости ключевых показателей, основанный на представлении о муниципальном образовании как целостной сбалансированной системе. Создаваемые модели должны облегчить эту задачу и дать ориентиры для эффективного управления муниципальным образованием. При этом построение системы планово-прогнозных документов представляет собой необходимое условие формирования эффективной системы управления.

В основу методологии исследования положена балансово-оптимизационная модель муниципального образования, разработанная авторами. Новизна этого методологического подхода состоит в разработке модели управления, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности и повышения активности муниципальных образований в реализации стратегии экономического развития, и предполагает использование методики динамического моделирования. Оригинальность подхода заключается в том, что при разработке модели муниципальная экономическая система рассматривалась как часть современной системы управления, что обуславливает открытость системы. В то же время экономика муниципального образования представляется как множество взаимосвязанных подсистем, которые за счет комплексного балансово-оптимизационного моделирования и прогнозирования динамики показателей социально-экономического развития получают взаимосвязанные планы достижения совместных и частных целевых показателей. При этом достижение целевых значений показателей социально-экономического развития обеспечивается при выполнении балансовых соотношений и ресурсных ограничениях.

В исследовании использовалась разработанная авторами экономико-математическая модель, отражающая изменения, происходящие в моделируемом муниципальном образовании. Модель опирается на предположение о том, что развитие муниципального образования осуществляется в рамках циклического процесса, в котором финансово-бюджетный цикл равен по длительности одному году. В каждом таком цикле принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета и на использование бюджетных средств не только в текущем году, но и в снижающейся степени в последующие годы, а также влияющие на качественные нефинансовые показатели развития города. Описание такого процесса соответствует задаче динамического программирования. Для создания модели динамического программирования применительно к муниципальному образованию была использована модель Р. Беллмана.

Данная модель позволяет находить оптимальное решение в многомерной задаче путем ее декомпозиции на этапы, каждый из которых представляет собой подзадачу относительно одной переменной. Пре-

имущество такого подхода состоит в том, что вместо многомерной задачи на каждом этапе решаются одномерные оптимизационные задачи. Это в целом соответствует характеристикам бюджетного процесса и годового планирования в муниципальном образовании. В частности, долгосрочное планирование развития муниципального образования допускает интерпретацию как многошаговый процесс принятия решения. Степень решения задач, стоящих перед муниципалитетом, имеет измерение в виде ключевых показателей, но не имеет максимального предела в долгосрочной перспективе, при этом в целом сохраняя свою структуру. Выполнение этих задач описывается множеством параметров. Выбор решения (управления) на каждом шаге не оказывает влияния на предыдущие решения.

Разработанная модель охватывает различные показатели, характеризующие развитие муниципального образования. В исследовании по модели проводится большой объем вычислений, которые организованы таким образом, что современные компьютеры оперативно производят все необходимые расчеты с минимальным участием человека. Модель имеет следующие особенности: использование метода Р. Беллмана; расчет интегрального показателя, характеризующего в целом развитие муниципального образования; расчет показателей «возмущения», характеризующих предполагаемое отношение населения к решению определенного перечня задач, стоящих перед муниципальным управлением.

Значения переменных в модели определяются последовательно для каждого года. Полученный результат расчетов для одного года вводится в уравнение для следующего года и т.д. Таким образом, проводя последовательные вычисления, можно получить результаты решения задачи для любого момента времени. Модель представляет собой систему взаимосвязанных блоков, отражающих различные аспекты деятельности муниципального образования: демографический блок, экономический блок, блок жилищно-коммунальных услуг, блок образования, блок собственности, блок потребления. Для работы модели используется интегральный критерий оптимальности, суммирующий критерии оптимальности каждого этапа. Порядок работы с моделью и основные направления взаимосвязей блоков модели приведены на рис. 1.

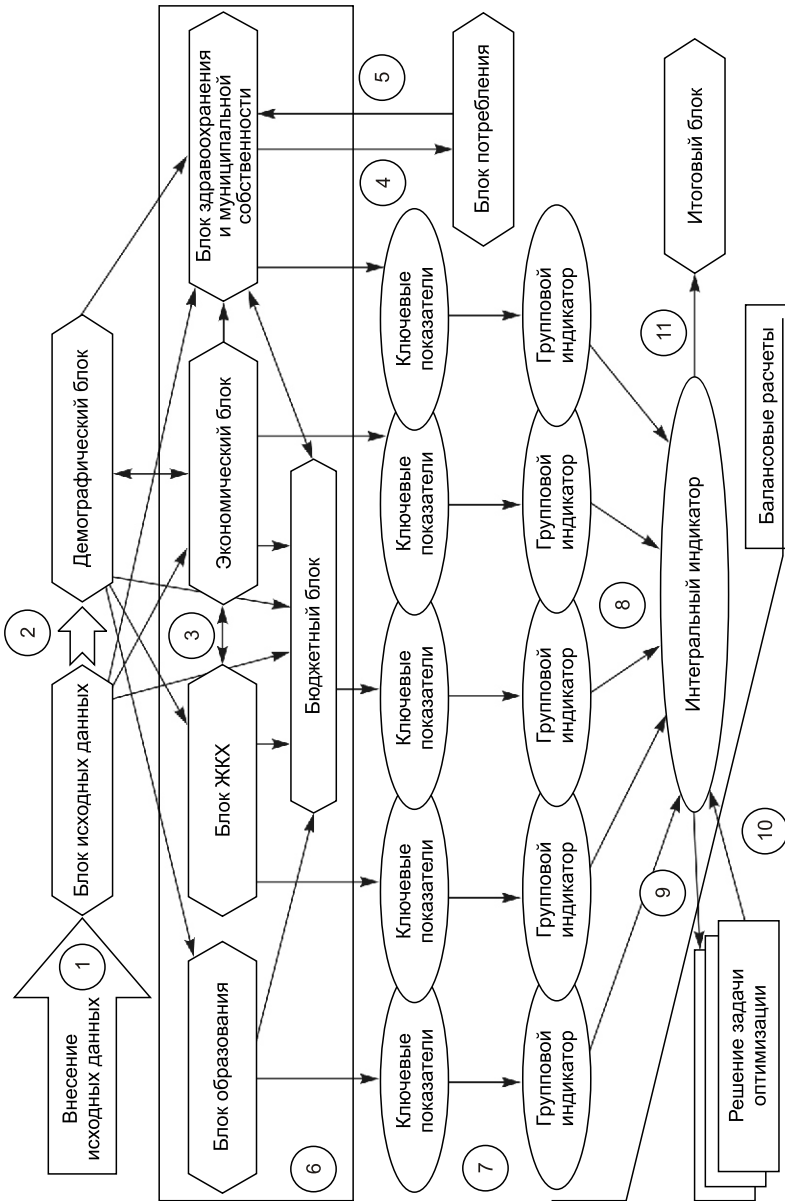

Рис. 1. Схема функционирования модели муниципального образования

Демографический блок является базовым для модели. В нем проводятся предварительные расчеты, результаты которых поступают в основные блоки модели. Для прогноза численности населения муниципального образования и его структуры использована S-образная логистическая функция, традиционно применяемая для описания роста численности населения. Для прогноза структуры населения и трудовых ресурсов использована модифицированная формула экспоненциальной средней, повышающая значимость тенденции последних двух лет при расчете будущих значений показателей.

При введении экспертной оценки численности населения для одного или нескольких лет осуществляются переоценка параметров логистической функции и пересчет прогноза для всего программного периода. Демографический блок влияет на расчеты в блоке потребления, в котором оцениваются уровень потребления населения и объем сбережений. После балансировки модели на основе полученных значений производится расчет индикаторов. В случае если введены экспертные оценки целевых значений показателей социально-экономического развития, осуществляется решение оптимизационной задачи.

На основе полученных прогнозов демографических показателей и нормативов предоставления социальных услуг (задаются экспертно или рассчитываются по исходным значениям показателей) производится оценка величины спроса на услуги образования, здравоохранения, социального обслуживания и т.д. Оценивается степень удовлетворения спроса и потребности в строительстве социальных объектов, в увеличении численности персонала, в финансовых ресурсах, необходимых для строительства этих объектов, по годам в зависимости от периода возникновения неудовлетворенной потребности в них.

Расчеты в бюджетном блоке учитывают результаты вычислений в других блоках. В каждом итерационном расчете бюджетный блок является замыкающим. Доходы местного бюджета за период формируются за счет собственных доходов, а также за счет отчислений федерального бюджета на финансирование расходных обязательств местного бюджета и в форме дотаций. Расчет точной суммы дотаций в рамках одного муниципального образования невозможен, поэтому нами предложена зависимость динамики величины дотаций от дина-

мики дефицита собственных доходов по отношению к общим расходам местного бюджета. При этом если в предыдущем году бюджет муниципального образования был профицитным, то отчисления федерального бюджета не увеличиваются. Расходы местного бюджета, помимо прочего, включают расходы на реализацию социальных программ, в том числе на строительство объектов социального назначения. Оптимальный порядок реализации социальных проектов рассчитывается в ходе решения оптимизационной задачи исходя из финансовых возможностей бюджета, в свою очередь, зависящих от налоговых поступлений и, как следствие, от экономической ситуации в муниципальном образовании. Подробное описание модели приводится в работе Е.А. Гайдук и Г.Д. Ковалевой [3].

Первоначальной информационной базой расчетов по модели стали данные г. Бердска Новосибирской области. Полученная модель была также успешно апробирована на другом муниципальном образовании – г. Кызыле. На основе обобщения положительного опыта использования модели на примере этих небольших городов была осуществлена адаптация модели для одного из крупнейших муниципальных образований РФ – г. Новосибирска.

На первом этапе исследования был проведен предварительный расчет прогноза показателей развития экономики г. Новосибирска на период 2016–2035 гг. на базе статистических данных за 2010–2015 гг. с использованием оптимизационной модели динамического моделирования. Необходимо отметить, что в данных статистики 2010–2015 гг. нашли свое отражение стагнационные явления в российской экономике. Поэтому в экономическом блоке прогнозируется временное уменьшение объема розничной торговли, объема платных услуг и фонда оплаты труда. Уже после первой оптимизации прогнозного расчета было достигнуто улучшение ряда ключевых показателей по отношению к предварительному прогнозу: в среднем прирост ключевых показателей муниципального образования на конец прогнозируемого периода составил 11%, а для сферы образования прирост достиг 53%. В целом результаты расчетов оцениваются положительно, но более детальное их рассмотрение выявило следующие проблемы.

На протяжении всего прогнозного периода сокращаются сбережения граждан (блок потребления), уже в первый год они умень-

шаются и к 2035 г. достигают дефицита в 770 млрд руб., что является чрезвычайно высоким значением. Анализ показал, что такой результат – следствие недостаточно полного учета всех источников финансирования строительства и структуры самой строительной отрасли в г. Новосибирске. В модели изначально предусмотрено, что основным источником финансирования строительства являются располагаемые доходы и сбережения домашних хозяйств. Этот подход в общих чертах соответствовал ранее проводимым прогнозным расчетам для Бердска и Кызыла, где в строительной отрасли преобладает жилищное строительство, финансируемое за счет домохозяйств, в то время как в Новосибирске структура строительства отличается большим разнообразием объектов и финансирование осуществляется за счет многочисленных источников, включая областной и федеральный бюджеты, средства переселенцев и другие источники.

На втором этапе в процессе адаптации модели к данным г. Новосибирска были учтены особенности строительной отрасли города. В расчете распределения средств домохозяйств были учтены: объем непосредственно жилищного строительства; доля жилья, приобретаемого переселенцами; доля средств ипотечного кредитования и финансирования из средств материнского капитала; доля розничного оборота, обеспеченного гостями города. В результате осуществленных корректировок оптимизированный прогноз экономики домохозяйств стал более реалистичным. Так, несмотря на падение в первые два года прогнозного периода, в дальнейшем накопленные сбережения домохозяйств восстанавливают положительную динамику. На данном этапе были усовершенствованы внутренние параметры модели, скорректированы расчеты поступлений в бюджет от налога на доходы физических лиц, изменена методика расчета оборота розничной торговли, что позволило учесть деятельность субъектов малого предпринимательства. Были выделены объемы жилищного строительства в составе общих показателей строительной отрасли, сбалансированы прогнозные показатели уровня денежных доходов, расходов и сбережений граждан. Осуществленные на втором этапе доработки модели, в частности корректировка источников финансирования строительной отрасли г. Новосибирска, уточнение структуры доходов и расходов домашних хозяйств, структуры источников муниципального бюд-

**Результаты вариантных расчетов на примере доходов бюджета
г. Новосибирска, млн руб.**

Прогноз	2020	2025	2030	2035
Базовый	31 867,9	31 674,6	34 231,2	34 294,2
Оптимизированный	30 930,2	31 971,1	32 761,5	33 044,9
Уточненный	33 486,2	34 842,0	35 491,4	35 824,4

жета, привели к более сглаженной динамике бюджетных поступлений. Согласно разработанному прогнозу развития муниципального образования г. Новосибирск до 2035 г. бюджет города в целом остается сбалансированным – на уровне 34–36 млрд руб. в год (по вариантам) (см. таблицу; рис. 2).

Только в начале прогнозируемого периода дефицит достигает 4–6 млрд руб., сокращаясь к 2035 г. до 2,2–2,6 млрд руб. В условиях отсутствия долгосрочного планирования межбюджетных трансфертов более детальное прогнозирование муниципального бюджета г. Новосибирска весьма затруднительно. Доходы населения незначительно снижаются в первый год прогноза, но ситуация постепенно выравнивается к концу периода. На полученный результат, безусловно, существенно влияет отсутствие в модели учета инфляции.

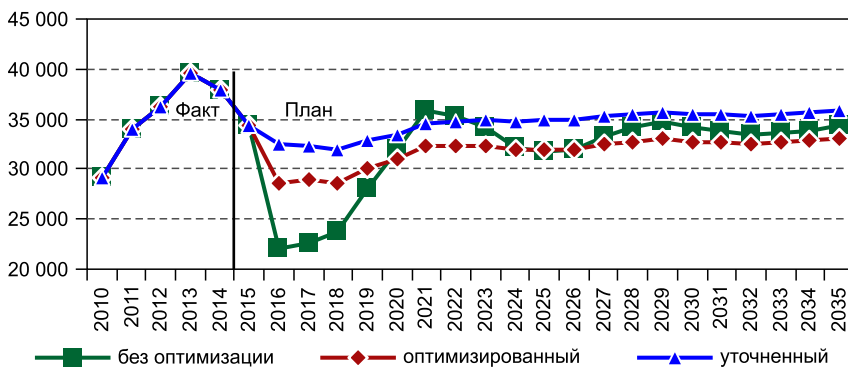

Рис. 2. Расчетные варианты прогноза доходов бюджета г. Новосибирска, млн руб.

Прогноз численности трудовых ресурсов г. Новосибирска показывает рост с 420 до 470 тыс. чел. к 2035 г. при росте трудоспособного населения с 963 тыс. чел. в 2015 г. до 1207 тыс. чел. в 2035 г., соответственно, доля трудовых ресурсов сокращается. Для учета в модели сложных демографических процессов было признано необходимым использовать систему экспертных корректирующих коэффициентов.

Таким образом, использование модели позволило получить положительные результаты и адекватные прогнозы. Прогнозирование основных показателей развития г. Новосибирска выявило необходимость адаптации модели с учетом особенностей этого одного из крупнейших муниципальных образований. В результате совершенствования модели получен значительный положительный сдвиг в прогнозах развития экономики города. Расчеты показали, что в целом модель может работать с реальной экономической информацией и дает положительный результат, но при этом она требует адаптации с учетом масштаба муниципального образования и особенностей социально-экономических процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование продемонстрировало, что разработанная модель может использоваться для прогнозирования социально-экономических показателей развития городов и регионов при условии ее адаптации с учетом отраслевой и пространственной структуры города (региона). В целях практического использования модели и получения результатов, которые могли бы быть рекомендованы для применения при разработке долгосрочных стратегических прогнозов развития городов, необходимы дальнейшее совершенствование модели, а также расширение состава показателей, подвергающихся оптимизации, и приведение показателей модели в соответствие с перечнем показателей оценки качества регионального и муниципального управления. Преимуществом предложенной методики являются ее значительная гибкость, скорость вычисления и пересчета возможных сценариев развития, возможность использования статистических данных, экспертных оценок и прогнозов различных показателей на перспективу.

Развитие и использование подобного инструмента позволят находить новые решения, своевременно выявлять проблемные зоны и эффективно перераспределять имеющиеся ресурсы в соответствии с выбранными критериями.

Балансово-оптимизационная модель развивается и совершенствуется уже ряд лет, и за это время не только были достигнуты отдельные улучшения внутри параметров модели, но и появилась возможность проверить правильность ранее сделанных прогнозов. В целом, план-фактный анализ показал незначительные отклонения на примере параметров городского бюджета. Наибольшее влияние на данные оптимизированного прогноза оказывают тенденции последних лет, отразившиеся в фактических данных. Тем не менее в длительной перспективе происходит оптимизация внутренних соотношений показателей без значительного роста экономики в целом, что соответствует ожиданиям, высказываемым ведущими экономистами, в условиях недостаточного участия государства в модернизации экономики регионов России. Результаты исследования показывают, что сама идея использования динамических количественных моделей для оптимизации и гармонизации развития муниципального образования остается привлекательной и перспективной. Очень важно, что этот инструмент принципиально может эволюционировать, совершенствоваться опережающими темпами по отношению к изменениям внешней среды. В результате совершенствования модели удастся получить качественный рост показателей и повысить адекватность ее практического использования в управлении социально-экономическими процессами муниципального образования.

Инструментарий, взятый в качестве методической основы исследования, может быть использован при моделировании элементов системы планирования и управления, обеспечивающей условия для экономической самостоятельности и повышения активности муниципальных образований в реализации стратегии экономического развития, наравне с максимизацией ключевых нефинансовых показателей, характеризующих различные стороны развития муниципального образования. На основе разработанной экономико-математической модели могут быть сделаны прогнозы изменений, происходящих в моделируемом муниципальном образовании в ответ на определенные ви-

ды управленческих воздействий. При этом могут рассчитываться показатели развития муниципального образования в ходе финансово-бюджетных циклов, в каждом из которых принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета не только в следующем году, но и в последующие годы, а также влияющие на социально-экономические показатели развития города.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект
«Региональное и муниципальное стратегическое планирование
и управление в контексте модернизации региональной политики
и развития цифровой экономики» № 121040100283-2*

Список источников

1. Бирюков А.Н., Глуценко О.И. Методика двухуровневого распределения муниципального бюджета на основе нейросетевой модели // Вестник Самарского университета. – 2006. – № 8. – С. 106–111.
2. Бухвальд Е.М. Стратегическое планирование – институциональная основа перехода к устойчивому развитию российской экономики // Федерализм. – 2016. – № 1. – С. 19–30.
3. Гайдук Е.А., Ковалева Г.Д. Муниципальное образование в системе программного управления. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 230 с.
4. Клейнер Г.Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2 (64). – С. 59–69.
5. Климанов В.В., Ивасько Е.В., Коротких А.М. Практика внедрения территориального подхода в систему государственного управления в Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 1 (93). – С. 3–21.
6. Климанов В.В., Сафина А.И. Вариативность в документах стратегического планирования в стране // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2017. – № 1. – С. 46–65.
7. Комплексные пространственные исследования / Адамеску А.А., Михеева Н.Н., Гришина И.В. и др. / Всерос. акад. внеш. торговли Мин-ва экон. развития РФ; Совет по изучению производительных сил. – М., 2019. – 371 с.
8. Кракашова О.А. Экономико-математическая модель финансирования развития коммунальной инфраструктуры муниципального образования // Сибирская финансовая школа. – 2008. – № 6. – С. 20–25.
9. Кузнецова О.В. Города как факторы глобализации: различия субъектов Федерации и муниципальных образований в России и Германии // Региональные исследования. – 2020. – № 1 (67). – С. 16–26.

10. Кузнецова О.В. Городские агломерации и СПР // Регионалистика. – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 67–70.
11. Лексин В.Н. Стратегическое целеполагание в структуре государственного управления // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 5. – С. 8–20.
12. Методологические положения разработки стратегий и программ социально-экономического развития муниципальных образований / Под ред. А.С. Новоселова, А.С. Маршальной. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 84 с.
13. Мицель А.А., Захарова А.А. Применение нечетких лингвистических моделей при разработке стратегии развития муниципального образования // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308, № 4. – С. 177–182.
14. Новоселов А.С., Маршалова А.С. Проблемы становления новой системы регионального и муниципального управления в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1 (73). – С. 96–99.
15. Польшнев А.О. Развитие методического подхода к среднесрочному прогнозированию экономического роста регионов на основе декомпозиции показателей макропрогноза по России // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 63–74.
16. Прибышин Т.К., Жихаревич Б.С. «Города-стратегии» на современной карте России // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 16–25.
17. Селиверстов В.Е. Сибирская школа стратегического планирования / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 199 с.
18. Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием / Под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 496 с.
19. Управление социально-экономическим развитием регионов Сибири / Под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – 420 с.
20. Чернышева Т.Ю., Захарова А.А., Мицель А.А. Иерархическая модель оценки состояния социально-экономического развития муниципального образования // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 313, № 6. – С. 44–48.
21. Швецов А.Н. Российское пространство: исторические особенности обретения и основное противоречие его современной организации // Федерализм. – 2020. – Т. 25, № 3 (99). – С. 5–18.
22. Autor D.H., Palmer C.J., Pathak P.A. Housing market spillovers: evidence from the end of rent control in Cambridge, Massachusetts // J. Polit. Econ. – 2014. – No. 122 (3). – P. 661–717.
23. Bayer P., McMillan R., Rueben K. An Equilibrium Model of Sorting in an Urban Housing Market / NBER Working Paper No. 10865. – Cambridge, MA, 2004.
24. Brinkman J. Congestion, agglomeration, and the structure of cities // J. Urban Econ. – 2016. – No. 94. – P. 13–31.

25. *Davis D.R., Dingel J.I.* The Comparative Advantage of Cities / Columbia Univ. – N.Y., 2015. (Unpublished Manuscript).
26. *Desmet K., Rossi-Hansberg E.* Spatial development // *Am. Econ. Rev.* – 2014. – No. 104 (4). – P. 1211–1243.
27. *Epple D., Gordon B., Sieg H.* A new approach to estimating the production function for housing // *Am. Econ. Rev.* – 2010. – No. 100 (3). – P. 905–924.
28. *Henderson J., Wang H.* Urbanization and city growth // *Journal of Economic Geography*. – 2005. – No. 5. – P. 23–42.
29. *Kline P., Moretti E.* Local economic development, agglomeration economies, and the Big Push: 100 years of evidence from the Tennessee Valley Authority // *Q. J. Econ.* – 2014. – No. 129 (1). – P. 275–331.
30. *Lofgren H., Lee Harris R., Robinson S.* A Standard Computable General Equilibrium (CGE). Model in GAMS / International Food Policy Research Institute. – Washington D.C., 2002. – 69 p.
31. *Redding S.J., Rossi-Hansberg E.* Quantitative spatial economics // *Annual Review of Economics*. – 2017. – No. 9. – P. 21–58.
32. *Rossi-Hansberg E., Wright M.* Urban Structure and Growth / Federal Reserve Bank of Minneapolis Research Department Staff Report 381. – 2006. – 53 p.
33. *Verhoef E., Nijkamp P.* Externalities in the Urban Economy / Free University Amsterdam. Tinbergen Institute Discussion Paper. – Amsterdam, 2003. – 28 p.
34. *Young A.* Inequality, the urban-rural gap, and migration // *Q. J. Econ.* – 2013. – No. 128. – P. 1727–1785.

Информация об авторах

Новоселов Александр Сергеевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

Ковалев Алексей Евгеньевич (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: lex2000@mail.ru.

Гайдук Егор Александрович (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17). E-mail: haiduk.ea@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20210210

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 236–266

A.S. Novoselov, A.E. Kovalev, E.A. Gaiduk

IMPROVING MUNICIPAL MANAGEMENT BASED ON SOCIO-ECONOMIC MODELING

The article examines methodological problems of managing the social and economic development of municipalities, considers approaches to drafting a new concept of municipal management for socio-economic processes, and analyzes current approaches to studying problems of municipal management based on socio-economic modeling. We make a case for employing a systematic approach in municipal management and modern economic and mathematical tools to improve the efficiency of management decisions. We design methodological foundations and apparatus to model the economic management processes for municipalities as complex institutional systems. The article proposes a balance-optimization model to forecast and manage socio-economic development processes in municipalities.

The proposed methods rely on the following assumptions. Municipal management is a complex multidimensional process that implies dealing with strategic and tactical objectives. Allowing for the long-term goals, the need to better balance decisions in municipal management culminates in the need to improve multifunctional tools. Municipal development is exercised over fiscal cycles equal to one calendar year. Each such cycle involves significant managerial decisions that affect how the budget will replenish and where the funds will be allocated in the current year and onward. They also influence the qualitative, non-financial indicators demonstrating the city development.

The proposed model predicts municipal development indicators for the long term. We use a positive generalization for the model based on the case studies of two towns, Berdsk (Novosibirsk Oblast) and Kyzyl, to review how it is applied to the largest municipality in the Russian Federation, namely the city of Novosibirsk. The research results have shown that this model can be used to forecast changes in a municipality that follow certain types of managerial actions. Moreover, it is possible to calculate the indicators of municipal development in the process of fiscal cycles, where each contains significant manage-

ment decisions that affect budget replenishment in a few subsequent years instead of just the following one, as well as influence the social and economic indicators of the city development.

Keywords: municipal management; strategic planning; modeling; forecasting; social and economic development

For citation: *Novoselov, A.S., A.E. Kovalev & E.A. Gaiduk. (2021). Sovershenstvovanie munitsipalnogo upravleniya na osnove modelirovaniya sotsialno-ekonomicheskikh protsessov [Improving municipal management based on socio-economic modeling]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 236–266. DOI: 10.15372/REG20210210.*

The publication is prepared within the research plan of the IEIE SB RAS under the project No. 121040100283-2 “Regional and municipal strategic planning and management against the background of regional policy modernization and digital economy development”

References

1. *Biryukov, A.N. & O.I. Glushchenko. (2006). Metodika dvukhurovneвого raspredeleniya munitsipalnogo byudzheta na osnove neyrosetevoy modeli [A method of two-level distribution of the municipal budget based on a neuronet model]. Vestnik Samarskogo universiteta [Vestnik of Samara University], 8, 106–111.*
2. *Bukhvald, E.M. (2016). Strategicheskoe planirovanie – institutsionalnaya osnova perekhoda k ustoychivomu razvitiyu rossiyskoy ekonomiki [Strategic planning – institutional framework for the transition of Russian economy to sustainable development]. Federalizm [Federalism], 1, 19–30.*
3. *Gaiduk, E.A. & G.D. Kovaleva. (2013). Munitsipalnoe obrazovanie v sisteme programmno upravleniya [A Municipal Formation in the System of Program Management]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 230.*
4. *Kleiner, G.B. (2020). Sistemnaya rekonstruktsiya rossiyskogo sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva [Systemic reconstruction of Russia’s socioeconomic space]. Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia], 2 (64), 59–69.*
5. *Klimanov, V.V., E.V. Ivasko & A.M. Korotkikh. (2017). Praktika vnedreniya territorialnogo podkhoda v sistemu gosudarstvennogo upravleniya v Rossiyskoy Federatsii [A practice of introducing the territorial approach to the system of public administration in the Russian Federation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (93), 3–21.*

6. *Klimanov, V.V. & A.I. Safina.* (2017). Variativnost v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya v strane [Variability in the strategic planning documents in the country]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie* [Management and Business Administration], 1, 46–65.
7. *Adamesku, A.A., N.N. Mikheeva, I.V. Grishina et al.* (2019). Kompleksnyye prostranstvennyye issledovaniya [Comprehensive Spatial Research]. Moscow, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of Russia, Council for the Study of Productive Forces, 371.
8. *Krakashova, O.A.* (2008). Ekonomiko-matematicheskaya model finansirovaniya razvitiya kommunalnoy infrastruktury munitsipalnogo obrazovaniya [Economic-mathematical model of financing communal infrastructure of municipal entity]. *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School], 6, 20–25.
9. *Kuznetsova, O.V.* (2020). Goroda kak faktory globalizatsii: razlichiya subyektov federatsii i munitsipalnykh obrazovaniy v Rossii i Germanii [Cities as actors of globalization: differences between federal subjects and municipalities in Russia and Germany]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies], 1 (67), 16–26.
10. *Kuznetsova, O.V.* (2020). Gorodskie aglomeratsii i SPR [The urban agglomerations and the spatial development strategy]. *Regionalistika* [Regionalistics], Vol. 7, No. 3, 67–70.
11. *Leksin, V.N.* (2017). Strategicheskoe tselepolaganie v strukture gosudarstvennogo upravleniya [Strategic goal-setting in state governance structure]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [International Journal of Management Theory and Practice], 5, 8–20.
12. *Novoselov, A.S. & A.S. Marshalova* (Eds.). (2015). Metodologicheskie polozheniya razrabotki strategiy i programm sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy [Methodological Provisions to Formulate Strategies and Programs for the Social and Economic Development of Municipalities]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 84.
13. *Mitsel, A.A. & A.A. Zakharova.* (2005). Primenenie nechetkikh lingvisticheskikh modeley pri razrabotke strategii razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya [Application of non distinctive linguistic models during elaboration of the strategies for municipal education development]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], Vol. 308, No. 4, 177–182.
14. *Novoselov, A.S. & A.S. Marshalova.* (2020). Problemy stanovleniya novoy sistemy regionalnogo i munitsipalnogo upravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems of formation of the new system of regional and municipal administration in the Russian Federation]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 1 (73), 96–99.
15. *Polynev, A.O.* (2020). Razvitie metodicheskogo podkhoda k srednesrochnomu prognozirovaniyu ekonomicheskogo rosta regionov na osnove dekompozitsii pokazateley makroprognoza po Rossii [Development of a methodological approach to medium-term forecasting of the regional economic growth based on the decomposition

of macro-forecast indicators for Russia]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], Vol. 8, No. 1, 63–74.

16. *Pribyshin, T.K. & B.S. Zhikharevich.* (2020). “Goroda-strategi” na sovremennoy karte Rossii [Strategic cities in the modern map of Russia]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], Vol. 8, No. 1, 16–25.

17. *Seliverstov, V.E. & V.V. Kuleshov* (Ed.). (2016). *Sibirskaya shkola strategicheskogo planirovaniya* [Siberian School of Strategic Planning]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 199.

18. *Novoselov, A.S. & V.E. Seliverstov* (Eds.). (2018). *Strategicheskoe upravlenie regionalnym i munitsipalnym razvitiem* [Strategic Management of Regional and Municipal Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 496.

19. *Novoselov, A.S. & V.E. Seliverstov* (Eds.). (2020). *Upravlenie sotsialno-ekonomicheskim razvitiem regionov Sibiri* [Managing Socio-Economic Development of Siberian Regions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 420.

20. *Chernysheva, T.Yu., A.A. Zakharova & A.A. Mitsel.* (2008). Ierarkhicheskaya model otsenki sostoyaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya [Hierarchical evaluation model of social and economic development of municipal formation]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], Vol. 313, No. 6, 44–48.

21. *Shvetsov, A.N.* (2020). Rossiyskoe prostranstvo: istoricheskie osobennosti obreteniya i osnovnoe protivorechie ego sovremennoy organizatsii [Russian space: historical peculiarities of finding and main contradiction of its modern organization]. *Federalizm* [Federalism], Vol. 25, No. 3 (99), 5–18.

22. *Autor, D.H., C.J. Palmer & P.A. Pathak.* (2014). Housing market spillovers: evidence from the end of rent control in Cambridge, Massachusetts. *J. Polit. Econ.*, 122 (3), 661–717.

23. *Bayer, P., R. McMillan & K. Rueben.* (2004). An Equilibrium Model of Sorting in an Urban Housing Market. NBER Working Paper No. 10865. Cambridge, MA.

24. *Brinkman, J.* (2016). Congestion, agglomeration, and the structure of cities. *J. Urban Econ.*, 94, 13–31.

25. *Davis, D.R. & J.I. Dingel.* (2015). The Comparative Advantage of Cities. Unpublished Manuscript, Columbia Univ., New York.

26. *Desmet, K. & E. Rossi-Hansberg.* (2014). Spatial development. *Am. Econ. Rev.*, 104 (4), 1211–1243.

27. *Epplé, D., B. Gordon & H. Sieg.* (2010). A new approach to estimating the production function for housing. *Am. Econ. Rev.*, 100 (3), 905–924.

28. *Henderson, J. & H. Wang.* (2005). Urbanization and city growth. *Journal of Economic Geography*, 5, 23–42.

29. Kline, P. & E. Moretti. (2014). Local economic development, agglomeration economies, and the big push: 100 years of evidence from the Tennessee Valley Authority. *Q. J. Econ.*, 129 (1), 275–331.
30. Lofgren, H., R. Lee Harris & S. Robinson. (2002). A Standard Computable General Equilibrium (CGE). Model in GAMS. International Food Policy Research Institute, Washington D.C., 69.
31. Redding, S.J. & E. Rossi-Hansberg. (2017). Quantitative spatial economics. *Annual Review of Economics*, 9, 21–58.
32. Rossi-Hansberg, E. & M. Wright. (2006). Urban Structure and Growth. Federal Reserve Bank of Minneapolis Research Department Staff Report 381, 53.
33. Verhoef, E. & P. Nijkamp. (2003). Externalities in the Urban Economy. Free University Amsterdam. Tinbergen Institute Discussion Paper, Amsterdam, 28.
34. Young, A. (2013). Inequality, the urban-rural gap, and migration. *Q. J. Econ.*, 128, 1727–1785.

Information about the authors

Novoselov, Aleksandr Sergeevich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

Kovalev, Aleksey Evgenievich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: lex2000@mail.ru.

Gaiduk, Egor Aleksandrovich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: haiduk.ea@gmail.com.

Поступила в редколлегию 16.11.2020.

После доработки 20.11.2020.

Принята к публикации 23.11.2020.

Е.Н. Тимушев

НАЛОГОВАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ: КАК МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕЯВНОЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В настоящей работе предпринимается попытка совершенствования методического инструментария анализа пространственных эффектов внутрирегиональной (местной) налоговой бюджетной децентрализации и предложен способ наращивания налогового потенциала российских муниципальных образований. Увеличение налоговых полномочий органов местной власти – ключевой элемент бюджетной децентрализации – благоприятно для повышения эффективности бюджетных расходов, развития местной экономики и для повышения в целом уровня жизни населения.

В статье в качестве индикатора внутрирегиональной бюджетной децентрализации выступает доля налога на доходы физических лиц местных бюджетов в доходах консолидированного бюджета субъекта РФ от НДФЛ (доля НДФЛ местных бюджетов). Применяются методы структурного и пространственного корреляционного анализа, группировки и осуществляется анализ регионального законодательства.

Выявлено отсутствие роста налоговых полномочий органов местной власти за 2014–2018 гг., что подчеркивает наличие проблемы их малой величины. Установлено, что децентрализация по НДФЛ присутствует только при малом налоговом потенциале региона и с его ростом уменьшается. Это указывает на недостаток положительных фискальных стимулов для осуществления эффективных местных расходов и развития налоговой базы. Предложен и апробирован способ анализа пространственных эффектов показателя доли НДФЛ местных бюджетов. Обнаружено, что пространственные эффекты значимы и положительны. Это свидетельствует о межрегиональном взаимодействии в сфере бюджетной политики, т.е. регионы ориентируются друг на друга в решении вопроса о внутрирегиональной налоговой децентрализации.

Предложена методика выделения федеральных дотаций (на наращивание местного налогового потенциала), использующая найденные пространственные эффекты. Показано, что соседние регионы будут подтягивать свой уровень налоговой децентрализации и это позволит увеличить объем средств в распоряжении муниципалитетов на большую сумму, чем непосредственно величина трансферта, выделенного на наращивание местного НДСЛ. Полученные результаты могут быть использованы в государственной политике, направленной на увеличение налоговых полномочий органов местной власти.

Ключевые слова: налог на доходы физических лиц; органы местной власти; бюджетная децентрализация; внутрирегиональная налоговая децентрализация; пространственная корреляция; методика распределения дотаций

Для цитирования: Тимушев Е.Н. Налоговая децентрализация муниципалитетов: как можно использовать неявное межрегиональное взаимодействие // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 267–295. DOI: 10.15372/REG20210211.

ВВЕДЕНИЕ

От эффективности общественного сектора экономики зависит степень обеспечения экономической эффективности, социальной справедливости и макростабильности [17]. Выход в свет фундаментального труда Р. Масгрейва был предварен основополагающей работой Ч. Тибу [22], в которой была подчеркнута важная роль финансово самостоятельного местного самоуправления для эффективности бюджетной системы. Усилиями классиков – Р. Масгрейва, Ч. Тибу, У. Оутса [19] и их последователей в науке сложилась точка зрения, что *бюджетная децентрализация*, выступающая мерой бюджетных полномочий органов региональной и местной власти, может способствовать эффективности распределения и использования бюджетных средств.

Однако разработка темы фискальных стимулов у органов власти в рамках бюджетной децентрализации получила развитие позднее – применительно к так называемому «второму поколению» бюджет-

ного федерализма [9; 23]. Положительные эффекты достаточных местных налоговых полномочий здесь связывают с появлением у органов местной власти положительных фискальных стимулов – к эффективному бюджетным расходам, стимулирующим развитие местной экономики, а значит, и увеличение местной налоговой базы и ведущим к росту налоговых доходов, снова финансирующих производительные статьи расходов, и т.д. При этом сущность фискальных стимулов у местных администраций обычно видится в прагматичном ключе – как стремление к сохранению власти и повышению собственной политической значимости, в первую очередь в глазах местных налогоплательщиков-избирателей. Несомненно, внимание к мотивам деятельности финансовых органов управления обогатило теорию; изменилось и понимание бюджетной децентрализации, которую стали трактовать, например, как механизм обеспечения фискальной дисциплины [11], снижения коррупции [12] и драйвер проциклической макроэкономической политики [20]. Аспекты изучения и практического применения бюджетной децентрализации в современном понимании подытожены в недавней работе Р. Инмана и Д. Рубинфелда [14]. Таким образом, мы можем определить внутривнутрирегиональную (местную)¹ бюджетную децентрализацию как ситуацию наличия у органов местной власти доходных и расходных полномочий, достаточных для возникновения у них фискальных стимулов, направленных на достижение эффективности распределения и использования бюджетных средств.

В отечественной литературе уделяется много внимания повышению эффективности бюджетной системы. Известно, что в России

¹ По аналогии с тем, что *федеральные межбюджетные отношения* затрагивают различные аспекты взаимодействия органов власти федерального и регионального уровней, межбюджетные отношения между администрацией региональной власти и администрациями муниципалитетов корректно именовать *региональными межбюджетными отношениями*. Приставка «*внутри-*» акцентирует внимание на том, что речь идет о межбюджетных отношениях внутри каждого региона, а не просто на уровне регионов. Далее по тексту словосочетание «*внутрирегиональная децентрализация*» изредка дополнено уточнением «(местная)», чтобы показать, что обсуждается относительный размер бюджетных полномочий муниципалитетов внутри каждого региона.

эффективности бюджетных расходов и развитию региональной экономики в целом препятствует низкая финансово-экономическая самостоятельность муниципальных образований [2]. Однако увеличению налоговых полномочий, в свою очередь, препятствует высокая межрегиональная дифференциация. Реформирование местного самоуправления в России не решило проблему дотационности, сохранилась практическая актуальность комплексного развития муниципалитетов, в том числе в рамках региональных межбюджетных отношений [7]. Более того, в настоящее время растет дотационность местных бюджетов даже в относительно развитых административных центрах субъектов РФ [5]. Малая роль местных ресурсов в параметрах местного бюджета показана на примере г. Новосибирска в работе В.И. Клисторина и Т.В. Сумской [4]. Снижение собственных доходов создает негативные стимулы для органов местной власти с точки зрения роста экономики, осуществления эффективных социальных реформ и пространственного развития России в целом. Ряд исследователей предлагают внедрение элементов асимметричного федерализма, когда увеличение налоговых полномочий предусмотрено только для развитых региональных экономик [3; 6]. Таким образом, *малая величина полномочий органов местной власти составляет как научную, так и практическую проблему.*

Тема налогового потенциала многоаспектная. Однако особый интерес представляет *местный налоговый потенциал*. Налог на доходы физических лиц является одним из наиболее весомых и при этом стабильных источников налоговых доходов в бюджетной системе России на региональном уровне. На протяжении многих лет доходы от НДФЛ составляют 3–4% ВВП. Не менее важное преимущество НДФЛ заключается в том, что его местный компонент не просто дифференцируется в разрезе регионов, а регулируется решениями органов власти регионов. Это связано с тем, что фактический норматив структурирован таким образом, что включает в себя: 1) единый федеральный норматив (15%); 2) единый региональный норматив; 3) дополнительные региональные нормативы (замещают доходы местного бюджета от выравнивающих дотаций). Единый региональный и дополнительные региональные нормативы должны в сумме

обеспечить внутрирегиональное перераспределение в размере не менее 15% доходов консолидированного бюджета субъекта РФ². Таким образом, *с помощью НДФЛ регионы управляют режимом внутрирегиональной (местной) налоговой децентрализации в России*. Это делает интересным исследование региональных пропорций распределения НДФЛ и факторов их образования.

Насколько известно автору, исследование пространственных эффектов внутрирегиональной налоговой децентрализации по НДФЛ, осуществленное в данной работе, в отечественной литературе проводится впервые. Анализ пространственных эффектов позволяет использовать наработки, содержащиеся в богатой литературе о факторах межрегионального взаимодействия (strategic interaction). Здесь затрагиваются темы региональной кооперации и налоговой конкуренции – основы бюджетной децентрализации.

Традиционно налоговая конкуренция представляется как борьба за ограниченные ресурсы частного сектора (см., например, [18]), которая ведет к недопроизводству общественных благ (феномен «race to the bottom») при условии отсутствия федеральных ограничений [13]. Однако понятие межрегионального взаимодействия намного шире. В частности, одна из причин межрегионального взаимодействия – явление, которое в зарубежной литературе обозначается как «критериальная конкуренция» (yardstick competition) [10]. Термин «критериальная конкуренция» возник вне литературы по общественным финансам: одно из его наиболее ранних упоминаний встречается в работе А. Шлейфера [21], посвященной механизмам регулирования монополистического поведения и конкуренции. Межрегиональное взаимодействие при критериальной конкуренции территорий объяснимо потребностью в получении информации в условиях ее неполноты [8]. Так, информация о мерах бюджетной политики в соседних регионах становится ориентиром для местной администрации и основой для выработки собственных мер бюджетной политики.

Критериальная конкуренция – соперничество между территориями на основе отчетных данных о проделанной работе как раз при-

² Пункт 3 ст. 58 Бюджетного кодекса РФ.

водит к тому, что в регионах принимаются схожие меры в области бюджетной политики (tax mimicking) [16]. То есть при том или ином варианте межрегионального взаимодействия сокращение бюджетных расходов на практике вовсе не обязательно, как диктует парадигма налоговой конкуренции, а вот *расширение местных полномочий в рамках межрегионального взаимодействия (возможно, негласного) вполне осуществимо*. Это крайне актуально для бюджетной системы России, для которой чрезвычайно остра проблема нахождения наиболее эффективного механизма увеличения полномочий местного уровня. Знание пространственных эффектов внутрирегиональной налоговой децентрализации в России поможет выработать практические меры по увеличению полномочий органов местной власти и связанных с налоговой децентрализацией социально-экономических выгод.

Вклад настоящей работы в изучение проблемы малых налоговых полномочий органов местной власти в России состоит в следующем:

- предлагается и апробируется способ диагностики пространственных эффектов внутрирегиональной налоговой децентрализации;
- предлагается методика выделения федеральных дотаций, использующая сложившиеся пространственные эффекты и позволяющая увеличить налоговый потенциал муниципальных образований и доходы местных бюджетов.

Цель данной работы – предложить методику диагностики пространственных эффектов внутрирегиональной налоговой децентрализации и способ увеличения налогового потенциала муниципалитетов в России.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- 1) анализируются структура и динамика показателя доли НДФЛ местных бюджетов в доходах консолидированного бюджета субъекта РФ от НДФЛ (аналогичные термины «доля НДФЛ местных бюджетов» и «доля местного НДФЛ» далее используются как синонимы);
- 2) оцениваются пространственные эффекты доли НДФЛ местных бюджетов по авторской методике;

3) предлагается методика распределения федеральных дотаций, направленных на рост местного налогового потенциала.

Мы исходим из гипотезы, что высокая межрегиональная дифференциация в России тормозит внутрирегиональную налоговую децентрализацию, особенно в случае роста налогового потенциала региона. Это объяснимо необходимостью выравнивания бюджетной обеспеченности муниципалитетов. Но одновременно такая ситуация означает и появление негативных фискальных стимулов, ведь малый объем полномочий органов местной власти, а тем более их сокращение означают отсутствие у местных администраций стимулов к эффективным расходам и развитию местной налоговой базы.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей работе предлагается авторская методика оценки пространственного эффекта показателя доли НДСЛ местных бюджетов в доходах консолидированного бюджета субъекта РФ. Элементы предлагаемой методики основаны на подходе Дж. Лайтхарт и П. ван Одхойзена [15], с помощью которого эти авторы проводят сравнительный межстрановой анализ по различным показателям. Мы модифицируем этот подход, концентрируемся сугубо на особенностях внутрирегиональной налоговой децентрализации в России и учитываем расстояние между регионами (соответствующие данные опубликованы в работе [1]). Предлагаемая методика предназначена для того, чтобы оценить, насколько доли НДСЛ местных бюджетов субъектов РФ взаимосвязаны с близостью/удаленностью субъектов.

Методика включает в себя три этапа.

1. Расчет *индикатора схожести* S доли местного НДСЛ в одном субъекте с долей местного НДСЛ в другом субъекте. Для его вычисления фактические значения доли местного НДСЛ нормируются по формуле

$$S_{ij} = \frac{s_i - s_j}{(s_i + s_j) \cdot 50 \cdot |s_i - s_j|}, \quad (1)$$

где S_{ij} – нормированная величина доли НДСЛ местных бюджетов в субъекте i по отношению к величине доли НДСЛ местных бюджетов в субъекте j , ед.; s_i – фактическая величина доли НДСЛ местных бюджетов в субъекте i , ед.; s_j – фактическая величина доли НДСЛ местных бюджетов в субъекте j , ед.; 50 – выбранное значение коэффициента разницы величин по двум объектам. Чем выше значения S (с максимальным значением 1), тем приближеннее друг к другу (примерно одинаковы) доли НДСЛ местных бюджетов в двух субъектах.

2. Расчет *индикатора близости/удаленности (индикатор расстояния)* D данных субъектов по отношению друг к другу. Для его вычисления применяется обратная величина квадратного корня величины расстояния между центрами субъектов:

$$D_{ij} = \frac{1}{\sqrt{d_{ij}}}, \quad (2)$$

где D_{ij} – показатель расстояния между двумя субъектами; d_{ij} – расстояние между административными центрами субъектов, км. Чем выше значения D , тем ближе друг к другу располагаются субъекты.

3. Вычисление *коэффициента корреляции Спирмена между S и D* (S и D вычисляются отдельно для каждого субъекта i по всем субъектам j). Корреляция Спирмена будет значимо положительна, если уровень внутрирегиональной налоговой децентрализации в данном субъекте взаимосвязан с уровнем внутрирегиональной налоговой децентрализации в соседнем субъекте³.

Для расчета нормативов отчислений отдельно по городским округам и по районам нами были проанализированы региональные законы и иные нормативные акты, регулирующие межбюджетные отношения в субъектах РФ, по состоянию на июль 2019 г. По полученным предварительным данным за 2014–2018 гг. (данные, относящиеся

³ Выбор корреляции Спирмена как техники оценки обусловлен тем, что нас интересует не степень связанности величин нормативов НДСЛ и величин расстояний, а просто факт соответствия между этими величинами (например, уменьшается ли схожесть субъектов по величине местного НДСЛ при росте удаленности между ними).

к периоду до 2014 г., содержат значительные ошибки расчетов, поэтому не были включены в анализ) были рассчитаны значения доходов от НДСЛ городов и районов до распределения. После корректировки на фактические данные были найдены искомые фактические нормативы отчислений от НДСЛ отдельно для городов и для районов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

За 2008–2018 гг. средняя величина доходов бюджетной системы России от НДСЛ (без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга) почти не изменилась и сейчас находится на уровне примерно 20 тыс. руб./чел. в сопоставимых ценах (рис. 1). Динамика удельных налоговых доходов отражает лидерство г. Москвы и г. Санкт-Петербурга – по размерам доходов как частного сектора, так и бюджетов субъектов РФ. Даже в субъектах, богатых природными ресурсами, поступления НДСЛ заметно меньше (хотя они все же существенно превышают данные по России в целом). Таким образом, показатель удельных доходов от НДСЛ адекватно отражает общую высокую межрегиональную дифференциацию регионов России.

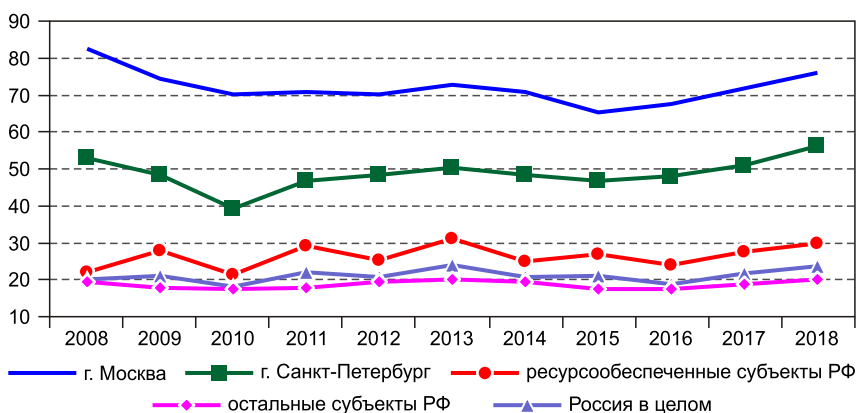

Рис. 1. Удельные налоговые доходы от НДСЛ, тыс. руб./чел.

Примечание: в ценах 2017 г. с учетом индекса бюджетных расходов

Источники: данные Казначейства России, Федеральной налоговой службы России, расчеты автора

Представленные на рис. 1 агрегированные данные по группам субъектов РФ рассчитаны взвешиванием на величину общих налоговых доходов, формируемых в субъектах. Данные по России в целом приведены без учета г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, г. Севастополя и Республики Крым. Ресурсообеспеченные (ресурсные) субъекты РФ – регионы с высокой долей занятых в отрасли «добыча полезных ископаемых»: Республика Коми, Ненецкий АО, Мурманская область, Оренбургская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО, Республика Хакасия, Забайкальский край, Кемеровская область, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Сахалинская область и Чукотский АО.

Доля местного НДФЛ в России составляет около 30% и имеет тенденцию слабого роста (табл. 1). Нормативы отчислений муниципальных районов существенно выше нормативов городских округов. Однако здесь можно заметить межрегиональные различия. Так, в ресурсообеспеченных субъектах РФ (Северо-Западного и Уральского федеральных округов) разница между нормативами городов и районов весьма небольшая. Напротив, в субъектах РФ Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного округов и даже в обеспеченном Центральном округе она крайне велика. Низкая налоговая децентрализация городов объяснима потребностью в перераспределении бюджетных средств вследствие роста долга субъектов (2014–2016 гг.) и согласуется с общероссийской тенденцией усиления дотационности муниципалитетов. Однако малый объем полномочий городских властей неблагоприятен для фискальных стимулов, возникающих только при существенных доходных полномочиях. В городах протекает основная экономическая активность регионов, и эффективные финансы здесь могли бы позитивно отразиться на динамике налогового потенциала всего субъекта РФ. Слабый рост налоговой децентрализации городов в ресурсных субъектах СЗФО и УФО, а также в ЦФО (в масштабах России в целом – всего на 0,9 п.п.) вряд ли свидетельствует об устойчивой тенденции их увеличения. Децентрализация здесь была относительно высока уже в начале периода. Напротив, в малообеспеченных субъектах РФ размер местных полномочий уменьшился. Таким образом, тенденции последних лет указы-

Таблица 1

Доля НДФЛ местных бюджетов в федеральных округах России, ед.

Федеральный округ	Доходы от НДФЛ, тыс. руб./чел., в сред. за 2014–2018	Местные бюджеты в целом			Бюджеты городов			Бюджеты районов		
		2014–2016	2017–2018	, п.п.	2014–2016	2017–2018	, п.п.	2014–2016	2017–2018	, п.п.
Россия в среднем	21,2	29,6	30,5	0,9	28,3	29,4	1,1	33,3	33,3	0,0
Группа 1:										
УФО	29,9	30,9	33,5	2,6	30,8	33,5	2,7	31,1	33,6	2,5
ЦФО	23,3	26,4	27,8	1,4	24,1	25,4	1,3	32,4	34,1	1,7
СЗФО	19,8	29,5	28,4	–1,1	28,8	27,3	–1,5	35,0	33,3	–1,7
Группа 2:										
ПФО	17,2	28,8	29,1	0,3	27,7	28,0	0,3	32,7	33,1	0,4
ЮФО	16,3	29,4	30,1	0,7	26,3	27,1	0,8	35,3	36,0	0,7
ДФО	16,3	33,1	30,8	–2,3	33,6	31,5	–2,1	32,2	25,3	–6,9
СФО	15,8	30,1	28,7	–1,4	28,6	27,3	–1,3	35,1	33,6	–1,5
СКФО	9,6	30,5	29,7	–0,8	24,8	24,6	–0,2	39,3	39,5	0,2

Примечание: данные по ЦФО и СЗФО – без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга соответственно.

Источники: данные Казначейства России, региональные законы и иные нормативные акты, регулирующие региональный бюджетный процесс и региональные межбюджетные отношения (по состоянию на июль 2019 г.), расчеты автора.

вают на принципиальное отсутствие роста местных налоговых полномочий.

В среднем чем выше налоговый потенциал субъекта РФ по НДФЛ, тем меньшая доля НДФЛ отчисляется в его местные бюджеты (табл. 2). То есть найденная выше стагнация местных налоговых полномочий, в частности когда они низкие, наблюдается только при сравнительно малой величине налогового потенциала субъекта, а в случае его роста она может даже уменьшиться. Напротив, условия для положительных фискальных стимулов у органов местной власти, а именно *рост* налоговой децентрализации при *росте* налогового потенциала, свойственны только субъектам УФО (городские округа) и ДФО. Только в данных субъектах при увеличении налогового потенциала больше

Таблица 2

Корреляция доли НДФЛ местных бюджетов и налоговых доходов, ед.

Федеральный округ	Местные бюджеты в целом	Бюджеты городов	Бюджеты районов
Россия в среднем	0,0	0,0	−0,2
ЦФО	−0,3	−0,2	−0,3
СЗФО	−0,4	0,0	−0,3
ЮФО	0,0	0,0	0,0
СКФО	0,0	−0,3	0,0
ПФО	0,0	0,0	−0,2
УФО	0,0	0,5*	0,0
СФО	0,4	0,0	−0,5
ДФО	0,5*	0,4*	0,4*

Примечания: 1) * – признак положительного фискального стимула; 2) учитываются удельные налоговые доходы субъектов по НДФЛ. Показаны только статистически значимые результаты. По данным за 2014–2018 гг. (период с рассчитанными автором нормативами отчислений от НДФЛ отдельно по городам и районам).

Источники: данные Казначейства России, региональные законы и иные нормативные акты в части межбюджетных отношений (по состоянию на июль 2019 г.), расчеты автора.

собственных доходов будет зачисляться в местный бюджет, а малые межбюджетные трансферты не будут дестимулировать самостоятельность и подотчетность. Показатели УФО формируются относительно обеспеченными городами ресурсных субъектов, а вот для субъектов ДФО ситуация менее оптимистичная, так как низкие удельные доходы по НДФЛ ограничивают положительные фискальные стимулы. Таким образом, потенциал положительных фискальных стимулов налоговой децентрализации в России, заключающийся в росте децентрализации при росте налогового потенциала, реализуется недостаточно. Это сдерживает повышение эффективности бюджетной системы, увеличение местного налогового потенциала и развитие экономики субъектов РФ в целом.

Расчеты по авторской методике (оценка влияния фактора взаимного расположения субъектов РФ на показатель доли НДФЛ местных бюджетов с использованием корреляционного анализа Спирмена) показывают, что взаимное расположение субъектов («соседство») действительно влияет на формирование внутрирегиональной налоговой децентрализации в России. Этот вывод основывается на подтверждении значимой прямой взаимосвязанности показателя схожести величины доли НДФЛ местных бюджетов соответствующего субъекта и индикатора близости данного субъекта со всеми остальными (табл. 3). То есть близость доли местного НДФЛ двух субъектов уменьшается с ростом расстояния между ними и увеличивается, если эти субъекты – соседи. Отметим, что статистическая значимость коэффициентов корреляции, имеющих положительный знак, наблюдается не просто для довольно большого числа субъектов, но для тех из них, в которых размер налоговых полномочий муниципалитетов наибольший. Интересны также результаты анализа в разрезе видов муниципалитетов. Для наиболее децентрализованных субъектов – Республики Алтай, Кабардино-Балкарской Республики, Ханты-Мансийского АО пространственный эффект (фактор соседства) значим только для бюджетов муниципальных районов. Для регионов с меньшей децентрализацией (прежде всего для входящих в состав СФО) он значим для доли НДФЛ всех местных бюджетов. Наконец, для тех субъектов, где уровень децентрализации еще меньше, но удельные доходы от НДФЛ больше

Таблица 3

Корреляция Спирмена между S и D (авторская методика)

Субъект РФ	Доля местного НДФЛ, %*	Доходы от НДФЛ, тыс. руб./чел.*	Коэффициент корреляции Спирмена, ед.		
			для местных бюджетов в целом	для бюджетов районов	для бюджетов городов
Республика Алтай (СФО)	42	6,0	0,0	0,2	0,0
Кабардино-Балкарская Республика (СКФО)	38	7,7	0,0	0,2	0,0
Ханты-Мансийский АО (УФО)	38	31,0	0,0	0,2	0,0
Рязанская обл. (ЦФО)	34	16,5	0,0	0,0	0,2
Республика Калмыкия (ЮФО)	33	8,4	0,0	0,2	0,0
Новосибирская обл. (СФО)	32	18,8	0,2	0,0	0,0
Республика Бурятия (ДФО)	31	10,2	0,3	0,0	0,0
Тверская обл. (ЦФО)	31	15,5**	0,0	0,0	0,2
Красноярский край (СФО)	30	16,5	0,3	0,0	0,0
Алтайский край (СФО)	30	10,6	0,0	0,2	0,0
Тамбовская обл. (ЦФО)	29	12,8**	0,0	0,0	0,2
Республика Хакасия (СФО)	29	14,1	0,3	0,0	0,0
Воронежская обл. (ЦФО)	28	16,2**	0,0	0,0	0,2
Краснодарский край (ЮФО)	28	18,0**	0,0	0,0	0,2
Республика Карелия (СЗФО)	28	13,5	0,2	0,0	0,0
Калужская обл. (ЦФО)	27	22,4	0,2	0,0	0,0
Костромская обл. (ЦФО)	27	13,9	0,2	0,0	0,0
Псковская обл. (СЗФО)	27	13,5	0,2	0,2	0,0
Владимирская обл. (ЦФО)	27	16,1**	0,0	0,0	0,3
Магаданская обл. (ДФО)	26	12,6**	0,0	0,4	0,3

Примечания: 1) S – нормированная величина доли НДФЛ местных бюджетов в субъекте i по отношению к величине доли НДФЛ местных бюджетов в субъекте j . Чем выше S , тем приближеннее друг к другу доли НДФЛ местных бюджетов в соответ-

ствующих субъектах i и j . D – расстояние между субъектами i и j . Чем выше D , тем ближе друг от друга располагаются субъекты. Показаны только регионы со статистически значимой корреляцией между S и D . Корреляция положительная, если местная налоговая децентрализация регионов имеет пространственные эффекты; 2) * – по средним данным за 2014–2018 гг. Доходы от НДФЛ – в ценах 2017 г. с учетом индекса бюджетных расходов; ** – найдена значимость пространственного фактора именно для бюджетов городов.

Источник: расчеты автора.

(прежде всего для субъектов ЦФО), фактор соседства значим только для НДФЛ бюджетов городов. Результаты для разных видов муниципалитетов отражают превосходство по величине налоговой децентрализации районов и отставание – городских округов. Все вместе это указывает на наличие пространственных эффектов.

Наличие пространственной корреляции доли НДФЛ местных бюджетов иллюстрирует рис. 2: субъекты-соседи образуют отдельные группы по величине данного показателя. Отметим группы с высокой налоговой децентрализацией: 1) Тверская, Вологодская и Архангельская области и Ненецкий АО; 2) Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области (ЮФО); 3) Ханты-Мансийский АО и Тю-

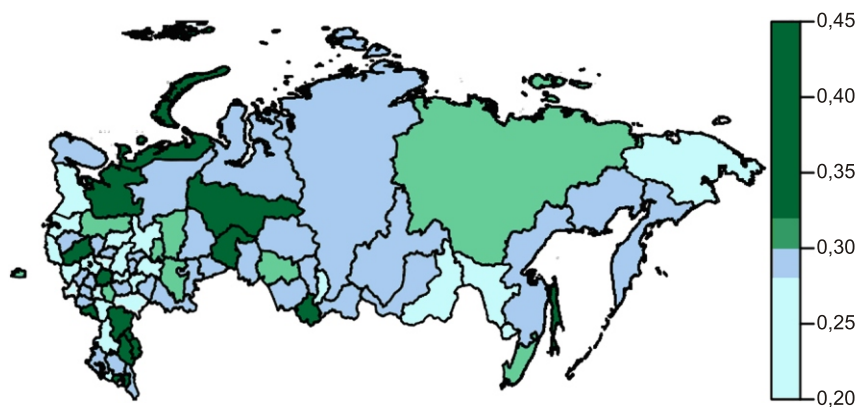

Рис. 2. Доля НДФЛ местных бюджетов в субъектах РФ в 2018 г., ед.

Примечание: цветовое наполнение обозначает величину показателя доли НДФЛ местных бюджетов в единицах (т.е. в диапазоне от 20 до 45%)

Источники: данные Казначейства России, расчеты автора

менская область (УФО). Таким образом, доля местного НДСЛ в том или ином субъекте прямо пропорциональна доле местного НДСЛ в соседнем регионе. Это указывает на наличие межрегионального взаимодействия по вопросу установления внутрирегиональной (местной) налоговой децентрализации.

Попробуем количественно оценить феномен межрегионального взаимодействия. Формальный пространственный корреляционный анализ показывает, что в субъектах РФ наблюдается слабая, но статистически значимая положительная пространственная корреляция доли НДСЛ местных бюджетов (табл. 4). Следует подчеркнуть, что она существует при анализе общего норматива отчислений, т.е. без дифференциации на бюджеты городов и районов. Заметим, однако, что значимую положительную корреляцию в большей степени формирует именно норматив районов, так как риск ошибиться здесь (p-value) существенно ниже.

Таким образом, расчеты подтверждают наличие пространственных эффектов доли местного НДСЛ в России. Этот результат может быть использован в федеральной политике межбюджетных отноше-

Таблица 4

Пространственная корреляция доли местного НДСЛ, ед.

Объект анализа	Moran's I	p-value
Местные бюджеты России в целом	0,11***	0,04
Бюджеты городов	−0,01	0,50
Бюджеты районов	0,07	0,13

Примечания: 1) Moran's I – пространственный коэффициент корреляции, мера связанности двух объектов в пространстве по тому или иному признаку; 2) веса в анализе основываются на факте наличия общей границы у субъектов РФ без учета расстояния между ними; 3) для городов и районов – на основе средней простой доли НДСЛ местных бюджетов по данным за 2014–2018 гг. (период с рассчитанными автором нормативами отчислений от НДСЛ отдельно по городам и районам); 4) *** – коэффициент статистически значим; 5) расчеты проведены с использованием языка программирования R, версия 3.6.1.

Источник: расчеты автора.

ний в целях повышения внутрирегиональной налоговой децентрализации.

Для увеличения налоговых полномочий (а значит, и налогового потенциала) органов местной власти в данной работе предлагается вариант методики распределения федеральных дотаций, направленных на повышение внутрирегиональной налоговой децентрализации (далее – дотации на наращивание местного налогового потенциала). В нем используются выявленные пространственные эффекты налоговой децентрализации. Дотации на наращивание местного налогового потенциала выделяются из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ с условием их последующей передачи на уровень местных бюджетов в форме увеличенных нормативов по НДФЛ по алгоритму, представленному на рис. 3. Предлагаемый способ основан на таргети-

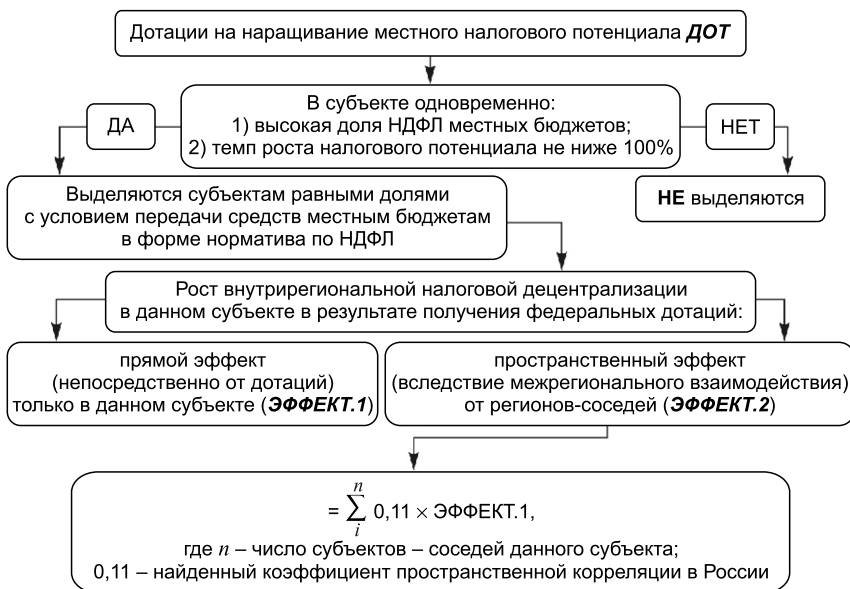

Рис. 3. Алгоритм распределения дотаций на наращивание местного
налогового потенциала

Примечание: краткие обозначения показателей – согласно табл. 6

Источник: составлено автором

рованном стимулировании роста местных нормативов отчислений от НДФЛ, а именно он адресован только субъектам, удовлетворяющим двум условиям. Первое – высокий начальный уровень внутрирегиональной налоговой децентрализации, второе – положительная динамика налогового потенциала (для стимулирования наращивания собственных доходов).

Оценим результативность предлагаемых дотаций на наращивание местного налогового потенциала. Для этого произведем перерасчет эффектов выделения федеральных дотаций по данным 2019 г., учитывая наличие межрегионального взаимодействия по установлению местных нормативов отчислений. Попробуем количественно оценить, какое влияние федеральные дотации могут оказать на внутрирегиональную налоговую децентрализацию по НДФЛ, сравнив эффект действующих дотаций на сбалансированность, с одной стороны, и дотаций на наращивание местного налогового потенциала, с другой стороны. Предположим, что фактические дотации на сбалансированность также выделялись с условием их передачи на местный уровень в форме увеличенных нормативов по НДФЛ. Распределение дотаций на сбалансированность между регионами в 2019 г. известно, а распределение дотаций на наращивание местного налогового потенциала осуществляется по приведенному выше алгоритму. Субъекты, удовлетворяющие двум условиям выделения предлагаемых дотаций (см. рис. 3), можно определить в рамках двумерного кластерного анализа (табл. 5). При расчетах будем исходить из возможного объема федерального фонда дотаций на наращивание местного налогового потенциала в размере не менее 10% от общей суммы дотаций на сбалансированность, выделенной в 2019 г. (5,4 млрд руб. = 54,3 млрд руб. 10%)⁴.

⁴ Учитывается только размер «общей» части федеральных дотаций на сбалансированность (54,3 млрд руб.), выделенных субъектам в 2019 г. Не учитываются: 1) дотации на повышение оплаты труда в бюджетной сфере; 2) стимулирующие дотации (за достижение показателей деятельности органов власти регионов); 3) балансирующие специальные дотации на сбалансированность (выделенные только отдельным субъектам).

Таблица 5

**Группировка субъектов РФ по доле НДФЛ местных бюджетов и динамике
налогового потенциала**

№	Состав группы	Доля НДФЛ местных бюджетов в 2018, %	Темп роста налогового потенциала в 2019, %
1 (1)	Сахалинская обл.	34,8	134,8
2 (3)	Ханты-Мансийский АО, Чукотский АО, Респ. Крым	31,5	85,9
3 (28)	Воронежская обл., Курская обл., Липецкая обл., Респ. Коми, Ленинградская обл., Новгородская обл., Респ. Адыгея, Краснодарский край, Респ. Дагестан, Респ. Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Респ. Марий Эл, Удмуртская Респ., Чувашская Респ., Кировская обл., Нижегородская обл., Оренбургская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Свердловская обл., Респ. Бурятия, Респ. Тыва, Забайкальский край, Омская обл., Томская обл., Хабаровский край, Амурская обл., Магаданская обл.	28,3	99,7
4 (17)	Белгородская обл., Рязанская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Ненецкий АО, Архангельская обл., Калининградская обл., Респ. Калмыкия, Астраханская обл., Волгоградская обл., Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Чеченская Респ., Пермский край, Тюменская обл., Респ. Алтай, Новосибирская обл. – <i>таргетируемая группа</i>	35,6	100,2
5 (33)	... (остальные субъекты)	28,0	106,5

Примечания: 1) в скобках – количество субъектов; 2) приведены средние простые величины показателей. Используется двумерная группировка.

Источники: данные Казначейства России, Минфина России, расчеты автора.

Критериями результативности выступают два показателя: итоговые (после распределения) доля НДФЛ местных бюджетов НОРМ.1 и прирост доходов местных бюджетов НДФЛ (табл. 6).

Согласно расчетам замена части федеральных дотаций на сбалансированность на предлагаемые дотации на наращивание местного налогового потенциала действительно повышает долю НДФЛ мест-

Таблица 6

Показатели дотаций на наращивание местного налогового потенциала

№	Обозначение	Единица измерения	Расчет	Расшифровка
1	НОРМ.0	%	Фактические данные	Доля НДФЛ местных бюджетов
2	НДФЛ	Млрд руб.	Фактические данные	Доходы от НДФЛ субъекта за 2018 г.
3	ДОТ	Млрд руб.	10% от дотаций на сбалансированность в 2019 г.	Дотации на наращивание местного налогового потенциала
4	ЭФФЕКТ.1	П.п.	= 3/2	Прямой эффект дотаций
5	ЭФФЕКТ.2	П.п.	= сумма («4» 0,11), по каждому соседу данного субъекта	Пространственный эффект, полученный субъектом от соседей
<i>Критерии результативности дотаций на наращивание местного налогового потенциала (должны быть выше по сравнению с отсутствием предлагаемых дотаций)</i>				
8	НОРМ.1	%	= 1 + 4 + 5	Итоговая доля НДФЛ местных бюджетов
9	НДФЛ	Млрд руб.	= 2 (4 + 5)	Прирост доходов местных бюджетов

Источник: составлено автором.

ных бюджетов НОРМ.1 и увеличивает прирост доходов местных бюджетов НДФЛ (табл. 7). Так, применение предлагаемой методики в 2019 г. могло увеличить долю НДФЛ местных бюджетов на 0,7 п.п. (с 29,4 до 30,1%). Напротив, фактическое распределение дотаций на сбалансированность в 2019 г., если бы оно было привязано к росту внутрирегиональной налоговой децентрализации, при том же объеме фонда увеличило бы долю местного НДФЛ только на 0,5 п.п. (с 29,4 до 29,9%).

Преимущества новых дотаций становятся более явными, если учесть последствия распределения в стоимостном выражении, а также особенности механизма, приводящего к данному распределению.

Таблица 7

Результативность дотаций на наращивание местного налогового потенциала

Федеральный округ	НОРМ.0, %	НДФЛ, млрд руб.	Действующие дотации на сбалансированность		Предлагаемые дотации на наращивание местного налогового потенциала	
			НОРМ.1, %	НДФЛ	НОРМ.1, %	НДФЛ
Россия в среднем	29,4	3653,0	29,9	9,5	30,1	12,3
ЦФО	28,5	1483,9	28,8	1,4	29,1	2,6
СЗФО	29,1	461,4	29,6	1,1	29,7	1,5
ЮФО	29,4	203,8	29,8	0,9	30,5	2,0
СКФО	31,4	74,3	32,4	0,6	34,6	2,3
ПФО	28,8	468,7	29,3	1,9	29,0	0,8
УФО	31,6	357,5	31,9	0,5	31,8	1,3
СФО	29,2	359,7	29,8	2,1	29,8	1,8
ДФО	29,6	210,5	30,2	1,1	29,6	0,0

Примечания: 1) краткие обозначения показателей – согласно табл. 6; 2) усредненные результаты по федеральным округам и по России в целом рассчитаны на основе средней, взвешенной на численность населения субъектов. Без учета г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Республики Крым и г. Севастополя.

Источник: расчеты автора.

Прирост доходов местных бюджетов НДФЛ увеличивается с 9,5 до 12,3 млрд руб. (рис. 4). При этом в удельных величинах на единицу населения⁵ прирост доходов значительно выше: менее 200 руб./чел. согласно действующему распределению и почти 600 руб./чел. – для предлагаемых дотаций на наращивание местного налогового потен-

⁵ Дотации на сбалансированность в 2019 г. получил 41 регион с общей численностью населения 47,6 млн чел. Согласно предлагаемой методике дотации получили бы лишь 17 регионов с численностью жителей 20,8 млн чел.

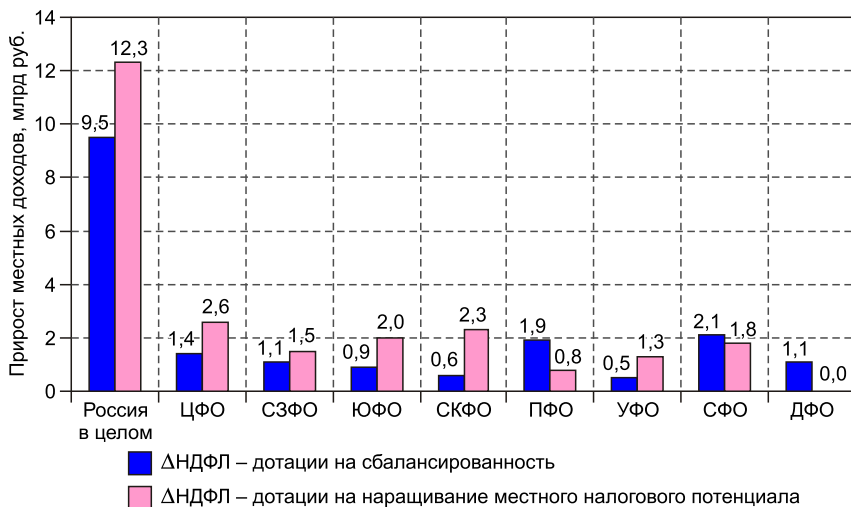

Рис. 4. Результативность дотаций на наращивание местного налогового потенциала

Источник: расчеты автора

циала. Меньший итоговый уровень внутрирегиональной налоговой децентрализации по новой методике фиксируется только в субъектах ПФО и ДФО. Субъекты ДФО в настоящее время характеризуются наибольшей налоговой децентрализацией, а в субъектах ПФО доля НДФЛ местных бюджетов увеличится при обоих вариантах, если сравнивать с ситуацией полного отсутствия федерального трансферта, связанного с внутрирегиональной децентрализацией. Кроме этого, наши расчеты основываются на объеме фонда дотаций на наращивание местного налогового потенциала в размере 5,4 млрд руб. Если размер фонда будет больше, увеличение налоговых доходов от НДФЛ у органов местной власти также станет большим.

Предлагаемый механизм федеральных дотаций на наращивание местного налогового потенциала придаст действующим дотациям на сбалансированность формализованный характер. Соответственно своей конструкции он будет стимулировать органы власти субъектов

РФ как увеличивать налоговую базу (налоговый потенциал, размер собственных доходов бюджета), так и повышать внутрирегиональную налоговую децентрализацию. В настоящее же время дотации на сбалансированность выделяются в течение года по решениям Правительства РФ преимущественно на сокращение фактического дефицита бюджета субъекта, т.е. используются как дискреционный инструмент межбюджетной политики, несущий повышенный риск снижения финансовой самостоятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило предложить и апробировать методику анализа пространственных эффектов внутрирегиональной налоговой децентрализации в бюджетной системе России, а также использовать полученные результаты при создании способа распределения федеральных дотаций на наращивание местного налогового потенциала. Были получены следующие основные результаты, обладающие научной и практической новизной.

Внутрирегиональная (местная) налоговая децентрализация по НДФЛ в бюджетной системе России за 2014–2018 гг. немного увеличилась, однако данный рост произошел за счет доли НДФЛ бюджетов городских округов в наиболее обеспеченных субъектах РФ, где налоговая децентрализация была относительно высокой уже в начале периода. Это указывает на принципиальное отсутствие увеличения полномочий органов местной власти за рассматриваемый период. Это также подчеркивает наличие практической проблемы малой величины местных налоговых полномочий. Выявлено, что уровень экономического развития региона обратно пропорционален внутрирегиональной налоговой децентрализации. Это объяснимо высокой межрегиональной дифференциацией и потребностью в межбюджетном выравнивании, однако свидетельствует о недостатке положительных фискальных стимулов у органов местной власти к эффективным бюджетным расходам и развитию местной налоговой базы.

Применение авторской методики позволило найти признаки межрегионального взаимодействия в России: оно имеет место при уста-

новлении регионами степени внутрирегиональной налоговой децентрализации на своей территории. То есть регионы ориентируются друг на друга в решении вопроса о налоговой децентрализации, и фактор соседства значим: чем ближе расположены регионы, тем выше у них схожесть долей НДСЛ, зачисляемых в местные бюджеты. Идентификация пространственных эффектов (значимости фактора пространства) для НДСЛ с применением оригинальной методики осуществлена впервые в отечественной литературе.

Предложена методика распределения федеральных дотаций, направленных на увеличение налоговых полномочий органов местной власти в субъектах РФ, – дотаций на наращивание местного налогового потенциала. Данная методика использует найденные пространственные эффекты. Показано, что по сравнению с действующей структурой федеральных трансфертов предлагаемая методика позволяет не только существенно повысить долю НДСЛ, остающуюся в доходах местных бюджетов (внутрирегиональную налоговую децентрализацию), причем даже при малом объеме фонда, но также сохранить стимулы к увеличению налогового потенциала субъекта РФ и изначального уровня децентрализации.

Полученные результаты значимы как с теоретической, так и с практической точки зрения. В научных исследованиях они могут быть использованы при изучении факторов бюджетной децентрализации и межрегионального взаимодействия. В сфере государственного управления они могут найти применение в федеральной политике межбюджетных отношений, направленной на увеличение налоговых полномочий органов местной власти, при достижении общей цели повышения эффективности бюджетной системы России.

Список источников

1. *Абрамов А., Глущенко К.* Матрица кратчайших расстояний между административными центрами российских регионов. – Новосибирск: НГУ, 2000. – URL: http://econom.nsu.ru/staff/chair_et/gluschenko/Research/Data/Distances.xls (дата обращения: 19.03.2020).
2. *Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В.* Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления //

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 132–147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9.

3. Валентей С., Глигич-Золотарева М., Лыкова Л. Старые и новые проблемы российского федерализма // Федерализм. – 2012. – № 4 (68). – С. 7–38.

4. Клисторин В.И., Сумская Т.В. Бюджетные проблемы крупного города (на примере г. Новосибирска) // ЭКО. – 2018. – № 8. – С. 23–33. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-23-33.

5. Печенская М.А. Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – № 3 (12). – С. 77–90. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5.

6. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Российский налогово-бюджетный федерализм в условиях экономической нестабильности // Федерализм. – 2016. – № 3 (83). – С. 9–26.

7. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 156 с.

8. Besley T., Case A. Incumbent behavior: vote-seeking, tax-setting, and yardstick competition // American Economic Review. – 1995. – No. 85 (1). – P. 25–45. DOI: 10.2307/2117994.

9. Bird R.M., Slack E. Local taxes and local expenditures in developing countries: Strengthening the wicksellian connection // Public Administration and Development. – 2014. – Vol. 34 (5). – P. 359–369. DOI: 10.1002/pad.1695.

10. Bordignon M., Cerniglia F., Revelli F. In search of yardstick competition: A spatial analysis of Italian municipality property tax setting // Journal of Urban Economics. – 2003. – No. 54 (2). – P. 199–217. DOI: 10.1016/S0094-1190(03)00062-7.

11. Bukowska G., Siwińska-Gorzelak J. Can higher tax autonomy enhance local fiscal discipline? Evidence from tax decentralization in Poland // Publius: The Journal of Federalism. – 2018. – Vol. 49 (2). – P. 299–324. DOI: 10.1093/publius/pjy024.

12. Fiorino N., Galli E., Padovano F. How long does it take for government decentralization to affect corruption? // Economics of Governance. – 2015. – Vol. 16 (3). – P. 273–305. DOI: 10.1007/s10101-015-0156-y.

13. Fischel W. Homevoters, municipal corporate governance, and the benefit view of the property tax // National Tax Journal. – 2001. – No. 54 (1). – P. 157–174.

14. Inman R.P., Rubinfeld D.L. Democratic Federalism. – Princeton University Press, 2020. – 448 p. DOI: 10.2307/j.ctvss3znv.

15. Ligthart J.E., Oudheusden P., van. The fiscal decentralisation and economic growth nexus revisited // Fiscal Studies. – 2017. – No. 38 (1). – P. 141–171. DOI: 10.1111/1475-5890.12099.

16. Meyer M.A., Vickers, J. Performance comparisons and dynamic incentives // Journal of Political Economy. – 1997. – No. 105 (3). – P. 547–581. DOI: 10.1086/262082.

17. Musgrave R. The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy. – McGraw-Hill, 1959. – 628 p.

18. *Oates W.E.* Fiscal competition or harmonization? Some reflections // *National Tax Journal*. – 2001. – No. 54 (3). – P. 507–512.
19. *Oates W.E.* *Fiscal Federalism*. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – 256 p. DOI: 10.2307/2978885.
20. *Rodden J., Wibbels E.* Fiscal decentralization and the business cycle: An empirical study of seven federations // *Economics and Politics*. – 2010. – Vol. 22 (1). – P. 37–67. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00350.x.
21. *Shleifer A.* A theory of yardstick competition // *RAND Journal of Economics*. – 1985. – No. 16 (3). – P. 319–327. DOI: 10.2307/2555560.
22. *Tiebout C.M.* A pure theory of local expenditures // *Journal of Political Economy*. – 1956. – No. 64 (5). – P. 416–424. DOI: 10.1086/257839.
23. *Weingast B.R.* Second generation fiscal federalism: political aspects of decentralization and economic development // *World Development*. – 2014. – Vol. 53. – P. 14–25.

Информация об авторе

Тимушев Евгений Николаевич (Россия, Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26). E-mail: evgeny_timushev@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20210211

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 267–295

E.N. Timushev

TAX DECENTRALIZATION OF MUNICIPALITIES: HOW COULD IMPLICIT INTERREGIONAL INTERACTION BE USED?

This paper aims to improve the methodological tools for analyzing the spatial effects of intraregional fiscal decentralization and suggest a way to increase the municipalities' tax potential in Russia. The growth of local tax powers – a key element of broader fiscal decentralization – is favorable for the

efficiency of budget expenditures, local development, and improvement of quality of life.

In this paper, the indicator of intraregional fiscal decentralization is the share of local budgets' revenues from personal income tax (PIT) in consolidated regional revenues from PIT, i.e., the share of local PIT. We use structural and spatial correlation analysis, grouping and analysis of regional legislation.

The article reveals the lack of growth of local authorities' tax powers in 2014–2018, which underscores the problem of small local powers. It is established that the decentralization of PIT is present only if there is a small tax potential of a region, and as the latter grows, the former decreases. This indicates a lack of positive fiscal incentives to exercise effective local spending and develop the tax base.

We propose and test a method of analyzing the spatial effects of the share of local PIT and discover that the spatial effects are present and positive. This points to inter-regional cooperation in the field of fiscal policy; that is, the regions are guided by each other while tackling the issue of intraregional tax decentralization. We also suggest a method for allocating general grants from the federal government to foster the local tax potential, using the spatial effects found. It is shown that neighboring regions will coordinate their intraregional tax decentralization, which will increase the amount of funds disposable by municipalities by a larger amount than the amount of the transfer allocated. The results can be used in the federal policy of increasing local tax powers and capacity.

Keywords: personal income tax; local authorities; fiscal decentralization; intraregional tax decentralization; spatial correlation; general grants distribution

For citation: *Timushev, E.N. (2021). Nalogovaya detsentralizatsiya municipalitetov: kak mozhno ispolzovat neyavnoe mezhregionalnoe vzaimodeystvie [Tax decentralization of municipalities: How could implicit interregional interaction be used?]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 267–295. DOI: 10.15372/REG20210211.*

References

1. *Abramov, A. & K. Gluschenko. (2000). Matritsa kratchayshikh rasstoyaniy mezhdu administrativnymi tsentrami rossiyskikh regionov [The matrix of the shortest distances between capital cities of Russian regions]. Novosibirsk, Novosibirsk State University.*

Available at: http://econom.nsu.ru/staff/chair_et/gluschenko/Research/Data/Distances.xls (date of access: 19.03.2020).

2. *Bukhvald, E.M. & N.V. Voroshilov.* (2018). Aktualnye voprosy razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy i reformirovaniya instituta mestnogo samoupravleniya [Current issues in the development of municipal entities and in reforming the institution of local self-government]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 11, No. 1, 132–147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9.

3. *Valentei, S., M. Gligich-Zolotareva & L. Lykova.* (2012). Starye i novye problemy rossiyskogo federalizma [Old and new problems of federalism in Russia]. *Federalizm* [Federalism], 4 (68), 7–38.

4. *Klistorin, V.I. & T.V. Sumskaya.* (2018). Byudzhetye problemy krupnogo goroda (na primere g. Novosibirsk) [Budgetary problems of a large city: the case of Novosibirsk]. *EKO* [ECO], 8, 23–33. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-23-33.

5. *Pechenskaya, M.A.* (2019). Byudzhety regionalnykh tsentrov Severo-Zapada: instrumenty modernizatsii ili vyzhivaniya? [Budgets of regional centers in the north-west: tools for modernization or survival?]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 3 (12), 77–90. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5.

6. *Tatarkin, A.I. & D.A. Tatarkin.* (2016). Rossiyskiy nalogovo-byudzhетный federalizm v usloviyakh ekonomicheskoy nestabilnosti [Russian fiscal federalism in the conditions of economic instability]. *Federalizm* [Federalism], 3 (83), 9–26.

7. *Uskova, T.V. & N.V. Voroshilov.* (2015). Regionalnaya politika territorialnogo razvitiya [Regional Policy of Territorial Development]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories RAS Publ., 156.

8. *Besley, T. & A. Case.* (1995). Incumbent behavior: vote-seeking, tax-setting, and yardstick competition. *American Economic Review*, 85 (1), 25–45. DOI: 10.2307/2117994.

9. *Bird, R.M. & E. Slack.* (2014). Local taxes and local expenditures in developing countries: Strengthening the wicksellian connection. *Public Administration and Development*, 34 (5), 359–369. DOI: 10.1002/pad.1695.

10. *Bordignon, M., F. Cerniglia & F. Revelli.* (2003). In search of yardstick competition: A spatial analysis of Italian municipality property tax setting. *Journal of Urban Economics*, 54 (2), 199–217. DOI: 10.1016/S0094-1190(03)00062-7.

11. *Bukowska, G. & J. Siwińska-Gorzelak.* (2018). Can higher tax autonomy enhance local fiscal discipline? Evidence from tax decentralization in Poland. *Publius: The Journal of Federalism*, 49 (2), 299–324. DOI: 10.1093/publius/pjy024.

12. *Fiorino, N., E. Galli & F. Padovano.* (2015). How long does it take for government decentralization to affect corruption? *Economics of Governance*, 16 (3), 273–305. DOI: 10.1007/s10101-015-0156-y.

13. *Fischel, W.* (2001). Homevoters, municipal corporate governance, and the benefit view of the property tax. *National Tax Journal*, 54 (1), 157–174.
14. *Inman, R.P. & D.L. Rubinfeld.* (2020). *Democratic Federalism*. Princeton University Press, 448. DOI: 10.2307/j.ctvss3znm.
15. *Ligthart, J.E. & P. van Oudheusden.* (2017). The fiscal decentralisation and economic growth nexus revisited. *Fiscal Studies*, 38 (1), 141–171. DOI: 10.1111/1475-5890.12099.
16. *Meyer, M.A. & J. Vickers.* (1997). Performance comparisons and dynamic incentives. *Journal of Political Economy*, 105 (3), 547–581. DOI: 10.1086/262082.
17. *Musgrave, R.* (1959). *The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy*. McGraw-Hill, 628.
18. *Oates, W.E.* (2001). Fiscal competition or harmonization? Some reflections. *National Tax Journal*, 54 (3), 507–512.
19. *Oates, W.E.* (1972). *Fiscal Federalism*. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 256. DOI: 10.2307/2978885.
20. *Rodden, J. & E. Wibbels.* (2010). Fiscal decentralization and the business cycle: An empirical study of seven federations. *Economics and Politics*, 22 (1), 37–67. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00350.x.
21. *Shleifer, A.* (1985). A theory of yardstick competition. *RAND Journal of Economics*, 16 (3), 319–327. DOI: 10.2307/2555560.
22. *Tiebout, C.M.* (1956). A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, 64 (5), 416–424. DOI: 10.1086/257839.
23. *Weingast, B.R.* (2014). Second generation fiscal federalism: political aspects of decentralization and economic development. *World Development*, 53, 14–25.

Information about the author

Timushev, Evgeny Nikolaevich (Syktyvkar, Russia) – Junior Researcher at the Federal Research Center Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia). E-mail: evgeny_timushev@mail.ru.

Поступила в редколлегию 20.10.2020.

После доработки 18.02.2021.

Принята к публикации 19.02.2021.

Регион: экономика и социология, 2021, № 2 (110), с. 296–302

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ИННОВАЦИОННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ КАК ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕСА»

ИЭОПП СО РАН традиционно является коммуникационной площадкой для взаимодействия представителей науки, бизнеса, образования и государства. В статье дан обзор обсуждения проблем интеграционных взаимодействий в рамках инновационных экосистем, состоявшегося на очередном апрельском научно-практическом семинаре по проблемам высокотехнологичного бизнеса.

Ключевые слова: высокотехнологичный сектор; инновационная экосистема; проблемы взаимодействия

Для цитирования: *Научно-практический семинар «Инновационные экосистемы как формы интеграции науки, образования и бизнеса» (Юсупова А.Т., Кравченко Н.А.) // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 296–302. DOI: 10.15372/REG20210212.*

В Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН ежегодно проводятся научно-практические семинары, посвященные проблемам развития высокотехнологичного бизнеса. Организатором этих мероприятий выступает отдел управления промышленными предприятиями ИЭОПП. В фокусе внимания находятся актуальные проблемы развития взаимодействий науки, образования, государства и бизнеса, способствующих успешной коммер-

циализации результатов исследований и разработок и росту высокотехнологического сектора экономики. Традиционно программа семинара включает сессию с докладами ведущих экспертов из сферы науки, образования и бизнеса, а также представителей органов государственного управления и последующее обсуждение поставленных проблем в формате дискуссии.

Очередной семинар состоялся 23 апреля 2021 г. В этот раз основная тема, предложенная для обсуждения, – *«Инновационные экосистемы как формы интеграции науки, образования и бизнеса»*. Семинар проводился в смешанном формате и объединил более 50 участников – представителей различных звеньев инновационной экосистемы из Новосибирска, Красноярска, Барнаула, Волгограда и Москвы.

Семинар открыл директор ИЭОПП академик В.А. Крюков. Он обозначил неизменно активную позицию института в обсуждении проблем взаимодействия науки и бизнеса, направленность его деятельности на исследование проблем реальных предприятий.

Обсуждение началось с доклада, в котором были поставлены основные рассматриваемые проблемы, дан обзор подходов к определению популярного сейчас понятия «экосистема». В качестве примеров его использования выделялись понятия экосистемы знаний, инновационной экосистемы, бизнес-экосистемы, платформенной экосистемы. При этом отмечались размытость границ, отсутствие четких дефиниций. Нет единства и относительно того, какие элементы формируют ядро экосистемы: университеты, корпорации или стартапы. Бесспорными характеристиками рассматриваемого феномена являются его сложность, динамичность, множественность составных элементов, локальность. Системы взаимодействий участников экосистемы могут как способствовать, так и препятствовать ее эффективному функционированию.

Системное представление рассматриваемых процессов развития высокотехнологического сектора охватывает ряд институциональных образований, включая кластеры, особенности развития которых на современном этапе также затрагивались в рамках *научной составляющей* семинара. Кластерная политика, активно формирующаяся с 2008 г., в последние годы претерпела существенные изменения.

Основной акцент сместился в сторону поддержки кооперационных проектов участников. Конкуренция и сотрудничество присущи любому кластерному образованию. Связанность акторов представляет собой важнейшую характеристику взаимодействия, обуславливающую определенные риски. Внутренние институты, такие как доверие, взаимодействие и организация, особенно важны для кластеров. Именно они идентифицируют любое кластерное образование.

Безусловно, важную роль в инновационной экосистеме играют связи науки и промышленности. Было обращено внимание на то, что их укреплению во многом может способствовать развитие трансформационных исследований, которые широко обсуждаются в мире и актуальность которых значительно возросла в условиях пандемии. Главная особенность таких исследований состоит в пересечении фундаментальной и прикладной науки, позволяющем обеспечить отклик на практические потребности и общественные вызовы. Эти исследования отличаются сложно совместимыми характеристиками, отражающими мотивации, методы, особенности и временные горизонты участников.

Экосистема должна способствовать формированию инновационного мышления. В последние годы активность *образовательных учреждений* в этом направлении значительно возросла, однако представители университетов отмечали, что во многом движение в данном направлении происходит интуитивно. Существующие ограничения системы государственного финансирования и регуляторная деятельность институтов развития порой мешают университетам в продвижении инноваций. Очевидна необходимость учета инновационной ориентации в образовательных стандартах. Здесь ключевую роль должны сыграть программы магистерского уровня, способствующие подготовке и инноваторов, и пользователей, и медиаторов при сохранении фундаментальности образования. В 2020 г. на экономическом факультете НГУ были открыты две практикоориентированные программы такого типа. Это программа «Инновационное предпринимательство и менеджмент» и программа «Правовая охрана и управление интеллектуальной собственностью и инновациями», обеспечивающие возможность тесного сотрудничества науки, образования и биз-

неса. В качестве индустриальных партнеров выступают предприятия, на которых работают выпускники НГУ. Развивая подобные программы, факультет вносит свой вклад в продвижение инновационной экономики в России.

Инновационные экосистемы создают условия для трансфера технологий. Этот аспект на семинаре был освещен на примере Красноярского края. Были представлены результаты исследования оценки бизнесом и академическим сообществом роли различных каналов трансфера, которое выявило асимметричность восприятия и значимости неформальных моделей и инструментов.

Сложность продвижения инновационных разработок, узость и ограниченность сферы технологического предпринимательства отмечались большинством участников семинара. В сложившихся условиях функции трансфера выполняют исследователи, у которых объективно отсутствуют необходимые для этого компетенции. Есть примеры, когда на доведение созданных в лабораториях актуальных препаратов до стадии клинических испытаний уходит до 10 лет. Участники экосистемы пытаются самостоятельно формировать систему трансфера, отвечающую их требованиям и запросам. Так, группа разработчиков, представляющих несколько организаций СО РАН, активно занимается созданием единого справочно-информационного портала, предлагающего сервис помощи исследователю в продвижении инновационных разработок.

На семинаре поднимался вопрос *венчурного финансирования* инновационных разработок, которое является важным элементом поддержки высокотехнологичного сектора. Перспективными для венчурного финансирования выглядят компании сектора DeepTech, отличающиеся особой ролью интеллектуальной собственности и обладающие сегодня высоким потенциалом развития. Российское венчурное инвестирование в инновационные разработки, как правило, сочетает государственные и частные ресурсы. В качестве ограничения развития венчурной составляющей экосистемы выделялось непонимание большинством предпринимателей специфики бизнес-моделей высокотехнологичного сектора. При этом венчурные инвесторы обращают внимание на безусловное мировое лидерство российских ком-

паний в сложных наукоемких отраслях, в частности в сфере финансовых технологий.

На семинаре прозвучал ряд ярких выступлений представителей *высокотехнологического бизнеса*. Позиция этого звена экосистемы часто отличается от ожиданий и представлений, наблюдаемых в других сферах. Безусловно, проблемы и способы их решения во многом определяются отраслевой спецификой. Отмечалось, что в сфере информационных решений для нефтегазового сектора успех растущей компании зависит от бэкграунда персонала, очень важна возможность привлечения на ключевые позиции специалистов, имеющих опыт работы в крупных международных нефтяных корпорациях, что позволяет добиваться впечатляющих результатов. В качестве основных проблем сотрудничества с наукой назывались институциональные. Забюрократизированность, сложность контрактации часто мешают эффективному сотрудничеству. В то же время есть примеры образований, в которых эти барьеры успешно преодолены, и одним из них является инновационный центр «Сколково». На рынке программного обеспечения для нефтегазовой отрасли действует большое количество чисто маркетинговых игроков, не имеющих собственных продуктов. В такой ситуации реальные разработчики, сталкиваясь с определенным скептицизмом пользователей, вынуждены нести дополнительные затраты, инициировать специальные демонстрационные проекты и т.д.

Отмечалось, что для крупного машиностроительного научно-производственного объединения ключевым фактором успеха является наличие собственного конструкторского бюро. Такие предприятия трудно перестраиваются и меняют специализацию.

Крупные интегрированные компании демонстрируют разнообразные практики взаимодействия с наукой. Так, один из глобальных игроков рынка нефтехимии имеет несколько собственных центров исследований и разработок (R&D). Однако их деятельность связана в основном с поддержкой существующих технологий, научная составляющая ни одного из перспективных направлений компании не развивается собственными силами. Принципиально новые технологии связаны с иными, не свойственными традиционной деятельности

навыками и культурой производства, поэтому считается целесообразным приобретать их у других участников инновационной экосистемы. Поиск таких партнеров, четкое формулирование запросов к ним становятся ключевым элементом внедрения инновационных разработок. Собственно R&D выступают инструментом этого процесса, в котором сочетаются внутренние и внешние разработки. Подобные компании заинтересованы в поиске якорных партнеров, которые призваны формировать кластеры инновационных разработок. Интересно, что инновационная деятельность может осуществляться и при отсутствии четкого представления о желаемом результате. В ситуациях, когда определена лишь сфера потенциального интереса, компания формирует запрос научному сообществу. Здесь становятся актуальными привлечение частичного государственного финансирования, различные формы долгосрочного взаимодействия с академической наукой.

Предприятия оборонно-промышленного комплекса входят в интеграционные структуры, в рамках которых налажено взаимодействие разработчиков и производителей инновационной продукции. Серьезные трудности возникают при освоении производства гражданских изделий, которые при высоких качестве и техническом уровне, как правило, неконкурентоспособны по цене. Здесь важны инструменты государственной поддержки, однако их использование связано с полной прозрачностью деятельности компании, что в условиях неопределенности может привести к высоким репутационным рискам. В таких условиях возрастает роль партнерских взаимодействий, эффективного функционирования всей экосистемы.

Представители органов *государственного управления* Новосибирской области показали полную картину предлагаемых инструментов прямой и косвенной поддержки инновационного предпринимательства.

Многие участники семинара, позитивно оценивая существующие программы государственной поддержки высокотехнологичного сектора, отмечали и их серьезные ограничения, в частности жесткие требования по налоговым обязательствам, которые в условиях инновационной неопределенности часто трудновыполнимы.

Состоявшееся обсуждение выявило большой интерес широкого круга заинтересованных лиц к рассматриваемым вопросам. Каждый участник имеет свое понимание существующих проблем инновационной экосистемы и путей их решения, позиции сторон часто не совпадают, и подобные мероприятия важны для выработки согласованного понимания и для построения эффективного взаимодействия. Серию семинаров, посвященных проблемам высокотехнологичного бизнеса, планируется продолжить.

Материал подготовили А.Т. Юсупова и Н.А. Кравченко

DOI: 10.15372/REG20210212

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 296–302

RESEARCH TO PRACTICE SEMINAR “INNOVATION ECOSYSTEMS AS FORMS OF SCIENCE, EDUCATION AND BUSINESS INTEGRATION”

The Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS has traditionally served a communication platform for representatives of science, business, education, and state to interact with one another. This article gives an overview of how the problems of integration cooperation within innovation ecosystems were discussed at the regular April research-to-practice seminar on the challenges of high-tech business.

Keywords: high-tech sector; innovation ecosystem; interaction problems

For citation: *Nauchno-prakticheskiy seminar “Innovatsionnye ekosistemy kak formy integratsii nauki, obrazovaniya i biznesa [Research to Practice Seminar “Innovation Ecosystems as Forms of Science, Education and Business Integration”] (Usupova, A.T. and N.A. Kravchenko). (2021). Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 296–302. DOI: 10.15372/REG20210212.*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «РЕГИОН: ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»

Представленные в журнал рукописи научных статей должны излагать новые, еще *не опубликованные результаты* исследований по проблемам *региональной экономики и экономической социологии регионов*.

Статья *с обязательным указанием УДК* должна содержать: аннотацию, ключевые слова, указание на цель исследования, научную новизну, материалы и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы (источников), сведения об авторе (авторах). Возможно указание на то, по какому плану, гранту и т.д. выполнено исследование.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Одна и та же статья рассматривается не более двух раз. Статьи, не соответствующие профилю журнала, не принимаются к рецензированию. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Рукопись статьи объемом *35–40 тыс. знаков с пробелами* оформляется в текстовом редакторе Microsoft Word и высылается *на электронный адрес редакции* со следующими параметрами: размер шрифта – 12 кегль, без переносов, межстрочный интервал – 1,5, горизонтальные таблицы размером не более 110 знаков в строке, *рисунки* размером не более 110 165 мм. Файл рукописи статьи называется фамилией автора на латинице, например «Ivanov».

Объем аннотации к статье – от 180 до 250 слов. В тексте аннотации следует избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация должна отражать:

- предмет, тему, цель, гипотезу исследования;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Текст аннотации и ключевые слова (8–10 слов) приводятся на русском языке.

Помимо файла с текстом статьи обязательно в *отдельных файлах* должны сохраняться рисунки. Рисунки должны быть сделаны *в формате, позволяющем производить их редактирование и изменение конфигурации*.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы – по центру (выделяется жирным шрифтом).

Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

Список литературы приводится в конце статьи. По каждому источнику необходимо указать: для книги – общее количество страниц, для статьи – номера страниц, на которых она расположена. По тексту ссылки на источники делаются в квадратных скобках. При этом в случае прямого цитирования указывается номер страницы источника.

Ссылки на нормативно-правовые акты, статистические сборники, адреса сайтов, статьи на интернет-ресурсах без авторства в список источников не следует включать, а надо приводить по тексту статьи в сносках.

Пристательный список литературы дается в алфавитном порядке. Сначала приводится список источников на русском языке (сортируются в порядке расположения букв русского алфавита), за ним – список нерусскоязычных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация записей источников сплошная.

Перевод аннотации, ключевых слов и списка источников осуществляет редакция научного журнала.

В конце статьи обязательно должны быть приведены сведения обо всех ее авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название организации, являющейся основным местом работы автора, занимаемая должность, адрес электронной почты, почтовый адрес организации, телефон и факс для контактов. Информация представляется ***на русском языке***. Следует также представить транслитерацию имени, отчества и фамилии каждого автора, если они уже публиковались ранее в англоязычных изданиях.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и журналом должен быть заключен Лицензионный договор (см. сайт журнала <http://recis.ru>) на право использования научного произведения в журнале.

При несоблюдении требований к оформлению статей и правил для авторов рукопись статьи редакцией не рассматривается.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей научных статей с авторов не взимается.

Рукописи направлять по электронной почте:
region@ieie.nsc.ru

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах

Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,

Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*

Редактор *Е.Б. Артемова*

Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 04 июня 2021 г. Выход в свет 05 июля 2021 г.

Формат бумаги 60 84 1/16. Офсетная печать.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 17,5.

Тираж 180 экз. Заказ № 60. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru

Deputy Editors-in-Chief

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology, e-mail: bogtan@rambler.ru

V.I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, e-mail: suslov@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: sophiakh@academ.org

Executive Editor

E.S. Kopylova, e-mail: yes@ieie.nsc.ru

Members of Editorial Board

J. Bański, Doctor of Sciences (Poland); B. Bathuyan, Doctor of Sciences (Mongolia); J. Bachtler, Professor (UK); N.D. Vavilina, Doctor of Sociology (Russia); T.S. Vertinskaya, Candidate of Economics (Belarus); V.M. Heyets, Member of the National Academy of Sciences (Ukraine); B.S. Zhikharevich, Doctor of Economics (Russia); E.A. Kolomak, Doctor of Economics (Russia); N.A. Kravchenko, Doctor of Economics (Russia); Zh.A. Kulekeev, Candidate of Economics (Kazakhstan); V.V. Kuleshov, Member of the RAS (Russia); Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Russia); V.N. Leksin, Doctor of Economics (Russia); L.V. Melnikova, Candidate of Economics (Russia); P.A. Minakir, Member of the RAS (Russia); N.N. Mikheeva, Doctor of Economics (Russia); A.S. Novoselov, Doctor of Economics (Russia); I. Pálné-Kovács, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); A.N. Pelyasov, Doctor of Geography (Russia); B.N. Porfiriev, Member of the RAS (Russia); B.G. Saneev, Doctor of Engineering (Russia); S.V. Soboleva, Doctor of Economics (Russia); S. Tabata, Professor (Japan); G.A. Untura, Doctor of Economics (Russia); O.P. Fadeeva, Candidate of Sociology (Russia)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

© IEIE SB RAS, 2021

© SB RAS, 2021

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Комплекс методик анализа и прогнозирования развития восточных регионов Российской Федерации
- Структурные сдвиги в российском пространстве
- Минимизация функции социальных потерь путем решения задачи поиска компромисса между целями экономической политики региона
- Лесная промышленность Азиатской России: состояние, тенденции, перспективы
- Борьба с сокрытием выручки транспортных организаций через внедрение безналичной оплаты проезда в автобусах: банковские и транспортные карты, скидки
- Новое «отходничество» и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения новых территорий
- Особенности социального лифта «образование» в условиях межрегионального неравенства
- О проблемах формирования экономического коридора Россия – Монголия – Китай
- Экологические проблемы Арктического региона: состояние и динамика в восприятии населения (результаты социологического опроса на территории Арктической Карелии)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается **индекс DOI** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» **<http://recis.ru>**.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***«Regional Research of Russia»*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал «RRR» включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на «RRR» следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.